

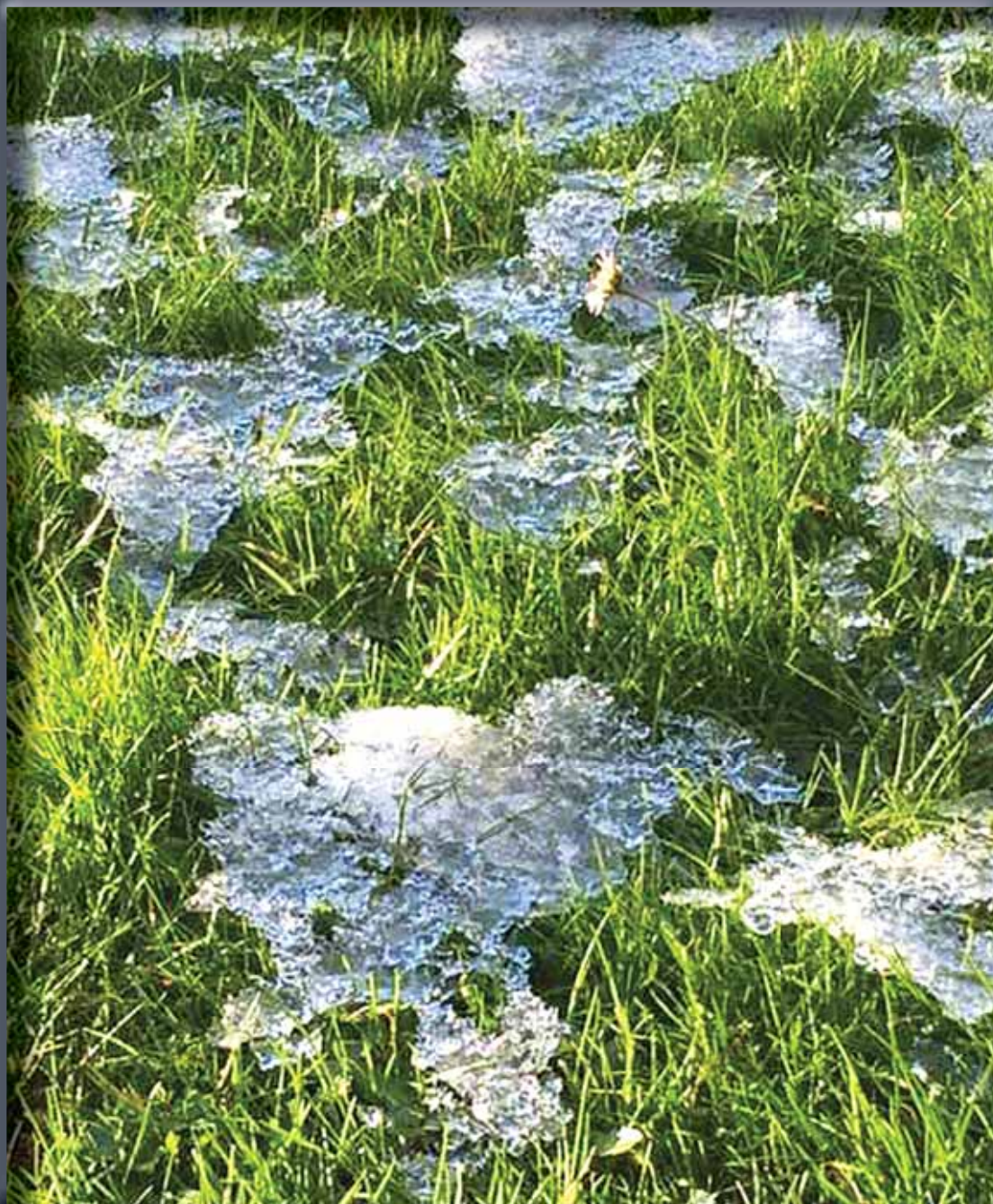
ОРДЕН
ЗНАК
ПОЧЕТА

СМЕНА

№3 МАРТ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2016

По итогам Всероссийского конкурса «Лидер подписки»
журнал «Смена» стал победителем в номинации
«ЛИДЕР ПОДПИСКИ НА РЫНКЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ 1/2016»
и получил кубок ОАО Агентство «Роспечать»
«САМЫЙ ЧИТАЕМЫЙ ЖУРНАЛ»!

Литературные страницы МСПС

<i>Иван Переверзин</i>	Наедине 4
<i>Тамара Пономарева</i>	Жизнь «за двоих» 101

Из российской истории

<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Корона за любовь 18
--------------------------------	---------------------------------

Житейские истории

<i>Лейла Кадырзаде</i>	Ваххабитка 36
------------------------	---------------------------

Неизвестное об известном

<i>Юрий Осипов</i>	«Быть вместе и уцелеть» 50
<i>Алла Зубкова</i>	Клементина — жена Уинстона 122

Шедевры

<i>Ирина Опимах</i>	Рембрандт. Картина, вошедшая в книгу рекордов Гиннеса 65
---------------------	---

Замечательные современники

<i>Елена Воробьева</i>	Александр Дзюба: «Смысл актерской профессии — в постоянном совершенствовании себя как актера — от божественной команды «начали» до божественной команды «стоп» 72
<i>Георгий Кричевский</i>	«Легкая жизнь» Андрея Кончаловского 80

Поэзия

<i>Светлана Скуратова</i>	Стихи 108
---------------------------	------------------------

Рассказ

<i>Юлия Гайнанова</i>	Уроки саксофона 110
-----------------------	----------------------------------

Детектив

<i>Анна и Сергей Литвиновы</i>	Бабочки на воде 136
--------------------------------	----------------------------------

Кроссворд. Эрудит

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
e-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8000

Зак. №

Цена свободная

Номер подписан в печать: 15.02.2016

Выпуск издания осуществляется при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям

« Об этом российском императоре написано не слишком много. Впрочем, он и императором-то являлся всего два месяца и был свергнут с престола гвардейцами Елизаветы Петровны, едва достигнув года и трех месяцев от роду. Новая императрица немного понянчилась с младенцем, а потом... отправила его в вечное заточение. Так в России появился таинственный узник, хотя существование его ни для кого не было тайной. Такова была судьба Ивана IV: всю свою жизнь он провел в цепях — сначала в золотых, а потом — в железных...

Светлана **Бестужева-Лада** «Русская "Железная маска"»

« Кто из нас в юности не зачитывался Джеком Лондоном, не отождествлял себя с сильными и отважными героями его книг — золотоискателями и просто искателями приключений на суровых просторах Аляски, в заповедных уголках Калифорнии, под палящим солнцем Южных морей? Примечательно, что он был самым издаваемым в СССР писателем после Г.Х. Андерсена, переводы его произведений издавались у нас 956 раз! Джек Лондон и сам во многом сродни своим харизматичным героям, он не раз испытывал судьбу и не раз смотрел в лицо смертельной опасности. Гордая, неукротимая личность, атлетический красавец с ослепительной улыбкой, перед которой не могла устоять ни одна женщина, но который так и не обрел в жизни свой романтический идеал...

Юрий **Осипов** «Испытатель судьбы»

« Практически невозможно быть одновременно хорошим журналистом и телевизионным начальником. Слишком разные человеческие качества требуются для того, чтобы хорошо делать либо одно, либо другое. Однако Анатолию Лысенко блистательно удалось совместить и то, и другое. Он — один из немногих, кто сумел не только сделать себе журналистское имя, но и создать «с нуля» несколько успешных телевизионных каналов.

Евгения **Гордиенко** «Человек-телевидение»

« Окончание детектива Анны и Сергея **Литвиновых** «Бабочки на воде»

Наедине

1

Городская зима, хотя давно вышли ее сроки, продолжала под давлением весны, лишь пядь за пядью отступать с завоеванных прошлогодней осенью рубежей. Она позволяла днем сплошным, грузным тучам затягивать небосклон, от чего воздух пусть чуть-чуть, но становился теплей. Но к ночи откуда-то с севера налетевший косматый ветер расчищал высь — и ударял такой сильный заморозок, что от снега, начавшего к полудню таять, образовавшиеся лужи стеклились тонким и чистым ледком, в котором отражались колючие, серебрящиеся звезды и свет фонарей.

И все же по красно-золотому солнцу, все ярче горящему в редких прогалах между туч, горожанам было понятно, что, наконец-то, подходит пора апрельского ликования природы. Но раньше них, каким-то своим птичьим сердцем, это чувствовали скворцы и чижи, несмотря на то, что из-за упорства зимы вынуждены были жаться к печным трубам, оконным форточкам или просто укрываться на чердаках, которые за день немного прогревались и делали ночные заморозки не опасными для птичьих хрупких жизней. И птицы с каждым днем все полнее и полнее стали заполнять парки и аллеи, пусть и с оглядкой, распевая свои чудные песни.

Изменение погоды сказывается по-разному на состоянии людей. Одни вдохновляются, смотрят в будущее с надеждой, словно незримые крылья вырастают за спиной. Другие, наоборот, впадают в тоску, меланхолию, жизнь для них оборачивается самой неприглядной стороной. Но есть и третьи... Они непременно становятся задумчивыми. Лишь отойдут от рабочей

ежедневной круговерти, как тотчас погружаются в размышление над своими проблемами с целью поиска выхода из них. Как раз к ним в полной мере относился Семен Петрович, убеленный сединой, с глубокими морщинами, прорезавшими высокий лоб, с голубыми глазами, светящимися жизнеутверждающим огнем, все еще по-молодому физически крепкий и здоровый телом.

В этот раз он сидел перед включенным компьютером и впервые в жизни размышлял... о сексе!.. Да-да, именно о нем, проклятом и желанном! Но, чтобы неискушенный в любви читатель не пришел в душевное смятение, добавим — о сексе с единственной женщиной, которую не просто любил, а обожал до обожествления. Приведя последний аргумент, заключающийся в том, что люди должны учиться не на своих ошибках, а на чужих, имея в виду свою любовную судьбу, он твердо решил рассказать о том, чем сильно мучился все последнее время. Тем более из-за разного подхода к близости, как духовной, так и физической, сколько молодых и не совсем людей, вроде по любви вступивших в супружество, в конце концов развелись!

Его длинные, как у пианиста, пальцы забегали по клавишам, а на экране стали высвечиваться строчки: «Влечение и обладание женщиной, не знаю, к счастью или к несчастью, никогда не было для меня первостепенным... От природы богатый духовно, я, тем не менее, изучая по нужным книгам вопрос: «В чем же смысл жизни человеческой?» — становился еще богаче и рассуждал так: «Если есть душевная близость, то, само собой разумеется, неизбежна и плотская. Эти два сильных чувства, соединяясь вместе, способны принести любящим людям то высокое счастье, которое с придыханием называют небесным...» Говорят, что мужчины испытывают чувства полового влечения до десяти раз в сутки. Может, оно и так! Только сколько бы раз я ни встречался взглядом с любимой женщиной, столько раз и желал ее. И все-таки я в любви был человеком настроения, что первой женой не было разумно принято. Почти всегда, когда я днем, оставшись вдруг с ней наедине, начинал говорить нежные слова, обнимать ее за хрупкие плечи и целовать в сочные, как созревший под золотистыми лучами южного солнца абрикос, не знающие помаду губы, в лебединую шею, давая понять, что страстно желаю ее, то в ответ на свои пылкие чувства от нее, уже самой возбужденнейшей, прерывисто и жарко дышащей, неожиданно слышал:

— Ты что, с ума сошел! Вдруг кто-нибудь зайдет! Вечера не можешь дождаться, что ли!

— Да закроем двери на ключ! Позвонят — и уйдут! Не дураки же!

— Это ты так думаешь!

После возмущенных слов жены уже никакой любви не хотелось, словно я получил хлесткую пощечину по лицу. Но, как на автомате, все же продолжил пустой разговор:

— Хорошо, но я не могу быть уверенным, что к окончанию дня, с полной отдачей сил занимаясь не только производственными проблемами, но и отдаваясь сполна, давно ставшей мне судьбой, интеллектуальной жизни, я не буду внутренне, да, пожалуй, и внешне тоже, выглядеть, как выжатый до последней капли лимон.

— Но ты ведь мужчина!..

— Что именно этим хочешь сказать?

— Вот непонятливый! Быть способным на любовь и уставшим!

— Не переживай о моей мужской силе! Она еще меня, слава Богу, никогда не подводила, но, заметь, только с дорогой мне женщиной! В конце концов, я ведь человек, а не робот! Если моя душа не будет желать близости, то я никогда не предамся страсти из плотских побуждений! Да ты и сама к вечеру не будешь такой свежей, чтобы, отдаваясь, чувствовать в полной мере любовь как самый настоящий праздник!

И после этого разговора мне, ценившему, прежде всего, в любви свободу, ничего не оставалось, как со своим желанием идти куда подальше.

Людской молвы она боялась не напрасно, поскольку сама, может быть, самому великому на свете чувству — близости, не отдаваясь в полной мере, как ни странно, знала почти все о личной жизни других в нашем небольшом городе. Но знаешь, так знай! Однако едва я, вернувшись вечером с работы, переступал порог, как она, понимая, что, поужинав, я тотчас займусь чтением книг, а если горит неотложное дело, к примеру, окучивание быстро растущего картофеля, наточив напильником тяпку, отправлюсь на огород, успевала, пока я утолял голод, грузить и грузить меня тем, что сосед Иванов ушел от жены и теперь живет с другой женщиной, или что наша знакомая Сергеева, живущая в другом конце города, изменяет своему мужу, и так далее, и тому подобное. Очень расстроил меня случайно услышанный разговор ее с моим напарником по работе, имеющим право часто бывать у нас с женой в гостях. Так вот она, без всякого стеснения, не задумываясь о моей чести, да и самолюбии тоже, жаловалась ему, что я в любви какой-то ненасытный. Все мне — давай и давай!..

От неразумного поведения жены в ранимой душе копилась и копилась обида. Может быть, поэтому, когда вдруг встречалась женщина, вызывающая в моей душе нежную симпатию, и, как я, готовая, не задумываясь, броситься в любовный омут, мне почти совсем не казалось большим грехом изменить с ней любимой жене. Это с каждым разом все отрицательней сказывалось на моих чувствах... А когда со временем я вдруг, словно

прозрев от вспышки небесной молнии, понял, что все-таки охладел к жене окончательно, то решил развестись. Но неожиданно ее отец, несмотря на свои семьдесят лет продолжавший заготавливать дрова для коммунального хозяйства, то ли не успел отскочить от спиленной лесины, то ли она повалилась непредсказуемо, но всей своей тяжестью рухнула на него. Пока старика, пролежавшего в снегу несколько часов, нашли, он простудился. А в больнице схватило сердце, и, как врачи ни хлопотали над ним, инфаркт окончательно доконал его. Не зря говорят, что беда не приходит одна. Вскоре после похорон, словно испугавшись смерти, вдова, совсем еще не старая женщина, можно сказать, и не больная, лишь мучающаяся одышкой из-за доброкачественного нароста на зобе, вместо того чтобы для начала перестать курить одну за другой папироски, решила на операцию. После этого в организме почему-то начались такие разрушительные процессы, что она в больнице же и скончалась.хлопоты по организации проводов в последний путь своих тестя и тещи легли на мои плечи, жене было не до этого — придавленная горем, она все плакала и плакала...

Мне казалось, что утрата самых родных людей сделает ее мудрее, заставит жить взахлеб. К сожалению, этого не произошло. И однажды я не стал ходить вокруг да около вопроса: продолжать и дальше тянуть супружескую лямку или нет, а решительно подал заявление на развод и, по не зависящим от меня причинам, пусть не с первого раза, но, в конце концов, развелся. Жена, так и не сумевшая разгадать до конца моей тонко организованной натуры, но удивительным образом продолжая души во мне не чаять, после зачитания судебного решения на весь зал громко и вызывающе прокричала в лицо судье: «Он вас купил! Я жаловаться буду!..» И смех и грех... И добавить больше нечего.

В холостяках я проходил недолго. Но, словно наверстывая упущенное в любви с бывшей женой, чего греха таить, ночевал все чаще и чаще у той женщины, с которой заставляла ночь. А поскольку уже тогда я был весьма известной личностью, то вскоре по городу поползли слухи, естественно, становившиеся после каждого пересказа болтливými домохозяйками, да и кое-какими мужиками «в юбке» тоже, все красочнее, все лживей. И нехорошее слово «кобель» закрепилось на некоторое время за мной крепко. Однако это ничуть не смущало мою душу, не задевало болезненно самолюбия, ибо я имел полное право в адрес злопыхателей твердо сказать: «Чья бы корова мычала, ваша бы молчала...» Хотя я, благодаря Богу высокообразованный и прекрасно знающий живопись человек, мог бы выразиться и изящно. К примеру, привести в свое оправдание сюжетную, великую, метафизической глубины картину «Христос и грешница» живописца Василия Polenova, правда, больше известного в народе как мастер

пейзажа. И сделал бы правильно! Ведь суть сюжетного полотна состояла в том, что обманутый муж свою жену, в сопровождении огромной возмущенной толпы людей, готовых, как было заведено в древнем обществе, забить камнями насмерть, привел к Христу на суд. Выслушав несчастного мужа, Богочеловек не стал выносить приговор, а обратился к возбужденным людям со словами: «Кто из вас без греха, пусть он первым бросит в эту женщину камень!» После этих слов Спасителя враз повисла глубокая тишина, ибо никого с совершенно чистой совестью в толпе не оказалось. Комментарии, как говорится, излишни. Но упрямые мысли о необходимости еще раз испытать судьбу на семейную удачу теперь все чаще и глубже стали овладевать моей душой»...

2

На этом месте своего повествования Семен Петрович посмотрел на часы, которые показывали двенадцать ночи, и решил, что пора укладываться спать. Подождал, пока не погаснет экран компьютера, и тут же в кабинете на раскладном диване, разложив постель, юркнул под теплое одеяло. Очень хотелось поскорей заспать горящие в голове совсем непростые мысли. Но, как назло, сон все не шел и не шел. С улицы в кабинет, гонимый сильным ветром, порывисто врывается воздух, с ранним наступлением темноты ставший резко холодным. Вскоре дыхание стало обращаться в легкий парок. Подумав, что в холодном кабинете сон и до утра не придет, Семен Петрович, встал, поеживаясь, закрыл форточку, и вдруг в мозгу, не смотря на то, что еще в юности бросил писать стихи, вспыхнули ярко, как порох, строчки. По личному опыту зная, что пока он их не запишет, то не уснет, быстро накинул хлопковую рубашку с длинными рукавами и, включив настольную лампу с шелковым зеленым абажуром, записал в блокнот, словно под диктовку свыше, стихи: «О, незабываемый друг мой, что ты, --/ душа, исполнявшись полета,! летя вперед, глядит вокруг, --/ и если где-то зло таится,! то не замечено, как птица,! на нежить с неба грянет вдруг.! Да и потом, ведь я же воин,! наград немалых удостоен/ за смелость, что смог проявить/ в сраженьях яростных --до крови/ за честь любви, за правду нови --/ мне жизнь под силу защитить.! Вовек не думай о печальном,! и в светлый час из дали дальней/ ко мне примчись на день, другой.! И дружно сдвинем мы бокалы, --/ и помянем друзей бывалых,! но не уйдем с тоски в запой.. ! А коли хочешь, то и вместе/ сразимся так со злом по чести,! как в молодые дни, когда/ вскипала в венах кровь от страсти.. ! И не было превыше власти,/ чем вера --в Бога --навсегда!..» «Вот теперь я почти согласен с утвержде-

нием, что жизнь во всех своих проявлениях — и горестных, и радостных, есть не что иное, как одно, не знающее конца и края вдохновение, но при обязательном условии — если в нее прорасти, как корни в почву, душой. Написанные совсем неплохо, почти по теме, стихи — тому подтверждение! Действительно ситуация складывается так, что хоть и вправду приглашай верного и умного друга для совета: как жить дальше?! Бобылем быть мне, для которого от роду самой великой ценностью является семья, как-то ну совсем не по душе», — грустно подумал Семен Петрович и с этой мыслью, едва положив голову на подушку, погрузился, наконец, в неверный сон.

Утром, когда над крышами пятиэтажек, где-то аж на горизонте едва забрезжил золотисто-розовый солнечный восход, он, как обычно, быстро встал, выпил стакан холодной воды и в легком спортивном костюме спустившись с десятого этажа по лестничным ступеням, выложенным коричневой плиткой, вышел на улицу. Благодаря практичности и трезвому уму Семен Петрович верно и рано понял большую полезность для поддержания физической и психологической формы вместо бега быстрой ходьбы. И в то раннее утро он, не изменив многолетней привычке, все ускорял и ускорял шаг на асфальтовой круговой дорожке тополиного парка.

Это не мешало ему отмечать, что весна, хоть и явилась, но, то ли слишком рано, то ли северные ветра, в нарушение природной устойчивости, принесли холодный фронт, небо смотрелось пасмурно, а солнце все никак не могло запылать в полную силу, вернее, преодолеть непогоду. Видать, по этой причине листья распускались уж слишком медленно, и то не на всех деревьях. Меж ветвей, как зимой, продолжали проглядывать дома и летящие разномастные легковые автомашины, немного оживляя смурной городской пейзаж. Кроме этого, сквозь прошлогоднюю листву, словно изжеванную, покрывшуюся ржой, зелеными язычками пламени пробивались новые ростки травы, радуя своей свежестью глаз. Пережившие — к сожалению не все! — долгую, с трескучими морозами и снежными метелями, зиму воробы и синицы и возвратившиеся в родные пенаты из теплых далей скворцы понемногу распевались. Их серебряные тонкие голоса наполняли душу теплым светом, желанием жить. И Семен Петрович, вспомнив первую жену, с горечью не мог не подумать: «Ну почему порой один человек не может понять другого, хотя всем сердцем любит его?! И это значит, что сам себя обрекает неволью на черные страдания! Можно сказать: «Ну и поделом ему!» Только если быть несправедливым и жестокосердным, ведь, в конце концов, человек может лишь предполагать, а вот Господь — всегда и везде в полной мере располагает! Эх, жизнь-загадка! Разгадал — и сладко! А нет, то хоть ложись и помирай, забыв, что через край дорога в рай!..»

Выйдя из поворота на довольно длинную прямую, Семен Петрович увидел одиноко сидящую на парковой деревянной серой скамейке женщину. Что-то знакомое мелькнуло в ее фигуре. Подойдя поближе, узнал свою бывшую коллегу по прежней работе Веронику Попову, замужнюю, мать двоих детей. Она, видать, раньше, чем он ее, заметила его и, словно надеясь, что старый приятель обознается, не обратила в сторону Семена Петровича взгляд даже тогда, когда быстрые шаги нельзя было не услышать. И лишь ощутив, как мужская тень накрыла ее, повернула голову и первой поздоровалась.

— Привет, привет, Вероника! Рад тебя видеть! — в ответ тепло произнес Семен Петрович и продолжил: — А ты совсем не изменилась, прекрасно выглядишь: блестящие молодостью глаза, густые, волнистые волосы, обвораживающая светлая улыбка.

— Спасибо за комплимент! Но в отличие от тебя, Семен, я не буду разлюбезной, поскольку мне твой вид: эта ранняя седина, эти глубокие морщины, совсем не нравятся. Уж не случилось ли чего худого?!

— К счастью, нет! Но ты же знаешь, какой я в работе неугомонный, вечно хочу сделать больше, чем мне под силу. Это, видать, и сказалось на внешнем облике.

— Не жалеешь себя, не жалеешь! А зря, ведь годы-то уже под горочку так и бегут!

— Ты права! И я скажу: не бегут, а летят! Вот ежедневной ходьбой в парке и поддерживаю здоровье. А ты-то в такую рань, если не секрет, что здесь делаешь?

— Да какая тайна от тебя, Сеня, может у меня быть? Никакой!

— И все-таки?!

— Муж объелся груш, каким-то образом стал догадываться, что я ему... Ну, сам понимаешь...

— Неужто нового любовника завела? И он так же вызывающе молод, как и предыдущий?

— Какая разница! Мне сейчас важнее предупредить его о догадках мужа. А поскольку теперь живу неподалеку, то и назначила встречу с ним в этом парке. Не предупрежу, мой благоверный таких дров наломает, что мало никому не покажется!

— Это точно! Николай твой, в прошлом профессиональный боксер, ну ни разводить с твоим хахалем не будет, по морде ему надает по первое число! И все дела! Он такой!

— Как пить дать! Но и мне не поздоровится!

— Так какого черта со своими «шурами-мурами» не завяжешь? Извини, но ведь не девочка давно! Или не понимаешь, что, как в народе говорят, сколько веревочке не виться, а конец будет?!

— Понимать-то, понимаю! Да уж натура мне от папочки досталась слишком влюбчивая! Сколько ни говорю себе о необходимости быть разумной, но все без толку: как увижу красивого мужика, так и вспыхиваю душой, словно хворост!..

Семен Петрович с жалостью посмотрел на знакомую, хотел посочувствовать, но, вспомнив, что горбатого только могила исправит, быстро попрощался и продолжил ходьбу. Вдруг вспомнились рассуждения старого товарища: «... Женщина, она такая, если уж захочет наставить рога мужу, то и с продавцом на его рабочем месте это сделает, лишь уединившись с ним на некоторое время в подсобку...» Да, сурова правда бытия! — грустно подытожил слова товарища и разговор со знакомой Семен Петрович и, словно желая уйти подальше от реалий жизни, зашагал на пределе сил. Между тем, отведенный час на скоростную прогулку истек, и он повернул к своему многоэтажному дому.

В квартире первым делом помылся, потом принял контрастный душ, от которого почувствовал освежающую бодрость духа. Докрасна растер тело махровым полотенцем и в хорошем настроении позавтракал любимой гречневой кашей, разогретой в микроволновке. Быстрорастворимому кофе, ради смородинового варенья, предпочел, будучи от природы сладкожкой, свежесваренный черный цейлонский чай с молоком. Закончив завтрак, поскольку был выходной день, убравшись на столе и помыв руки, зашел в просторный кабинет. Довольно оглядел книжные полки, от пола до потолка заставленные томами собраний сочинений великих писателей. Особое внимание обратил на книги любимого поэта и прозаика Ивана Бунина — захотелось, в какой уже раз, погрузиться с головой и душой в его какое-нибудь удивительное произведение. Но начатое прошедшим вечером повествование звало к себе, и этот зов оказался сильнее чтения... И все же он глубоко, с сожалением вздохнул о невозможности удовлетворить духовную потребность. Но едва сел за письменный стол и устремил взгляд на почти всегда работающий компьютер, как пальцы, словно сами собой, быстро забегали по клавишам.

3

«К счастью, Господь, как бы высоко не находился, смог расслышать мое желание... В один из весенних дней, словно птица с небес, в мою жизнь с ошеломляющей неожиданностью впорхнула молодая женщина, очень даже симпатичная — среднего роста, с тугим гибким телом, с огромными — на пол-лица! — сине-голубыми глазами, с густыми каштановыми

волосами, волной спадающими на покатые плечи, с небольшой, но так пленительно манящей под платьем грудью, что отвести от нее вспыхнувший взор было просто невозможно! Но особенно поражала ослепительно-белозубая улыбка, ибо в ней светилась огромная любовь к жизни, солнечная доброта ко всему живому. Мои ухаживания не были долгими. Словно ведомый свыше, я уже через месяц нежных свиданий предложил своему новому предмету страсти выйти за меня замуж. И, к счастью, тотчас получил согласие с признанием:

— А я тебя, как встретила, так сразу и полюбила!

— С первого взгляда, что ли?!

— Получается, что так!

— Счастливый же я человек!

Со второй женой любовные отношения с самого начала совместной жизни сложились иначе, чем с первой. То ли новая хозяйка моего сердца была по природе не стеснительной чересчур, то ли полюбила за мужество и последовательность решений больше жизни, но, стоило мне прикоснуться к ней рукой или посмотреть в глаза томным, обволакивающим взглядом, если, конечно, мы были одни, как она без лишних слов предавалась страсти так пылко и раскованно, словно ее упругое, гибкое тело долго не знало мужских ласк, а душа никогда не слышала одновременно нежных и горячих признаний в вечной любви. От нежданного и полного счастья я был на седьмом небе. Мне казалось, что я могу сталкивать между собой огромные горы, как лбами кипящих кровью молодых быков, что готов на самый большой подвиг, неважно — трудовой или, как солдат, военный. Окружающий мир, со всеми его бесконечными проблемами, вдруг стал видиться простым и удивительно красивым.

Лишь одно немного огорчало... Моя новая жена почти никогда не проявляла страстной инициативы. Но я тотчас же находил ей оправдание в рассуждении, что на то я и мужчина, чтобы любимую женщину соблазнить первым. Мной высоко ценилась в супруге и такая черта характера, как не дуть губы, не уходить в себя, не грустить, даже когда я, вовлеченный с головой и душой в круговорот производственных или общественных дел, случалось, подолгу не уделял ей нежного внимания. Может, она была такой только потому, что, когда я вдруг вспоминал о своих любовных супружеских обязанностях, то платоническую близость умело превращал в настоящее торжество душевной страсти? Может?! Но главное — жизнь, исполненная добра и света, мной и женой ощущалась равно.

А между тем время, сжатое до предела заботами, делами и здоровым отдыхом, летело с такой скоростью, что висящий в кухне настенный календарь показывал одно и то же число. И когда мы с женой придавали

этому значение, то кто-нибудь из нас срывал не один десяток листков, чтобы с жалостью бросить их в урну. Да-да, все памятные и праздничные даты, в том числе и дни рождения, с возрастом заставляют не столько радоваться исполнению заветных мечтаний, сколько, во-первых, с грустью понимать, что можно было сделать доброго еще больше, не дай себе слабину, скорее, от усталости, чем от лени, во-вторых, не без тоски по молодости, видеть, как годы все плотнее ложатся белым не тающим снегом на голову. С опытом, конечно, мечты претворяются в жизнь вернее и быстрее. Однако это вновь и вновь омрачает душу, поскольку, непостижимо странным образом, того, что хотелось бы осуществить, становится все больше и больше, подобно снежному кому по мере его скатывания с крутого зимнего склона.

Все это, вместе взятое, на характере и склонностях одних людей почти не сказывается, а вот на других — настолько сильно, что порой смотришь — и с удивлением думаешь: «Ничего себе, как человек-то изменился, можно сказать, до неузнаваемости!.. » К великому сожалению, часто это происходит не в пользу лучших качеств души. Что-то подобное произошло и с моей дорогой супругой. Не сразу, но все же я заметил, что она к годам второй женской молодости стала ворчливой, все больше по малейшему поводу стала проявлять недовольство, чего прежде никогда не случалось. Кроме того, и в семейных ссорах, надо справедливости ради сказать, в основном случавшихся из-за моей вспыльчивости, она начала бросать мне в лицо такое жуткое слово, как: «Ненавижу!!!» В ответ я лишь возмущенно думал: «Вот это, понимаю, благодарность так благодарность за то, что я ее горькое существование превратил в самую настоящую жизнь, в которой она, как сыр в масле, катается!.. А, впрочем, сам виноват, ведь это мне не хватило мудрой дальновидности, чтобы понять, как будут развиваться наши отношения...» Но вот что удивительно — даже душевно придя в себя, моя «любезная» супруга никогда за свою вспыльчивость не извинялась. А вот я, упрямо продолжая дорожить семьей, любовью, так сильно разгоревшейся в начале супружества, что ее огонь сумел пережить все жизненные неурядицы, в том числе и связанные с поведением дорогой, как прежде, жены, находил в себе силы подавлять уязвленное самолюбие — и, если чувствовал, что хоть на йоту виноват, спешил просить прощения.

Претерпела изменения и любовная близость... Со стороны жены это выразилось в том, что она, как мне казалось, словно потеряла сексуальный интерес к мужчинам вообще, а с моей, слава Богу, — лишь в том, что как-то незаметно для себя я стал реже заглядывать к жене в опочивальню. И, проникнувшись этим до конца, с горечью подумал: «Боже, неужели теряю

мужскую силу? Да в мои, пусть немалые, но не совсем преклонные, года такого быть не может! Вон Лев Толстой, гениальная творческая личность, то есть человек умственного труда, которая порой и впрямь сковывает сексуальную активность, и тот в семьдесят пять лет сделал в своем дневнике, казалось бы, простую запись, но как много говорящую: « ... Ночью проходил мимо спальни Софьи Андреевны, не удержался, чтобы не зайти...»

И я твердо решил, как стремительный горный поток, вернуться в прежнее мужское русло любви. Но претворить в жизнь свое желание оказалось делом не простым. Жена, хоть и жаворонок от рождения, как-то понемногу, но крепко пристрастилась до глубокой ночи смотреть по телевизору, поставленному, как назло, в спальне напротив кровати, разные занимательные фильмы. Сначала я терпеливо и мужественно ждал окончания ленты, но, уйдя с головой в свои дела, спохватывался лишь тогда, когда жена, выключив, наконец, проклятый «ящик», уже спала или делала вид, что засыпает. Приноровившись к изменившемуся характеру супруги, я не считал верным тревожить ее. Однако, убедившись в безуспешности своих намерений застать жену до сна, изменил тактику своей, можно сказать, охоты... В один из поздних вечеров, лишь супруга начала устраиваться поудобней для просмотра очередной серии, я вошел с масляной улыбкой к ней, но она по томным глазам моим поняла цель появления — и тотчас недовольно, даже нервно, словно шибко провинившемуся школьнику, выговорила:

— Я же не мешаю тебе, когда ты занят!

От этих странных слов придя в легкое замешательство, я растерялся! Но все-таки собрался с мыслями:

— Знаешь, я даже и не подумал по простоте своей, что твоей самоцелью станут бесконечные сериалы, которые, словно индийские фильмы, почти точь-в-точь повторяют друг друга!

— Если даже это и так, оставь за мной право жить так, как я хочу! Тем более в том, что я увлеченно смотрю фильмы, ничего плохого нет!

— Кроме одного! Мне как мужчине из-за этого в твоей жизни почти не осталось места!

Конечно, на правах законного мужа можно было, не мытьем, так катаньем, добиться близости. Но это значило бы, по большому счету, стать в некотором роде насильником, на что ну никак не согласился бы я, ибо выковал в себе правило: входить в интимный контакт с любимой женщиной лишь по ее безоговорочному желанию или, на худой конец, согласию!

Немного расстроенный разговором с женой, я вернулся в кабинет, где даже не стал раскладывать диван, чтобы можно было сполна уставшему за день телу дать хоть немного расслабиться. Но, разобрав постель, едва лег, как тотчас уснул.

Наши отношения с женой еще больше натянулись после того, как она, словно белены объевшись, сама, можно сказать, избегавшая близости, стала меня ревновать к каждой встречной-поперечной женщине. В тайне просматривала мой мобильник и, если обнаруживала в нем сообщение от женщины, с которой у меня были какие-то деловые отношения, тотчас врывалась ко мне в кабинет и устраивала такую сцену ревности, что думалось: «Неужели она меня, как прежде, горячо любит? Но если это так, то почему тогда из гневной тигрицы не превращается в ласковую и благодарную львицу?! Нет, видать, она от роду страшная собственница! И я с годами стал для нее собственной вещью, на которую никто другой не может иметь даже малейшего права! А то, что эта «вещь» имеет любящее сердце, страдает от ссор и непонимания — это уже не могло иметь для нее решающего фактора.

... И все же однажды вечером я в лоб спросил ее:

— Извини, а тебе не противно до тошноты копать, скажем так, в чужом грязном белье?

— Ты это о чем?

— О твоей тотальной слежке за мной!

— Представь,нисколько! — вызывающе-нагло, с презрением ответила она и продолжила: — Более того, я совершенно не считаю это аморальным!

— Пусть будет так! Но это значит, что ты тоже считаешь в порядке вещей вот уже десять лет, с тех пор как дети выросли и, практически, не нуждаются в родительской заботе, жить исключительно для себя любимой, при этом еще пытаюсь лишиться меня последнего: духовной жизни?!

— Ах, вон как заговорил без стыда и совести! Да не пошел бы ты, в таком случае, куда подальше!

Она демонстративно повернулась и ушла в спальню посмотреть очередную серию так называемой «мыльной оперы».

Прежде на наглые слова я адекватно отреагировал бы, но в тот раз они прозвучали для меня впустую, словно холостой выстрел для воробьев. И я с сожалением подумал: «Неужели жена мне действительно настолько сильно опостылела...» Все это привело к тому, что однажды я увидел сон: давний товарищ, работающий следователем в городской прокуратуре, с которым я несколько месяцев не встречался, вдруг позвонил мне:

— Привет, старик!

— И тебе, дед, не хворать!

— А ты откуда знаешь, что у меня внук появился?!

— Поздравляю! — только и ответил я.

— Спасибо! Но сейчас я хочу сообщить, что на тебя поступило заявление!..

— Вот удивил! Хотя мог бы сказать что-нибудь приятное!

— Может, когда-нибудь так и будет!

— Хорошо, тогда выкладывай все как есть!

— Ты помнишь Галину Сергеевну Иванову, пенсионерку, что с тобой по соседству жила в старом доме?

— Помню! Как забыть столь уважаемую женщину!

— Подожди любезностью в ее адрес расточаться! Ибо именно она привела в прокуратуру свою внучку с заявлением, в котором та обвиняет тебя в изнасиловании!

— Что ты такое говоришь! Да ей еще, думаю, и пятнадцати-то нет!

— А это только усугубляет твое положение! В общем, уже выписан ордер на твой арест! Думай, что будешь делать! К сожалению, я в данном случае ничем помочь не могу! Пока!

— До встречи!

И, словно уберегая от позора, пусть в сновидении, но быть посаженным за решетку с насильниками и убийцами, Господь не дал мне досмотреть сон до конца — и, тяжело дышащего, в нервном поту, разбудил. Прежде, что бы мне ни приснилось, утром, как я ни напрягал мозги, ничего вспомнить не мог! А тут — в таких деталях... «Нет, это неспроста! — подумал я. — Надо, не мешкая, сегодня же расставить все точки в отношениях с женой, которые и вылились в такое ужасное последствие как приснившаяся жуткая чертовщина!»

Весь день на работе находился, если не в прострации, то в таком состоянии, словно меня по голове оглушили. Но за полуторачасовой обратный путь все же нашел в себе силы для разговора с женой, которая, к счастью, оказалась дома. Раздевшись, я сразу же прошел на кухню и попросил ее, домывающую в раковине посуду, сесть за стол. Супруга, словно между нами ничего особенного не происходит, охотно выполнила мою просьбу, лишь вытерла полотенцем руки.

— Что-то случилось? — почти равнодушно спросила она.

— Конечно, ничего из прошлого не вернуть, — сразу же стал говорить я по существу, — но многое в наших осложнившихся отношениях можно исправить.

— А разве они, действительно, из рук вон плохи? — перебила меня жена.

— Для тебя, дорогая, может, и хорошие, но для меня — не совсем!

— Интересно, чем же именно?!

— А тем, что я продолжаю, несмотря на возраст, оставаться мужчиной в полном понимании этого слова. И в связи с этим, пожалуйста, скажи, как на духу — ты интерес к близости со мной не потеряла?!

— Надеюсь, нет!

— А что ж тогда ты меня в самого настоящего охотника превратила, только не за дичью или зверем, а за твоими любовными ласками?!

— Знаешь, всему свое время и место!

— Ничего себе, как ты заговорила! Ну, хорошо, хорошо, пусть будет по-твоему и в этот раз!

— Подожди, а что это ты так взбеленился?!

— Я не взбеленился, а просто хочу нормальной супружеской жизни, хочу, повторяю, как можно дольше оставаться мужчиной, а для этого интимная близость в мои годы, как считает медицина, должна носить регулярный характер — только и всего!

— Извини, а когда я тебе отказывала!

— Как когда?! К примеру, вчера!

— Так ты ведь хотел не дать мне любимый сериал досмотреть!

— Вот и пришли к тому, отчего, вроде бы, начали уходить! А жаль!

И я, встав из-за стола, ушел в кабинет, понимая, что дальнейший разговор, кроме как к ссоре, ни к чему не приведет. Я все еще, словно утопающий за соломинку, продолжал цепляться за полную безнадегу...»

Семен Петрович, посчитав, что закончил свое повествование, впервые за долгое время выключил компьютер, словно боясь, что мучившие его душу чувства и размышления могут внезапно продолжиться, и, закинув руки за голову, откинулся на спинку кресла.

А между тем, уже давно начатые работы ждали своего часа. На них возлагались большие надежды! Нет, стать еще более известным, чем он был, Семену Петровичу не хотелось, но высказаться до конца в том или другом вопросе — очень. Однако сделать это, не отойдя в полной мере от только что пережитого, было бы непростительной ошибкой, поскольку не позволило бы на разрыв аорты — иначе он просто не мог писать! — достигнуть новых рубежей в совершенствовании стиля, композиции и проработки сюжета.

От того, что и вторая женитьба, если не потерпела полную неудачу, то совершенно точно перестала приносить ему счастье и удовлетворение, Семен Петрович не впал в смятение, ибо четко вспомнилось, как в пору, когда он страстно любил жену и был не менее сильно ею любим, ему встретилась цыганка, которая по линиям ладони предсказала, что он будет умирать не на руках той женщины, с которой в настоящее время живет. Грустно, до боли грустно... что две звезды любви, когда-то сошедшиеся, разошлись. Может быть, они снова будут вместе, но уже в другой, а не в этой, идущей на закат и такой непростой жизни. Кто знает?! Один Господь!.. Но божье знание не дано смертному человеку. И где та женщина, на руках которой будет умирать Семен Петрович?! А, может, ее вообще нет и не будет никогда, ни в этой жизни, ни в жизни иной... □

Светлана
Бестужева-Лада

Корона

Возможно, потому, что этот роман у Екатерины разгорелся тогда, когда она была еще только женой наследника русского престола. Нарушителя семейного спокойствия великой княгини выслали из России, переписываться было почти невозможно. Даже когда после

*Станислав-Август
Понятовский —
король Польши*

Великую русскую императрицу Екатерину принято попрекать многочисленными любовниками, с которыми она бывала необычайно щедрa: дарила деревни, крестьян, деньги, драгоценности. Но один из первых ее возлюбленных остался в тени — говорят и пишут о нем мало и неохотно.

переворота Екатерина заняла трон, она не вызвала к себе прежнего возлюбленного и не сделала его своим супругом, на что он очень рассчитывал. Зато — подарила ему... польскую корону.

Станислав-Август Понятовский стал королем, но до самой смерти оставался верен своей первой роковой любви...

За любовь

*Императрица
Екатерина II*

Бал в Ораниенбауме — в загородном дворце наследника престола, великого князя Петра Федоровича и его супруги Екатерины Алексеевны — был великолепен. Праздник устроили по случаю именин наследника, в Петров день, 29 июня 1756 года, поэтому в числе приглашенных были не только придворные, но и большинство представителей иностранного дипломатического корпуса в России. Никто и не думал, что на этом празднике состоится встреча,

знаменательная не только для двух ее главных участников, но и для будущего Европы.

Впрочем, не совсем так. Судьбоносную встречу организовала не Судьба, а... новый английский посланник при русском дворе сэр Хенбери Уильямс, верный слуга своего короля, который давно искал случая быть представленным великой княгине Екатерина Алексеевне, будущей императрице Екатерине II. Пожалуй, только сэр Уильямс в то время и ви-

дел будущую «Семирамиду Севера» в молодой, недавно родившей сына женщине, которой пренебрегал муж, и которую третировала свекровь-императрица.

А между тем Екатерина Алексеевна уже была яркой личностью и очень перспективной фигурой в политическом отношении. Правительство уполномочило сэра Уильямса тратить любые суммы на то, чтобы привлечь на свою сторону будущую императрицу — не самодержицу, а просто супругу будущего самодержца. Пока, во всяком случае.

Поэтому он постарался оказаться за ужином соседом великой княгини, и во время разговора с ней умело вставил пару тонких комплимен-

го молодого человека, своего секретаря-поляка...

Ну и что? А то, что два человека, у которых теоретически вообще не было шансов встретиться, оказались рядом в нужный момент и в нужном месте. Екатерина еще не залечила сердечную рану, нанесенную ей Сергеем Салтыковым, ее первым любовником, который неожиданно бросил ее. А клин, как известно, вышибают клином. Тем более что секретарь английского посла Станислав-Август Понятовский был необычайно красив, ловок, элегантен, умен и ироничен.

Ни одна женщина не могла устоять перед ним, но тут... он сам не устоял перед женщиной:

Станислав-Август получил отличное образование. Он долго жил в Париже, посещал там знаменитый салон мадам Жоффрен, знался с королями и министрами, в общем — столичная штучка, покоритель женских сердец. Красавец-интеллектуал не мог не обратить на себя внимания Екатерины, она, естественно, без памяти влюбилась в прекрасного поляка

тов — нет, не ее красоте, а... ее уму. Это был самый верный путь понравиться Екатерине — дежурным восхищениям она не верила, а похвалы своему уму с юных лет считала самым высоким комплиментом.

После ужина посланник представил великой княгине очень красиво-

«Ей было двадцать пять лет. Оправляясь от первых родов, она расцвела так, как об этом только может мечтать женщина, наделенная от природы красотой. Черные волосы, восхитительная белизна кожи, большие синие глаза навывкате, многое говорившие, очень длинные чер-

*Екатерина
молодая*

ные ресницы, острый носик, рот, зовущий к поцелую, руки и плечи совершенной формы, средний рост — скорее высокий, чем низкий, походка на редкость легкая...»

Взаимная тяга друг к другу вспыхнула мгновенно. На глазах у десятков людей начал развиваться роман:

красивый, безумный, авантюрный, обреченный на опасный конец и оттого еще более бурный.

Сначала были письма. Понятовский писал их Екатерине от имени их общего друга Льва Нарышкина, который слегка простудился и не появлялся в обществе.

*Станислав-
Август
Понятовский*

Отлично зная Нарышкина, она быстро поняла, что письма эти пишет не он сам, а кто-то другой.

«Я отвечала, — вспоминала Екатерина. — Он просил у меня в этих письмах то варенья, то других подобных пустяков, а потом забавно благодарил меня за них. Эти письма были отлично написаны и очень остроум-

ные... А вскоре я узнала, что роль секретаря играл Понятовский».

Правда, она никогда не узнала, что Понятовского с Нарышкиным познакомил сэр Уильямс, который именно так ввел своего секретаря в высший свет Петербурга. Английскому послу нужно было оказаться в большей, по возможности, близо-

сти от великой княгини, но годы и внешность, а, главное, слишком видное положение не позволяли идти напрямик. Пришлось искать окольные тропы к сердцу и уму Екатерины.

С точки зрения дипломатии все было разыграно великолепно. Сначала сам посол завоевывает... ну, пусть не сердце, но ум Екатерины изысканными комплиментами, а потом знакомит ее с юным красавцем, очень неглупым, не скрывающим свое восхищение великой княгиней. А поскольку Екатериной при дворе откровенно пренебрегали, прекрасный поляк показался ей сказочным принцем.

Правда, принцем он никогда не был, хотя происходил из очень древ-

станции, урожденной княжны Чарторыжской, родился четвертый сын, семья уже принадлежала к польской аристократии, прочно забыв итальянского прадеда. Станислав-Август получил отличное образование. Он долго жил в Париже, посещал там знаменитый салон мадам Жоффрен, знался с королями и министрами, был истым англоманом, в общем — столичная штучка, покоритель женских сердец.

Красавец-интеллектуал обратил на себя внимание в сейме Речи Посполитой своими ораторскими способностями. Затем он приехал в Россию в качестве личного секретаря английского посланника Вильямса, а в 1757–1762 годах был аккреди-

---

После смерти Елизаветы и убийства императора Екатерина стала самодержицей. Но она не спешила вызывать в Петербург своего бывшего любовника. И все-таки Понятовский стал на всякий случай собираться в Россию, грезя о том, что он станет самым близким другом императрицы, а, возможно... возможно, даже мужем. Но, увы!

него рода Пястов — по материнской линии. Прадедом же его был итальянец Джузеппе Торелли, женившийся в 1650 году на дочери помещика из белорусского местечка Понятов. Отсюда и пошла фамилия Понятовских.

К тому времени, когда в семье краковского каштеляна Станислава Понятовского и его супруги Кон-

тован при дворе в качестве посла Польши — обычная дипломатическая карьера по тем временам.

Письма возымели свое действие — Екатерина влюбилась в прекрасного поляка.

«Под предлогом, что у меня болит голова, я пошла спать пораньше... — вспоминала об упоительных ночах

Екатерина. — В назначенный час Лев Нарышкин пришел через покои... и стал мяукать у моей двери, которую я ему отворила, мы вышли через маленькую переднюю и сели в его карету никем не замеченные, смеясь как сумасшедшие над нашей проделкой. Мы приехали в дом [Нарышкина] и нашли там Понятовского...»

Со стороны все выглядело в высшей степени благопристойно, хотя любовники с каждым днем все крепче привязывались друг к другу. Страх перед гневом императрицы Елизаветы порой был сильнее пылкой стра-

ского, то я подумала, что она сойдет с ума от радости... Потом Горн дернул графа Понятовского за рукав и сказал: "Друг мой, нет ничего более предательского, чем маленькая болонка. Первая вещь, которую я дарил своей любовнице, была собачка, и через нее-то я всегда узнавал, пользуется ли у нее кто-то большим расположением, чем я"».

У императрицы зародились какие-то подозрения (в шпионах при дворе недостатка никогда не было), и Понятовского очень вежливо выставили из России, найдя какой-то пус-

Угрызения совести мучили Екатерину: она предала искреннюю любовь человека, который в свое время ради встреч с ней рисковал жизнью. Неблагодарность не входила в число недостатков императрицы, и она придумала, как компенсировать Понятовскому моральный ущерб за потерю возлюбленной. Подарок ее был действительно королевским — польский трон

сти — свидания отменялись, переносились, были очень короткими.

Но все предусмотреть было невозможно. Как-то раз во время приема Екатерина показывала свои покои во дворце шведскому посланнику графу Горну, которого сопровождал Понятовский.

«Когда мы пришли в мой кабинет, — писала она, — моя маленькая болонка прибежала к нам навстречу и стала сильно лаять на графа Горна, но когда она увидела графа Понятов-

ский предлог. Екатерина впала в меланхолию, она страдала без «не-терпеливого человека» — так она зашифровывала возлюбленного в своих письмах.

Но Станислав-Август задействовал все свои связи и вернулся в Россию, точнее, к любовнице, в качестве посланника Речи Посполитой при русском дворе. Что уж он наобещал своим польским покровителям — неизвестно, но те, похоже, вообразили, что близость с великой

княгиней может принести Польше какие-то ощутимые выгоды. Некоторые договаривались даже до того, что, если в начале XVII века чуть-чуть не стал русским царем польский королевич Владислав, то почему бы... Идея, конечно, бредовая, но иногда и такие сбываются.

При нынешнем высоком политическом статусе Понятовскому стало гораздо труднее и рискованнее встречаться со своей возлюбленной, что, естественно, придавало особую сладость запретного плода этому роману. Он писал:

«Она никак не могла постичь, каким образом я совершенно реально оказывался в ее комнате, да и я впоследствии неоднократно спрашивал себя, как удавалось мне, проходя мимо стольких часовых и разного рода распорядителей, беспрепятственно проникать в места, на которые я, находясь в толпе, и взглянуть-то толком не смел. Словно вуаль меня окутывала».

Екатерина вспоминала более конкретные вещи:

«Граф Понятовский для выхода от меня брал обыкновенно с собою белокурый парик и плащ, и, когда часовые спрашивали его, кто идет, он называл себя: музыкант великого князя!»

Увы, все хорошее когда-нибудь кончается. Екатерина забеременела (притом, что муж годами не переступал порога ее спальни), императрица Елизавета заподозрила невестку в заговоре с канцлером Бестуже-

вым-Рюминым и окружила ее шпионами. Но Понятовского все это мало заботило — он по-прежнему использовал любую возможность для встреч с возлюбленной, матерью его будущего ребенка.

Впрочем, Екатерина тоже вела себя достаточно легкомысленно. Как бы между делом, родила дочку, нареченную Анной в честь покойной сестры императрицы, но материнские заботы молодую женщину не обременяли: дочку Елизавета отобрала так же, как и сына. Зачем ей это нужно было — совершенно непонятно, но тем не менее...

А в один далеко не прекрасный вечер «музыканта великого князя», который крался в покои великой княгини, заметила стража и не слишком вежливо сопроводила в покои... великого князя. Тот же, расвирепев, приказал вытолкать взашей чрезвычайного и полномочного посланника польского короля графа Понятовского, причем не миндальничать, а просто спустить с лестницы...

История получила скандальную огласку, и прекрасный поляк был вынужден оставить и любовницу, и Петербург, и Россию, даже без отзывной грамоты.

Екатерина была безутешна. Немного отвлекло ее от сердечных переживаний то, что нужно было спасти себя: императрица всерьез обвинила великую княгиню в сговоре с некоторыми вельможами и шпионаже. Спасло ее только то, что, во-первых, она все отрицала, даже оче-

видное, а, во-вторых, упав к ногам императрицы, слезно молила разрешить ей уехать на родину, оставив детей «в нежных руках государыни».

Елизавета поверила и простила. Да и Бестужев-Рюмин, еще один из главных подозреваемых, тоже ни в чем не сознался, а третий — граф Апраксин, умер от удара во время допроса. Страшная гроза прошла стороной, а спустя недолгое время, на Рождество 1761 года, умерла императрица Елизавета. Месяцем раньше умерла дочь Екатерины Аннушка. Было уже не до любовных страданий: началось царствование императора Петра III — самое страшное время для Екатерины.

Длилось оно не очень долго. Летом 1762 года с помощью гвардии был свергнут и вскоре убит император, а Екатерина стала самодержицей. Но она не спешила вызывать в Петербург своего прекрасного поляка: вместе с известием о перевороте Станислав-Август получил личное письмо от бывшей любовницы:

«Убедительно прошу вас не спешить приездом сюда потому, что ваше пребывание при настоящих обстоятельствах было бы опасно для вас и очень вредно для меня. Переворот, который только что совершился в мою пользу, похож на чудо... Я всю жизнь буду стремиться быть вам полезной и уважать и вас, и вашу семью, но в настоящий момент все здесь полно опасности и чревато последствиями... Прощайте, будьте здоровы».

А ведь как она его любила, как любила! Понятовский на всякий случай все-таки стал собираться в Россию, грезя о том, что он станет самым близким другом, а возможно... даже мужем. Но второе письмо положило конец его грезам:

«Правильная переписка была бы подтвержена тысячам неудобств, а я должна соблюдать двадцать тысяч предосторожностей, и у меня нет времени писать опасные любовные записки... Я очень стеснена... Я не могу рассказать вам все, но это правда. Я должна соблюдать тысячу приличий и тысячу предосторожностей и вместе с тем чувствую все бремя правления... Знайте, что все произошло из ненависти к иностранцам, что сам Петр III слывет за такового».

Это даже не намек, это уже четкое расставление акцентов: я уже не великая княгиня, которой все помыкают, я — императрица, на меня устремлены глаза всех моих подданных, в том числе, и враждебно настроенных. Любовник-поляк (а, тем паче, супруг!) в эту конструкцию никак не вписывался, но... продолжал осыпать Екатерину страстными посланиями.

Пришлось сделать последнее внушение:

«Я сделаю все для вас и вашей семьи, будьте в этом твердо уверены... Пишите мне как можно меньше, или лучше совсем не пишите без крайней необходимости».

Понятовский клял злосчастные обстоятельства и не мог понять, что

*Цесаревич
Петр
Федорович
и великая
княгиня
Екатерина
Алексеевна*

вовсе не они — главная причина нежелания императрицы его видеть. У самовлюбленного красавца в голове не укладывалось, что Екатерина могла полюбить другого. А, между тем, именно это и произошло: фаворитом новой императрицы стал Григорий Орлов, приложивший немало усилий, чтобы возвести на престол супругу крайне непопулярного Петра III. После переворота,

совершенного с невероятным и безрассудным риском, Екатерина и думать забыла о своем прежнем возлюбленном. Он был ей просто не нужен — ни в каком качестве.

Но угрызения совести все-таки были: она предала искреннюю любовь человека, который в свое время ради встреч с ней рисковал жизнью. Неблагодарность не входила в число недостатков Екатерины, и она

придумала, как «вознаградить» Понятовского за «моральный ущерб», «компенсировать» ему потерю возлюбленной.

Ее подарок-«отступное», который она вручила Понятовскому, был в большой степени искуплением ее вины перед ним. Но подарок был действительно королевским — польский трон.

Это произошло после смерти короля Августа III в октябре 1763 года. Через год Понятовский был выдвинут партией Чарторыжских кандидатом на трон Речи Посполитой и в 1764 году, при немногочисленном участии шляхты, но при активной работе русских дипломатов и с помощью русской армии, а также при решительной поддержке Екатерины II, был избран королем.

Практически все приближенные Екатерины были против этого шага. Более того, не был счастлив и свежеиспеченный король.

«Вы часто мне повторяли, что человек без честолюбия не мог бы нравиться вам. Вы вскормили его во мне... Мои стремления, впрочем, всегда ограничивались обязанностями подданного... Я точно не знаю, что вы хотите сделать из меня при настоящих обстоятельствах, но вы достаточно знаете меня, чтобы понять — такой престол, с теми пределами власти, которыми вы хотите его ограничить, с тою моею посредственностью (если не сказать хуже) не есть положение, в котором бы я приобрел славу».

Екатерина прекрасно знала своего бывшего возлюбленного: красивый и внешне мужественный любовник, Понятовский по своей натуре был слабым, безвольным, легко управляемым человеком. Именно такой король на польском троне и нужен был России, тем более что, несмотря на все мольбы и жалобы, Понятовский никогда не нашел бы в себе сил отказаться от престола. И это Екатерина тоже прекрасно знала, причем даже не скрывала своей осведомленности от окружающих:

«Из всех искателей престола он имел меньше всех прав и, следовательно, больше других должен был чувствовать благодарность к России».

«Не делайте меня королем, призовите меня к себе», — молил Понятовский. Тщетно. Императрице он был нужен на польском троне, а не в ее постели.

Отныне защита короля от его внутренних и внешних врагов была объявлена долгом России, он стал «своим» королем для Санкт-Петербурга. И «соломенным королем» для поляков, поскольку всеми делами в государстве почти открыто заправлял русский посол Репнин. Долго терпеть такое положение гордые поляки не пожелали, шляхта объединилась в Барскую конфедерацию, которая свергла короля. Точнее, объявила об этом. И тут же получила в ответ ультиматум из Петербурга (открыто), масштабный подкуп членов сейма (тайно), вступление

в Польшу русского карательного корпуса, репрессии — казнь или ссылка в Сибирь...

Король безучастно наблюдал за всеми этими событиями со стороны и... продолжал писать горестные любовные письма русской императрице. Ко всему остальному он сначала не проявлял ни малейшего интереса. Король так король — какая разница, если рядом нет любимой?

В ноябре 1771 года, однако, его равнодушие было жестоким образом разрушено. На одной из варшавских улиц на его карету напали конфедераты и... похитили короля.

съеживается до размеров небольшой страны. Слабый, безвольный человек ничего не мог противопоставить бесконечным разделам и переделам Польши.

«Государыня, сестра моя! — писал он Екатерине. — Невзирая на то, что меня огорчает молчание, которое Вашему императорскому величеству угодно хранить по поводу моих последних писем, невзирая также на то, как поражен я был, когда ваш посол во время нашего последнего с ним разговора заявил мне в резких выражениях, что судьба четверых моих министров, двое из кото-

---

Шли годы, Понятовский сидел на престоле и печально наблюдал за тем, как некогда великое государство постепенно съеживается до размеров небольшой страны. Слабый, безвольный человек никак не мог противостоять бесконечным разделам и переделам Польши

Но при этом они решительно не знали, что с ним делать, и бросили короля на произвол судьбы в карете, как ненужную трость...

Станислав-Август разгневался на своих подданных и решил, что теперь будет настоящим королем. Он им всем покажет, как издеваться над монархами!

И что? А ничего. Шли годы, он продолжал сидеть на престоле и печально наблюдать за тем, как некогда великое государство постепенно

являются моими близкими родственниками, может стать судьбой преступников... Но ведь не для того же, чтобы меня ненавидели, пожелали вы сделать меня королем? Не для того же, чтобы Польша была расчленена при моем правлении, угодно было вам, чтобы я носил корону?»

Увы, именно как раз для этого — чтобы не мешал. А на его горестные причитания Екатерина уже просто не обращала внимания. Тем более что ей было прекрасно известно:

*Станислав-Август —
король Польши*

«несчастный король» делает миллионные долги, которые, кстати, приходилось оплачивать России. Скорбя о судьбе Польши, он не отказывал себе ни в безумной роскоши, ни в изысканных утехах, ни в любовницах и дорогостоящих развлечениях.

Его знаменитые «четверги» собирали во дворце всех выдающихся интеллектуалов, и ярче всех на них блистал король. Знаменитый ловец Казанова, посетивший двор Станислава-Августа, писал:

«Король, пребывавший, как и всегда в присутствии гостей, в прекрасном настроении и знавший итальянских классиков лучше, чем какой-либо другой король, завел речь о римских поэтах и прозаиках. Я вытаращил глаза от восхищения, услышав, как его величество цитирует их... Мы болтали о чем угодно с ним, и каждый раз, как я вспоминаю поистине достойные уважения качества, коими обладал этот великолепный государь, я не могу понять, каким образом мог он совершить столь грандиозные промахи — суметь пережить свою родину».

Четверть века, комфортно сидя на королевском троне, Станислав Понятовский лелеял свою великую любовь, меняя любовниц с головокружительной скоростью, но категорически отказываясь от брачного венца. Никакие уговоры не помогали: король вовсе не желал ограничивать свою свободу рамками династического брака. Да и годы шли — рождение наследника становилось все более проблематичным.

В 1787 году, когда Екатерина в сопровождении блестящей свиты из иностранных государей и дипломатов, совершала свое знаменитое путешествие в Крым, Понятовский попытался поправить свое положение, благо его тоже пригласили. Встреча была назначена на Днепре, в Каневе, окружающие умирали от любопытства, гадая, как встретятся бывшие пылкие любовники, о чьем романе знала вся Европа. А вдруг... Екатерина захочет выйти замуж за Понятовского?

Конечно, такое предположение было абсурдным, прежде всего потому, что Екатерина... уже была замужем. За светлейшим князем Потемкиным. Но об этом не то, что Европа, не все придворные знали. Так что неизвестно, кто с большим нетерпением ожидал встречи: ее непосредственные участники или окружающие.

Увы...

«Мы, — писал бывший при встрече французский дипломат Сегюр, — обманулись в наших ожиданиях, потому что после взаимного поклона, важного, гордого и холодного, Екатерина подала руку королю, и они вошли в кабинет, в котором пробыли с полчаса. Они вышли, черты императрицы выражали какое-то необычайное для нее беспокойство и принужденность, а в глазах короля виднелся отпечаток грусти, которую не могла скрыть его принужденная улыбка... Так минуло это свидание, которое при всей великолепной теа-

тральности займет место скорее в романе, нежели в истории...»

Потом были обед, иллюминация, король давал бал (как всегда, в долг), но императрица не поехала на него...

Статс-секретарь Храповицкий вел дневник, куда записывал все высказывания государыни. Вот запись этого дня:

«Была довольна, что избавились от вчерашнего беспокойства. Князь Потемкин ни слова не говорил, принуждена была говорить беспрестанно, язык высох... Король торговался

у нее впервые появлялась регулярная армия. Это был вполне реальный шанс для Польши возродиться как независимому государству. Но из Петербурга последовал строгий окрик «любезной сестрицы», которая требовала аннулировать все, сделанное королем, а ему самому явиться для объяснения в Гродно.

Сопротивляться Станислав-Август никогда и никому не мог, тем более — Екатерине.

В Гродно его фактически арестовали и держали там до тех пор, пока он своей подписью не утвердил указ

Екатерины он больше не увидел: до самой смерти она отказывалась принимать в Петербурге экс-короля и экс-возлюбленного. Только вступивший на престол Павел I снова вызвал Понятовского в столицу. Тщеславному императору, дождавшемуся, наконец, короны, нужна была блистательная свита, и импозантный польский король прекрасно в ней смотрелся

на три, на два дня или хотя бы до обеда на другой день».

Встреча эта не дала ничего ни Станиславу-Августу, ни Польше. И тут слабый, изнеженный король, которого многие на родине откровенно ненавидели, все-таки показал, что и ему не чужд польский гонор. В 1791 году он... подписал Конституцию, которая в корне меняла судьбу Польши.

Страна становилась не абсолютной, а конституционной монархией,

о Втором разделе Польши. Немедленно вспыхнувшее вскоре восстание под руководством Тадеуша Костюшко было утоплено в крови русской армии под командованием... Александра Васильевича Суворова.

Это была единственная его военная кампания, о которой он не любил вспоминать.

Брат короля, примас католической церкви в Польше Михаил-Юрий Понятовский, был противником вос-

стания. Он вступил в тайную переписку с прусскими войсками, осаждавшими Варшаву. Письма Понятовского были перехвачены повстанцами, он был заключен в тюрьму, и ему грозила смертная казнь через повешение. Виселицы Михаилу-Юрию удалось избежать, только приняв смертельную дозу яда, который ему принес в тюрьму сам Станислав-Август.

15 ноября 1795 года последний польский король добровольно отрекся от престола, и Польша перестала существовать, поделенная между Россией, Пруссией и Австрией. Понятовскому предписали жить в Гродно, русское правительство оплатило все его долги (три миллиона золотых), он был официально взят на содержание странами, разделившими польские земли.

Екатерины он больше не увидел: до самой своей смерти она отказывалась принимать в Петербурге или где-нибудь еще экс-короля и экс-возлюбленного. Только вступивший на престол в 1796 году Павел I снова вызвал его в столицу. Тщеславному императору, дождавшемуся, наконец, короны, нужна была блистательная свита, и импозантный польский король прекрасно в ней смотрелся.

Его поселили в великолепном Мраморном дворце, где Понятовский устраивал балы и обеды. На них бывали видные сановники и ученые, ценившие компанию остроумного и образованного поляка. И, наконец, он стал писать мемуары.

Его родственник, Адам Чарторыжский, как-то утром 1797 года навестил Понятовского и застал его за письменным столом. Станислав-Август оторвался от бумаг — его глаза были заплаканы. Он писал о Петрове дне 1756 года — дне первого свидания с молодой и прекрасной великой княгиней Екатериной в Ораниенбауме.

Мемуары Понятовского сохранились. Конечно, в них он в основном оправдывается, считая себя жертвой вечной любви к необыкновенной женщине, ради которой совершил массу неприглядных поступков. Но он действительно глубоко любил Екатерину и так и не женился, хотя получал множество блестящих предложений от разных королевских и княжеских дворов Европы.

Вместе с тем, он так же глубоко любил и Польшу. Совместить эти два чувства в те времена было невозможно. Ему не было суждено спасти ни свою любовь, ни свою родину. Да и пожертвовать собой ради одной из этих святынь Станислав-Август не смог. В этом состояла трагедия короля и Польши, но в этом же заключался триумф Екатерины II и Российской империи...

Избрание королем природного поляка, в жилах которого текла кровь древней династии Пястов, вызвало воодушевление польских патриотов. Новый король отличался добродушным характером, был остроумным и приятным собеседником, любил блеск светской жизни. Его поверх-

ностное образование и, как следствие этого, неглубокие знания в науках компенсировались заботами о развитии польской системы просвещения.

На этой волне общественной поддержки Станислав-Август провел некоторые реформы, направленные на централизацию государственной власти и ограничение олигархического произвола. В частности, было ограничено право «либерум вето».

Эти шаги вызвали недовольство не только реакционных слоев шляхты, но и России и Пруссии. Последовательным противником реформ стал русский посланник в Варшаве князь Н.В. Репнин, который сумел сплотить против короля часть польской шляхты.

Опираясь на расквартированную в Польше тридцатитысячную русскую армию, противники реформ блокировали их проведение. Екатерина II отказала Станиславу-Августу в поддержке. Король, вынужденный ориентироваться на Россию, согласился с требованиями Репнина.

Следование в фарватере русской политики вызвало охлаждение, а затем и ненависть польских патриотов к королю. Наиболее энергичные его противники образовали Барскую конфедерацию, которая в 1768 году начала боевые действия против русских и королевских войск. Понятовский избегал решительных действий против конфедератов, предпочитая тайные переговоры и подкуп вождей конфедерации.

Барская конфедерация послужила поводом к требованию Пруссии и Австрии разделить польские земли из-за неспособности Речи Посполитой поддерживать должный порядок на своей территории. Занятая войной с Турцией, Россия не могла противостоять притязаниям Пруссии и Австрии и решила также принять участие в разделе. В 1772 году значительная часть территории Речи Посполитой перешла под юрисдикцию соседних государств. Станислав-Август покорно принял решение великих держав, не осмелившись открыто перейти на сторону польских патриотов.

С этого времени Понятовский перестал играть значительную политическую роль в жизни Польши. Он проводил годы в веселье и удовольствиях светской жизни, не думая о будущем, и на упреки в забвении интересов родины с бравадой отвечал, что ему лично нужно столько земли, сколько уместится под его треугольной шляпой.

Он умер в феврале 1798 года, в том самом Мраморном дворце на берегу Невы. Последнее, что видели его глаза, — белое ледяное поле Невы, каменные стены мрачной Петропавловской крепости.

Станиславу-Августу устроили пышные королевские похороны. Согласно легенде, император Павел I возложил на голову покойного позолоченную серебряную корону. Его похоронили в церкви святой Екатерины

*Станислав-
Август*

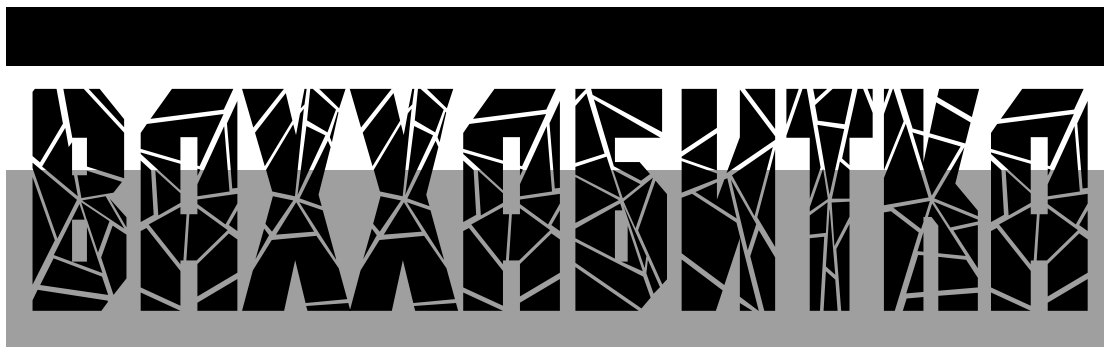
ны на Невском проспекте, в самом центре имперской столицы с королевскими почестями.

Незадолго до Второй мировой войны большевики закрыли храм Святой Екатерины, а прах польских королей в 1938 году передали полякам. Но Польша, похоронив патриота Лещинского в Кракове, не хотела знать короля-предателя Станислава-Августа. Его прах погребли в скромном костеле местечка Волчий, где когда-то он родился.

Но и на этом не закончились злоключения несчастного Станислава-Августа. В 1939 году по пакту Молотова-Риббентропа Волчин отошел к СССР, могила была вновь вскрыта и ограблена. Исчезла позолоченная корона, гербы и большая часть костей. И только в 1995 году, почти две-сти лет спустя после смерти Понятовского, прах последнего польского короля был с почестями перезахоронен в Варшаве. Наконец он обрел покой — Родина-мать приняла и простила его... □

Маша тоскливо посмотрела в окно. Небо было серое и безрадостное. Она не любила осень с ее депрессивными тонами, затяжными, как женские слезы, дождями и рано наступающей темнотой.

Джек прыгнул на колени и нежно лизнул ее в щеку. Она улыбнулась и чмокнула его во влажный нос. Он всегда каким-то шестым чувством понимал, когда ей грустно. Маша крепко обняла щенка за шею, затем поставила его на задние лапки и громко продекламировала:

«Не предадут, не кинут, не подставят. И за обиду вам не отомстят,
В беде не бросят, не оставят... Любить учитесь, люди, у собак!»

Пес благодарно завилял хвостом.

Хлопнула калитка — это мама вернулась с работы.

Зинаида Григорьевна работала преподавателем русского языка в школе — той самой, которую окончила и сама Маша. Уже с порога она начала ворчать:

— Как же меня все достало. Учиться никто не хочет, зарплата мизерная. Правильно говорят — в школе зарабатываешь только стресс и миллион болезней, а в конце месяца тебе выдают немного денег на их лечение.

Маша выглянула в прихожую, взяла у матери тяжелую сумку с картошкой:

— И поэтому ты заставила меня поступать в педагогический?

Зинаида Григорьевна, морщась от напряжения, стащила с отекавших ног неудобные лодочки на каблук:

— А куда ж еще, Машенька? С твоими-то баллами и моими финансами. Да и то... на бесплатное ты не смогла поступить. Вот теперь мне еще три года платить за твое обучение.

— Кстати, мам, опять в деканат вызывали, сказали — надо заплатить за полгода, дальше тянуть нельзя. Грозилась отчислить.

Зинаида Григорьевна так и застыла с лодочкой в руке:

— Да где ж я возьму деньги? В школе зарплату уже третий месяц задерживают...

Маша училась на втором курсе. В группе у них был всего один парень, Миша, — в последнее время профессия учителя перестала привлекать сильный пол. Неудивительно, что симпатичный юноша был буквально нарасхват. И все девчонки просто обзавидовались, когда Маша начала с ним встречаться. Миша был частым гостем в их доме, они вместе готовились к экзаменам, а дважды в неделю занимались в паре латиноамериканскими танцами.

С того момента, как они познакомились на вступительных экзаменах, Миша прочно вошел в ее жизнь, стал, можно сказать, частью ее быта — как горячий обед на кухне, выглаженное платье, висящее на спинке стула, и все те незаметные, но нужные мелочи, которыми ее заботливо окружала мама.

Воспитала Мишу бабушка, отец и мать, хронические алкоголики, жили в каком-то маленьком городишке, на Дальнем Востоке. Он уже и не помнил, как выглядят его биологические родители. Несмотря на привлекательную внешность, Миша был замкнут и не любил шумных компаний. У него был всего один друг — Саша, парень, живущий по соседству.

Маша грустно вздохнула, подошла к окну. Дождь все усиливался.

— И Миша не пришел, дождя, что ли, испугался?.. Вот так всегда — когда он нужен, его, черт знает, где носит! Конечно, в смысле финансовой поддержки он полный ноль, но советом-то помочь можно...

Она накинула плащ с капюшоном, крикнула:

— Mam, я к Мишке, скоро буду!

Миши дома не оказалось. Бабушка сообщила, что он пошел проведать Сашу, тот вроде немного приболел.

Звонок в Сашкиной двери не работал, на стук никто не ответил. «Зря только мокла под дождем», — раздраженно подумала Маша и со злостью пнула ногой обшарпанную дверь. От удара та неожиданно распахнулась...

Потом она долго и безуспешно будет пытаться выкинуть из головы эту картину — два обнаженных тела, и глаза, смотрящие на нее с животным страхом. А тогда... Она просто убежала, с силой захлопнув за собой дверь.

Ей трудно было разобраться в буре эмоций, охвативших ее. Чего здесь было больше — отвращения, унижения, разочарования? Как же она была слепа? Теперь все встало на свои места — осторожность в отношениях, которую она объясняла чрезмерной застенчивостью, забота, носящая скорее братский характер, скрытность, комплексы... да и многое другое...

Через час он пришел к ней и со слезами умолял никому ничего не рассказывать:

— Если кто-нибудь узнает... здесь мусульманская страна, будут издеваться, руки никто не подаст. Скажешь кому-нибудь, я убью себя, и это будет на твоей совести! Умоляю, ну, обещай, что не скажешь!

Он ушел, оставив после себя шлейф едкого омерзения.

Она же зарылась головой в подушку и проплакала всю ночь.

Джек, просунув острую черную мордочку под ее лицо, нежно слизывал соль на щеках.

Спасительный сон подарил ей несколько часов забвения. Но утром, открыв глаза, она тут же вспомнила события вчерашнего вечера и подумала: «Хорошо, что сегодня воскресенье, не надо в институт. Там не избежать встречи с Мишей». Решила отодвинуть на потом неприятные воспоминания, забить их другой проблемой:

— Надо срочно одолжить денег. Только вот у кого?

Умылась и, даже не позавтракав, помчалась к школьной подружке Дине. Та удивилась неожиданному визиту:

— Что-то случилось? У тебя физиономия зареванная...

— Долго рассказывать. Кругом одни неприятности. Вообще-то я хотела попросить у тебя... Даже не у тебя, а чтобы ты попросила у отца... — Маша смутилась и выдохнула залпом: — Короче, мне срочно за учебу надо заплатить, а то отчислят, а маме зарплату задерживают. Ты бы не могла попросить у папы в долг для меня?

Отец Дины — дядя Самвел — держал палатку на вещевом рынке. Ездил в Турцию, привозил недорогой ширпотреб. Торговал по-мелкому, но бойко.

— Да нет, откуда у него лишние деньги? — замялась Дина. — В торговле — полный штиль, никто ничего не покупает. Даже не знаю, чем помочь...

Из соседней комнаты показался дядя Самвел:

— Кого я вижу?! Маша, где твой Миша? — засмеялся он собственной шутке.

— Здравствуйте, дядя Самвел. Извините, я пойду уже, тороплюсь...

— Ну, куда убегаешь, — схватил ее за руку Самвел. — Я все слышал. — И, повернувшись к дочери, передразнил ее: — «Полный штиль»! Нечего за меня отвечать! У Самвела никогда штиля не бывает! Не волнуйся, дорогая, дам я тебе денег!

— Ой, спасибо, дядя Самвел! Я все верну, не беспокойтесь.

— А я и не беспокоюсь. Не в долг даю — отработаешь на рынке. Продащица моя не может без выходных работать, так что по воскресеньям будешь ее заменять. Работа — «не пыльная», считать ты умеешь.

Маша вздохнула с облегчением — одной бедой меньше.

Работа на рынке раз в неделю по выходным была действительно «не пыльной» и не отрывала от занятий. Тем более что и танцы после истории

с Мишей она окончательно забросила. У Самвела были постоянные клиенты, торговля шло неплохо. Беспокоило только одно — становившаяся уж слишком навязчивой забота пожилого армянина. Сначала она не придавала особого значения его визитам. Самвел приезжал во время обеденного перерыва на своем черном джипе и всегда приносил горячий люля-кябаб, купленный тут же на рынке. Она стала все чаще ловить на себе плотоядный взгляд его масляных глаз, жар потных рук, которыми он как бы ненароком к ней прикасался, привозя новую партию товара. Маша не знала, как реагировать на ухаживания своего работодателя — вроде отец подружки, к тому же помог в трудный момент.

В один из воскресных дней Самвел, плотно пообедав с ней и выпив полбутылки водки, открыто заявил:

— Ты мне очень нравишься. И я хочу, чтобы все у нас было по взаимному согласию. Я еще не старый мужчина, во мне бурлит горячая кавказская кровь. До штиля еще далеко — твоему мишке-медведю фору могу дать. К тому же Дина сказала, что вы с ним расстались. В наше время тяжело девушке, да еще такой красивой, одной быть. А мне много не надо. Раз в неделю приласкай Самвела, а он тебя как куколку оденет, обует, машину купит — все, что захочешь. Ни в чем нуждаться не будешь! Ты хорошо подумай, торопиться не буду! — И вышел из палатки, оставив неприятный осадок в душе.

Маша нервно перебирала товары на прилавке и не заметила, как подошла одна из ее постоянных клиенток. Эта женщина с ног до головы куталась в черную паранджу, только глаза блестели из открытой щелки. Маша слышала, что так предписывает Коран. Женщина в черном, по всей видимости, была не из бедных. Приезжала на белой «ауди», покупала в основном детскую одежду, иногда что-то для себя.

В этот раз она попросила показать детскую синюю шапочку, заплатила, собралась уходить, потом внимательно посмотрела на Машу:

— Вижу, плохо тебе. Что-то случилось?

И тут Машу прорвало:

— Вам-то какое дело?! Вы за шапкой пришли или как? Что вы все ко мне лезете?! Достали уже!!! Ну, что за жизни!

Та молча слушала, только черные глаза смотрели не мигая, и была в них такая неподдельная жалость и понимание, что девушка, не выдержав, разрыдалась. Женщина стала тихо гладить ее по голове, приговаривая:

— Поплачь, легче будет. Я вижу, ты девушка порядочная, правильная. А жизнь эта действительно поганая, в одном только Аллахе можно найти утешение. — И протянула книжку: — На, почитай. Да и снизойдет покой в твое сердце. Если захочешь поговорить, позвони. — Она оторвала от блокнота листочек, чиркнула номер телефона, рядом имя — Амина, и ушла, забыв на прилавке синюю детскую шапочку.

Книжка была на русском языке, и каждое слово в ней целительным бальзамом ложилось на сердце.

Потом Маша позвонила Амине, и та неожиданно пригласила ее в гости. Прихватив с собой забытую шапочку, девушка отправилась на другой конец города. Квартира, в которой жила новая знакомая со своим сыном лет десяти, была опрятной, но несколько аскетичной. Здесь не было каких-то фигурок, украшений, репродукций, которые так любила Маша, только самое необходимое, без всяких излишеств. Амина приняла ее как родного человека, будто они были знакомы всю жизнь.

За чашкой чая с невероятно вкусной пахлавой, которую новая подруга приготовила специально в честь гостя, Маша, неожиданно для себя самой, рассказала Амине о Мише, о грязном предложении Самвела — отца лучшей подруги, о своих материальных проблемах. Амина знала правильный ответ на все вопросы, мучавшие ее. «Истина — одна. Аллах на все дал четкие указания, — говорила она, — все остальное — от шайтана, который терзает нас сомнениями».

Выговорившись, Маша почувствовала опустошение и, вместе с тем, долгожданное освобождение от горечи, душившей ее все последние дни.

Провожая гостью, Амина протянула ей пачку денег со словами: «На, верни долг этой похотливой собаке. И больше не ходи на рынок. Возвращать не нужно — люди должны помогать друг другу».

С этого дня Амина прочно вошла в жизнь Маши. Она принесла ей Коран на русском языке, научила молитвам, познакомила с другими девушками из своего окружения. Они сильно отличались от прежних подружек, у которых на уме были только дискотеки, выпивка, сигареты и мальчики. Эти девушки, добровольно заточившие себя в черную паранджу или хиджабы, исповедовали салафизм, но окружающие называли их ваххабитками и почему-то сторонились их.

Маша и прежде с уважением относилась к религии страны, ставшей ее родиной, но не знала различий между официальным исламом и тем течением, которого придерживались новые подруги. В общем-то это было и неважно для нее.

Мама в штыки приняла увлечение дочери чужой религией. Но все теологические споры заканчивались ее полной капитуляцией, так как познания о Боге, христианстве и православной церкви, к коей Зинаида Григорьевна причисляла себя скорее по праву рождения, а не по осознанному выбору, оставляли желать лучшего.

— Доча, ты же русская, крещеная. Это же грех, опомнись! — увещевала она Машу.

— Мама, тебя предала твоя власть и твои попы. Им всем наплевать на нас. А в джамаате (общине) нет деления на национальности, есть братья и сестры по вере.

Обращение в новую веру и новое имя Марьям, данное ей сестрами, было добровольным и осознанным решением. С того самого часа уважение и теплое отношение к ней всех остальных девушек еще больше возросли.

В этот же судьбоносный день Марьям надела хиджаб и заявила матери, что больше не будет ходить в институт. Разразился страшный скандал.

— Что ты делаешь со своей жизнью? Я столько вложила в твоё обучение! Растила одна, без отца, царствие ему небесное... работала день и ночь в этой треклятой школе за гроши... И что взамен? Ты бросаешь институт, не работаешь... Да на что мы будем жить — об этом-то ты хоть подумала?

Марьям отрешенно слушала ее:

— Было бы лучше, чтобы я пила, курила, ходила в мини-юбках, соблазняя мужчин?.. Ты этого хотела? Это, по-твоему, правильная жизнь?.. О деньгах же не переживай — братья и сестры помогут нам.

Помощь действительно была — регулярная, ежемесячная. Этого с лихвой хватало на жизнь.

Как-то в калитку постучали, и Джек тут же зашелся лаем. Марьям, накинув хиджаб, как раз собиралась на базар. За калиткой стояла староста их группы Румия. Увидев подружку во всем черном, она на несколько минут лишилась дара речи:

— Маша, это ты?! Что с тобой?! Девчонки волнуются — не заболела ли, почему не ходишь на занятия, на звонки не отвечаешь? И Миша ничего вразумительно не говорит. Вы что — расстались?

— Нет больше Маши, — глядя ей прямо в глаза, твердо заявила девушка. — Есть Марьям. Я уверовала в Аллаха и приняла ислам! Я не могу посещать занятия там, где парни и девушки обучаются вместе. Это — харам.

— Да что ты такое несешь?! Я тоже мусульманка и совершаю намаз, но это не мешает мне жить нормальной жизнью и учиться. Пророк Мухаммед (Да благословит его Аллах и приветствует!) призывал людей к просвещению. Он говорил: «Час, потраченный на получение знаний, дороже ночи, проведенной в молитве». И что это за одежда? Покажи, где в Коране сказано о том, что нужно быть ходячей черной палаткой? Тебя завербовали ваххабиты. Опомнись! Они ничего общего не имеют с настоящим исламом. Это — террористы, для которых нет ничего святого!

Спор ничем не закончился. Румия, пожав плечами, бросила напоследок:

— Это, конечно, твоя жизнь. Когда-то, возможно, ты поймешь, что все эти люди просто прикрываются религией, но будет поздно.

Хлопнула калитка. «Вот и хорошо, вот и последняя дверь закрылась», — подумала Маша.

Как-то Амина показала ей фотографию своего двоюродного брата. Со снимка на нее в упор смотрел юноша со жгуче-черными глазами, такими

же черными волосами и бородой. Он был одет в камуфляжную форму и берет, на котором что-то было написано арабскими иероглифами. Мужественный облик этого «мачо», как его назвала про себя Марьям, так контрастировал с женственной красотой белокожего голубоглазого Миши...

Амина почувствовала смущение девушки и просто спросила:

— Он нравится тебе? Пойдешь за него замуж?

— Но ведь мы даже не знакомы.

— Он видел тебя, издали. И хочет взять в жены.

— Создать семью с человеком, которого не знаешь?.. Бывает, люди иногда не сходятся характерами.

— Если жена во всем покорна мужу, как предписывает ислам, характер не имеет никакого значения. Это все пустые разговоры. Сколько сегодня разводов... И, заметь, в основном среди неверующих. Почему они разводятся, лишая своих детей полноценной семьи?..

Через пару дней Мехти пришел знакомиться и просить Машиной руки. Джек встретил его во дворе громким лаем. Юноша легонько пнул собаку носком солдатского ботинка, пес заскулил, забился в конуру и не вылезал, пока гость не ушел.

С Зинаидой Григорьевной Мехти держался напряженно. Говорил мало, предпочитая коротко отвечать на вопросы. А она, нисколько не церемонясь, сразу задала вопрос в лоб:

— Вы — боевик?

— Никогда так не говорите! — возмутился Мехти. — Нас только враги называют этим словом!

— Мама, Мехти — моджахед, борец за справедливость, — вмешалась Марьям. — Они воюют за то, чтобы богатые не притесняли бедных, чтобы все жили по законам Аллаха.

Мать тихо вздохнула и ушла в свою комнату.

Свадьба была скромной — жених с друзьями справляли торжество отдельно, Марьям — отдельно, в окружении единоверок.

— Машенька, не по-людски это, — горько причитала мама. — В загс не пошли, не расписались... Ни тебе музыки, ни танцев, ни водочки на столе. Неужели о такой свадьбе ты мечтала?

— Я глупая была, мама. Это все — харам. Иншаллах, и ты когда-нибудь встанешь на путь истины. А загс — пустая бумажка, мы заключили кябин у муллы, с благословения Аллаха...

Три дня после свадьбы Мехти жил у них. Мама уехала погостить в деревню к двоюродной сестре, тактично оставив новобрачных одних. Это были самые счастливые дни в жизни Маши-Марьям. Она узнавала мужа

все лучше, и он не разочаровывал ее — Мехти был не только красивым, но и ласковым, нежным, веселым.

Как-то, шутливо перебирая волосы на его бороде, она спросила:

— Разве борода для вас — обязательный атрибут?

— Да, это ваджиб по шариату, — серьезно ответил он, потом так же серьезно добавил: — У Карла Маркса тоже была борода. И у Энгельса, — и весело рассмеялся.

Только одно событие отравило радость этих дней. Каждый раз при виде Мехти Джек заходился лаем, забивался в конуру, а тот качал головой:

— Нельзя, чтобы собака оскверняла жилище, в котором совершается намаз. А эта псина, к тому ж, черная. Пророк — да благословит его Аллах и приветствует — предостерегал: черная собака — это шайтан.

Мехти запретил пускать Джека в дом, а наутро после свадьбы вышел во двор с лопатой в руках.

«Наверное, в огороде решил покопаться, — решила Марьям и, с нежностью глянув на сильные мускулистые руки мужа, его широкие плечи, подумала: — Какая же я счастливая!» После обеда собрала остатки еды, чтобы вынести Джеку — пусть тоже порадует за хозяйку.

— Не надо, — коротко бросил Мехти, заметив ее приготовления.

Сердце разом похолодело от страшного предчувствия. Она кинулась во двор с криком:

— Джек! Джек! Где ты, Джек?

Мехти подошел сзади, обнял за плечи, легонько подтолкнул к двери:

— Иди в дом!

— Ты убил его? — повернулась она к нему с искаженным от боли лицом, затем забежала в дом, бросилась на кровать и зарыдала в подушку.

Мехти лишь тихонько, как ребенка, гладил ее по голове:

— Нельзя плакать по шайтану. Успокойся!

— Джек — не шайтан, он был моим лучшим другом, он был добрый, умный! Ты убил его! За что?! — кричала она.

— Никогда больше не смей кричать на мужа, женщина, слышишь?! Никогда, — раздельно, по слогам, повторил он.

Сказал, как будто по щекам отхлестал. Это была их первая и последняя ссора.

Марьям ни разу не пожалела о своем выборе. Мехти был нежным заботливым мужем, требовательным, но справедливым. Их брак можно было бы назвать идеальным, если бы Мехти всегда был рядом. Но встречались они не чаще, чем раз в неделю.

Отношения с тещей оставляли желать лучшего. В те дни, когда приходил зять, Зинаида Григорьевна уезжала к сестре, сводя контакт с ним до

минимума. Мехти же просто игнорировал ее. Никогда не здоровался первым — так предписано было обращаться с неверными по его убеждению. Марьям скрыла от матери правду о смерти Джека, сказав, что собака выскочила на улицу и попала под машину.

Зинаида Григорьевна весь день проплакала на кухне, но расспрашивать подробности не стала. В последнее время они стали совсем чужими и почти не разговаривали. Она молчала, когда дочь сожгла все свои фотографии. «Это — харам, фотографироваться разрешается только для документов», — объяснила Марьям матери. Зинаида Григорьевна успела спрятать только одну, сделанную 1 сентября, когда Маша пошла в первый класс. С фотографии на нее смотрела смешливая голубоглазая девчушка с большим букетом белых хризантем и огромными белыми бантами на голове.

В их доме больше не звучала музыка — это был харам. Маша выбросила все свои некогда любимые диски. Да и телевизор Зинаида Григорьевна смотрела в своей маленькой комнате, прячась от бдительного ока дочери, считавшей почти все передачи недозволенными.

Марьям во всем подчинялась мужу, а он, как ребенка, наставлял ее:

— Мужчины сильнее женщин, в этом превосходство мужского пола над женским. Такими нас создал Аллах.

Она была послушной женой и никогда не перечила ему. Как-то на свой день рождения попросила подарить ей туфли на высоком каблуке, которые недавно присмотрела в магазине. Мехти терпеливо объяснил ей, что справлять дни рождения и светские праздники — это харам.

— Как скажешь, любимый, — послушно согласилась Марьям. — Ну, тогда купи мне их просто так.

— У тебя есть несколько пар обуви, — ласково погладил ее по голове Мехти. — Значит, это исраф, расточительство, которое не приветствуется шариатом. К тому же для истинной мусульманки носить обувь на каблуках не желательно. Во-первых, в этом есть обман, то есть ты хочешь показаться выше, чем тебя создал Аллах. Во-вторых, это вредит здоровью. А, главное, на каблуках ты будешь похожа на неверных женщин.

Рождение дочери еще больше сблизило их, даже в отношениях с тещей наметилось относительное потепление.

— Я назову ее Айша, как любимую жену пророка Мухаммеда, Салла-л-Ла'ху Ала'йхи ва Салам! (да благословит его Аллах и приветствует!), — заявил Мехти.

Естественно, его выбор не подлежал обсуждению. Поэтому Марьям приятно удивилась, когда Зинаида Григорьевна, взяв новорожденную на руки, сказала:

— Какое красивое имя. Айша...

С этого дня голубоглазая девочка заменила бабушке все, в том числе дочь, с которой она уже отчаялась найти общий язык.

Шли месяцы, годы. Втайне от дочери и зятя, пожилая женщина праздновала дни рождения внучки, забирая ее в эти дни к сестре в деревню. Покупала нарядные платица, игрушки, книжки. Правда, Мехти категорически запретил кукол и плюшевых мишек, которых так просила маленькая Айша. «Изображения людей и животных — харам», — объяснил он теще.

По этой же причине были выброшены на свалку альбом для рисования, цветные карандаши, купленные бабушкой, а вместо сказок Марьям читала дочке хадисы из жизни святых.

Из-за строгой цензуры бабушка и внучка научились конспирации, у них появились свои маленькие секреты. Когда, например, они оставались одни, Зинаида Григорьевна сажала девочку на колени и включала канал Диснейленд, где весь день крутили мультики, которые так любила Айша.

Жизнь текла своим чередом. Марьям ждала второго ребенка и была уже на пятом месяце беременности. «Подари мне сына», — говорил Мехти, ласково глядя ее по округлившемуся животу. И когда после УЗИ она сообщила, что у них будет сын, он радовался как ребенок, а однажды, придя после работы домой, сказал:

— Посмотри-ка в окно.

Во дворе стояла новенькая белая «тида». Марьям бросилась ему на шею, поцелуями покрыла бородатое лицо:

— Но разве это не исраф по шариату?

— Нет, любимая. Я не хочу, чтобы моя женщина ездила в общественном транспорте, где к ней могут прикоснуться чужие мужчины.

Марьям почти ни с кем не общалась. Ездила только в магазин за продуктами и купить кое-что по мелочи. А как-то вечером к ним зашла Амина. Марьям знала, что несколько дней назад похоронили ее мужа. Он тоже был моджахедом. Правда, Мехти не вдавался в подробности, а она почему-то не спрашивала о причинах его смерти.

— Амина, прости, это я должна была первая прийти. Ведь у тебя такое горе... потерять любимого мужа...

Марьям знала, что родственница уже во второй раз стала вдовой — бедняжке явно не везло. И очень удивилась, услышав в ответ:

— Горе? Мы должны радоваться за него — ведь он теперь в раю.

Марьям не нашлась, что ответить, только прошептала:

— Трудно будет одной растить сына...

— Братья найдут мне нового мужа.

— А ты хочешь замуж? — еще больше удивилась Марьям.

— Женщине нельзя долго оставаться одной. Ничья — значит, чужая. Братья всегда берут на себя заботу о вдове и детях умершего. О моем сыне тоже позаботятся.

Весть о взорвавшемся возле школы автобусе потрясла весь город. Это был теракт. Погибло 18 человек, среди них трое детей. Страшную новость сообщила мать — Марьям не смотрела телевизор и не читала газет.

В этот же день поздно ночью к ним неожиданно появились полицейские:

— Где Мехти, говори! Где прячутся эти твари?!

— Я не знаю. Я, правда, не знаю, — прошептала трясущимися губами Марьям.

На шум проснулась и заплакала Айша.

— Вы пугаете ребенка, хоть ее пожалейте, — взяв внучку на руки, потребовала Зинаида Григорьевна.

Человек в майорских погонах зло бросил:

— Пожалеть ребенка, говоришь? — и с ненавистью посмотрел на Марьям: — А детей, которых убивают ваши братья, тебе не жалко? Бандитская подстилка! Одна из ваших же сестер-шахидок и подорвала автобус.

Когда стих топот ботинок — сильнее стали слышны стук сердца и всхлипывания Айши. Мать молча прошла в спальню, качая внучку на руках:

— Не бойся, маленькая, все хорошо.

Целый месяц от Мехти не было никаких вестей. Марьям несколько раз вызывали в милицию, допрашивали, потом отпускали. А как-то раз, когда она делала покупки в магазине, к ней подошла какая-то незнакомая женщина в черном и торопливо сунула в руку записку. Почерком Мехти там был написан адрес — он просил ее приехать поздно вечером, когда совсем стемнеет.

— Ты уверена, что никто не следил за тобой? — спросил с порога Мехти.

— Да, любимый.

— Ну, как вы там, как Айша? Как мой сын, еще не толкается? — шутливо погладил он по округлившемуся животу.

Она улыбнулась, а потом робко спросила:

— Ведь это не наши братья?

— Ты это о чем?

— О взрыве в автобусе.

— Это Амина. Она стала шахидкой и сейчас в раю, — в упор посмотрел на нее Мехти.

В сердце словно оборвалась натянутая струна:

— Амина? Это была Амина?! Как же так... как она могла? Там же ехали обычные мирные люди, там были дети... Как ее сын, как наша Айша!..

— Детям прямая дорога в рай — ведь на них еще нет греха... Это джихад, любимая. Кровь должна пролиться, чтобы мир стал чище. И каждый из нас должен быть готов умереть за правое дело.

Марьям с ужасом слушала его, широко раскрыв глаза:

— Я боюсь, Мехти. Мне страшно! Я не хочу, чтобы убивали мирных людей. Я не хочу, чтобы мои близкие умирали...

— Смерти не надо бояться, милая. Она — избавление. Я мечтаю стать шахидом ... и ты должна молиться об этом.

— Мехти, подумай обо мне, об Айше, о нашем будущем ребенке. Что будет с нами, если тебя убьют? Я не хочу, чтобы меня, как Амину, выдавали замуж за второго, третьего... или превратили бы в «смертницу». Аллах создал женщину, чтобы она давала жизнь, а не отнимала ее.

Она смотрела на это бородатое, вдруг ставшее чужим лицо, а слезы непрекращающимся градом текли по щекам, и казалось, что вовсе не из глаз они льются, а это по каплям растекается душа, а с ней вместе уходит понимание того, что происходит. Все, что раньше казалось единственно-правильным и понятным, теперь пугало ее.

Неожиданно ночную тишину взорвал звук громкоговорителя:

— Сдавайтесь, вы окружены! Выходите по одному.

Губы Мехти скривились в усмешке, похожей на волчий оскал, и он прошептал:

— Аллаху Акбар!

Марьям трусливо подумала: «Наверное, это все мне только снится.. Это просто ночной кошмар, и скоро он закончится».

В этом кошмаре Мехти взял винтовку, зарядил ее, подполз к окну и открыл беспорядочный огонь. В этом кошмаре что-то кричали с улицы, и Мехти грязно ругался в ответ. В этом кошмаре свистели пули, а она сидела, забившись в угол, закрыв руками уши и зажмутив глаза...

Неожиданно все стихло. Марьям заставила себя открыть глаза. У окна лежал Мехти. Из окровавленной головы стекала кровь, на губах застыла безумная улыбка.

— Выходите с поднятыми руками! Соппротивление бессмысленно! — раздавался металлический голос снаружи.

В этот миг она почувствовала неожиданный толчок в бок — это ее малыш впервые дал о себе знать — и судорожно обхватила живот руками, словно хотела защитить его.

— Маленький мой, сыночек, успокойся! Нам ничего не сделают. Мы будем жить, слышишь?

Медленно открыла дверь, подняла руки, сделала шаг вниз по шаткой деревянной ступеньке, второй, третий... пошла по направлению к машине с громкоговорителем. Как тяжело дается каждый шаг! Но вот уже совсем близко, можно различить черные маски спецназовцев. Они не тронут ее, она ничего плохого не сделала. Она им все объяснит...

Неожиданно раздавшийся выстрел на мгновение прорезал ночной мрак. Перед глазами тут же пронеслись картинки прошлого:

Папа подбрасывает дочку высоко в воздух, она заливисто смеется...

Новогодняя елка в детском садике, много мандаринов, шоколад «Аленушка»...

Маленькая девочка с белыми бантами и букетом хризантем стоит перед школой, взяв маму за руку...

Длинное воздушное платье, школьный выпускной...

Парень с чистыми голубыми глазами...

Пара кружится в зажигательной самбе...

Два обнаженных мужских тела...

Черный щеночек в белых носочках лижет ее в щеку...

Взгляд обжигающих черных глаз...

Румия. Будет поздно.

Айша... мама, купи мне куклу.

Автобус едет мимо школы... Взрыв, дым, огонь...

Несколько спецназовцев столпились у трупа женщины в черном хиджабе.

— Ты что ж наделал, бабу убил! Беременную! Прямо в сердце... Она же сдаваться шла!

— Так почему я знал, что беременная? Думал — «смертница», на ней пояс шахидки... сейчас поближе подойдет и как бабахнет...

Десять лет спустя

Айша удобнее устроилась с ноутбуком на диване. Маленькая черная такса тут же запрыгнула к ней на колени, лизнула в щеку. «Макс, отвали, не мешай!»

Открыла свою страничку — 110 друзей на фейсбуке. Это круто! Здесь, в Воронеже, куда они переехали с бабушкой после смерти матери, у нее очень много друзей. И все поздравляют ее с днем рождения. 15 лет — какой-никакой, а все-таки юбилей. А вот и новое сообщение. Интересно, кто это отправил запрос на дружбу?

С фотографии на нее в упор смотрели жгуче-черные глаза на мужественном лице, обрамленном такой же черной бородой. Сообщение было коротким: «У тебя красивое мусульманское имя. Да пребудет с тобой Аллах, сестра, и направит на истинный путь».

«Настоящий мачо», — подумала Айша. Рука непроизвольно потянулась к курсору, нажала «подтвердить»... □

«БЫТЬ ВМЕСТЕ

«Величайшим счастьем я считаю тот факт, что я была одна, и ценила это... не нашлось никого, на кого бы я смогла опереться, мне нужно было самой найти свою жизнь и ее значение».

Н. Берберова
«Курсив мой»

И УЦЕЛЕТЬ»

...В начале 1921 года в голодном Петрограде на очередном заседании поэтической студии «Звучащая раковина» ее руководитель, кумир

тогдашней молодежи Николай Гумилев, представил собравшимся 20-летнюю красавицу Нину Берберову и снисходительно похвалил

одно из ее стихотворений. Среди участников студии бытовало мнение, что их наставник владеет тайной «философского камня поэзии». Его оценки воспринимались учениками беспрекословно, и к Берберовой сразу же стали относиться, как к многообещающей поэтессе.

Николай Степанович Гумилев был, прежде всего, романтиком в жизни и в литературе. Он храбро воевал в Первую мировую, любил щеголять офицерской выправкой, женился на Анне Горенко, которую мир узнал под фамилией Ахматова. У них родился сын, будущий всемирно известный ученый — историк и этнограф Лев Гумилев. В августе 1921 года, несмотря на заступничество Максима Горького, еще не расставшийся с молодостью поэт был расстрелян за участие в контрреволюционном заговоре белых офицеров, которого на самом деле не было.

Весть о трагической гибели Гумилева всколыхнула творческую интеллигенцию обеих столиц. Берберова долго не могла прийти в себя, навещала Ахматову, а в декабре того же года встретила в знаменитом с дореволюционных петербургских времен арт-подвале «Бродячая собака» тощего, эпатажного мужчину, носившего в правом глазу монокль и черные волосы до плеч на манер Бальмонта. Лицо странного мужчины прорезали глубокие морщины, он курил папиросы в длинном мундштуке, говорил отрывистым голосом и не сводил с Нины гипнотического

взгляда. Это был Владислав Ходасевич, поэт Серебряного века, высоко ценимый Блоком и Горьким, с которым водил личную дружбу.

На импровизированной эстраде подвального кафе один за другим сменялись читавшие стихи поэты. Над шаткими столиками плавали синеватые клубы табачного дыма. Оглушительно хохотала в углу накокаиненная компания артистов и музыкантов. Ходасевич невозмутимо покачивался на стуле и, наклоняясь к уху Нины, развлекал ее едкими замечаниями. Из «Бродячей собаки» они ушли вместе. До рассвета прогуляли по набережным, сторонясь красноармейских патрулей.

На следующий вечер он назначил ей свидание в Летнем саду. Оттуда отправились на выставку Родченко. А уже через несколько дней поняли, что навсегда полюбили друг друга, и вскоре вступили в гражданский брак.

Трудно было найти двух более разных людей, чем эти двое, противоположные друг другу во всем. Харизматичная, избалованная, с внешностью гламурной кинозвезды университетская девушка из старинного дворянского рода по матери, с примесью армянской крови по отцу, и — невзрачный, болезненный отпрыск захудалого шляхтича и принявшей католичество еврейки. Вдовбавок Ходасевич был старше Берберовой на 14 лет, имел за плечами суровый жизненный опыт, перенес любовные разочарования, голод

Нина Берберова в юности

в послереволюционной Москве, успел пройти через горнило журналов и издательств, выпустить шумевшие сборники стихов «Путь зерна» и «Тяжелая лира», успешно поработать для знаменитого театра—кабаре «Летучая мышь», поехать по Европе...

Петроград начала двадцатых годов лихорадило. Продовольственные талоны, разруха, чистки, террор ЧК. Кровавые волны Гражданской войны, наконец, улеглись, «выбросив на берег» военспецов, инженеров, врачей, юристов, университетских профессоров, актеров, литераторов, художников, лишившихся в революцию всего и судорожно це-

плавшихся за чуждую и страшную им действительность. Одни сумели в эту действительность вписаться, другие — нет.

Среди последних оказался и Ходасевич. Незадолго до того он перебрался в северную столицу из правительственной Москвы в поисках литературного заработка. В Петрограде прокормиться было легче, хотя гонорары зачастую выплачивались «натурой» — воблой, мешком мерзлой картошки, либо такой же мерзлой кониной. К тому же здесь развернулось учрежденное Горьким издательство «Всемирная литература», сотрудничать в котором Алексей Максимович пригласил Ходасевича.

Обитал он в коммуналке так называемого «Дома искусств» на Мойке, 59, где ютились тогда многие видные писатели и художники. Туда же Владислав Фелицианович привел молодую жену. Но прожил там с ней совсем недолго. Приняв бесповоротное решение отправиться в эмиграцию, Ходасевич увлек Нину за собой. Она, только с университетской скамьи, бредившая поэзией и мало что смыслившая в жизни, без малейших колебаний разделила его трагический выбор. В отличие от Ходасевича, Берберова до революции ни в чем не нуждалась, однако туманное будущее совершенно ее не пугало. Их отъезд напоминал бегство, втайне от брошенной больной супруги Ходасевича, младшей сестры видного литературного деятеля Г. Чулкова.

Вечером накануне отъезда Владислав Фелицианович усадил Нину в их комнате на продавленный диван, взял ее за руки и, глядя ей в глаза, сказал: «Перед нами две задачи — быть вместе и уцелеть». За тонкой перегородкой шумно спорили Шкловский и Зощенко, доносились

После учебы в двух университетах легко окунулась в мир столичной богемы, жадно и бесстрашно взирала на мир. Боялась прослыть несвременной, отстать от быстро менявшейся моды, которую и в старости умела первой распознавать. Мода же установилась в те годы на

В

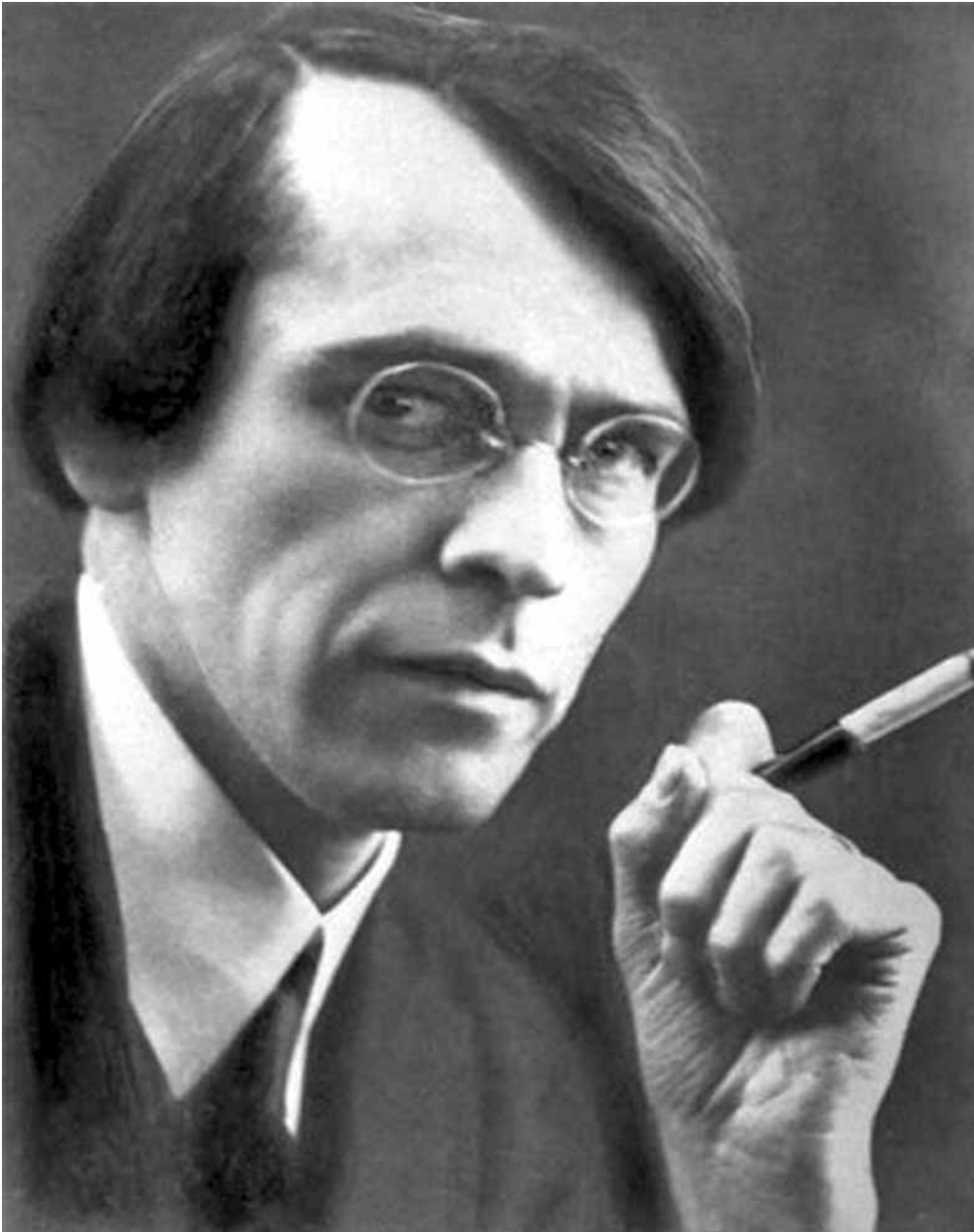
знаменитом петербургском арт-подвале «Бродячая собака» Нина Берберова впервые увидела тощего, эпатажного мужчину, носившего в правом глазу монокль и черные волосы до плеч на манер Бальмонта. Лицо его прорезали глубокие морщины, он курил папиросы в длинном мундштуке, говорил отрывистым голосом и не сводил с Нины гипнотического взгляда

гитарные переборы из комнаты Каверина. Произнесенные Ходасевичем слова продолжали звучать у нее в ушах, когда они гуляли в песчаных дюнах на Рижском взморье. Она, как заклинание, повторяла эти слова, садясь в вагон берлинского поезда. И — выходя на перрон центрального вокзала утонувшей в сыром тумане германской столицы, которую с горькой иронией называли «мачехой русских эмигрантов».

Что видела, что знала она до встречи с ним? В десять лет мечтала стать поэтом. В четырнадцать была представлена Ахматовой и Блоку, и, сраженная ими, решила навсегда посвятить себя литературе.

разное, в том числе, на свободную любовь, и Нина Берберова следовала моде. До встречи с Ходасевичем легко меняла мужчин. А потом — ожог внезапно вспыхнувшей любви, пульсирующая точка слишком сильной боли и счастья.

Очень скоро из прелестной девушки она превратилась в женщину-спутницу того, о ком через десятилетия писала в главной книге своей жизни «Курсив мой»: «Он боится мира... Он боится будущего... грозы, толпы... Грозы бояться для меня — все равно, что бояться дождика. Что касается толпы, то, так как я не ношу ни перьев, ни фруктов на шляпе, ни крахмаленных юбок, я не боюсь,

*Владислав
Ходасевич*

что меня сомнут. Я сама — часть толпы...» Но в одном эти двое были схожи. «Пожар? Я — под мышку свои книги, он — свои, и выйдем на улицу».

Вспоминая годы, прожитые вместе, Нина Николаевна признавалась: «Сделав свой выбор за себя и за меня, он сделал так, что мы оказались вместе и уцелели, то есть уцелели от террора тридцатых годов, в котором

почти наверняка погибли бы оба. Мой выбор был он, и мое решение было идти за ним. Можно сказать теперь, что мы спасли друг друга».

Его загадочная власть над ней крылась в притяжении и влиянии таланта. Ходасевич влиял на нее острым саркастическим умом, безупречным литературным вкусом, духовным аристократизмом, образной квинт-эссенцией своей поэзии. «Пробочка

*Нина
Берберова*

над терпким йодом, \ Как ты быстро перетлела. \ Так вот и душа незримо жжет и разъедает тело». Это был зрелый, самобытный, но, вместе с тем, глубоко несчастный человек, преследуемый фурункулезом и почечной болезнью.

Она полюбила и продолжала любить его таким, став для мужа сиделкой и нянькой, как он для нее — учителем и наставником. Снискав-

шие широкую известность действительно замечательные документально-биографические книги Берберовой «Чайковский», «Бородин», «Железная женщина» (о Марии Закревской-Бенкедорф, баронессе Будберг, обольстившей Горького и Уэлса) написаны в эмиграции по образу и подобию шедевра данного жанра — небольшого романа «Державин» Ходасевича. Она была наде-

лена дерзким, строптивым характером, хоть и неизменно соглашалась с суждениями Ходасевича об искусстве и литературе, с его оценками людей и событий.

С момента отъезда из Петрограда они вели полунищенскую скитальческую жизнь — в Берлине, Праге, Париже. Меблированные комнаты, номера дешевых отелей, случайные литературные заработки... И повсюду Нина Николаевна обустроивала их быт, умея придать ему уют и теплоту. Наградой была независимость, которой она охотно пользовалась. В ре-

даровитая писательница, переводчица и поэтесса Нина Берберова между жизнью и литературой четко выбрала жизнь. «Либо живешь, либо пишешь, третьего не дано», — так говорила она, частенько сама же нарушая это правило.

Лишившись Родины, Ходасевич, между тем, все глубже впадал в депрессию. «*Мне невозможно быть собой, \Мне хочется сойти с ума, \Когда с беременной женой идет безрукий в синема*», — напишет он в Париже.

В конце концов Владислав Фелицианович сдался перед жизнью, пе-

Т

рудно было найти двух более разных людей, чем эти двое. Избалованная, с внешностью гламурной кинозвезды университетская девушка из старинного дворянского рода и невзрачный, болезненный отпрыск захудалого шляхтича, к тому же старше Берберовой на 14 лет

зультате возникали, то тут, то там, мимолетные любовные связи в кругу писателей-эмигрантов.

Она им бескорыстно помогала, и Бунину, и Г. Иванову, и Зайцеву, и другим. Уйдя через десять лет от Ходасевича и на очень долго пережив его, помогала вдове бывшего мужа, Ольге Марголиной, которая перед войной уехала в СССР и погибла в сталинских лагерях. Была неутомима и безотказна в дружбе, умела смотреть вперед и не впадать в отчаяние. «Миссис Серебряный век»,

рестал выходить из дома, часами раскладывал пасьянсы. А в натуре Нины Николаевны было стремление противостоять катастрофе, постоянно видоизменяться. Меняться она всю жизнь хотела просто маниакально и больше всего на свете страшилась старческой косности.

Выпадали на долю этой страной скитальческой пары и светлые периоды. Одно время они жили у Горького в Саарове под Берлином, в Мариенбаде, в Сорренто, где «великий пролетарский писатель» (так его ве-

личала официальная советская пропаганда), получавший из многих стран огромные гонорары за переводы своих произведений, снимал просторные виллы. Туда к нему постоянно наведывались гражданская жена Мария Андреева, солистка Художественного театра, сын Макс, очередные возлюбленные, друзья и знакомые.

В бриджах, свободной рубашке и в повязанной на голове косынке, с плетеной сумкой через плечо, Берберова ездила по утрам на велосипеде в близлежащую пекарню за свежим хлебом. Она бесподобно варила кофе и яйца всмятку на завтрак, которые Горький предпочитал стряпне нанятой кухарки. Втроем они совершали длинные неспешные прогулки по живописным окрестностям, раскланиваясь с местными жителями, которые почтительно приветствовали знаменитого русского. Любили кормить в чистеньких немецких парках белок, беседовать с рыбаками на берегу Неаполитанского залива. Вернувшись домой, упорно трудились над рукописями, каждый в своей комнате, а вечерами играли в анаграммы. Эта относительно спокойная полоса в их жизни продолжалась недолго. Горький возвратился, теперь уже навсегда, в «золотую клетку» в Москву, и Берберова с Ходасевичем отправились дальше.

Им случалось бурно ссориться, но никогда — на людях. Порой Нина убегала из дома, хлопнув дверью.

Ходасевич ложился на кровать лицом к стене и накрывал голову подушкой. Гремели за окном на тележке бидоны молочника, «стреляли» синим дымом автомобили, из соседнего кафе доносилась щемящая мелодия аккордеона. Нина возвращалась притихшая, проводила узкой ладонью по его щеке, ставила на керосинку чайник. И садилась за работу — эссеистика, статьи для русских газет, переводы, собственные стихи, рассказы, повести, пьеса. Все это понемногу печаталось, принося ей признание и какие-то деньги. А Ходасевич писал и печатался все реже, перебиваясь, в основном, рецензиями. Новое поколение русскоязычных читателей начинало забывать бывшего кумира. В литературной среде к нему относились, как к некому анахронизму.

И все же неукротимая воля и твердость характера (прежде чем окрестить свою героиню «железной женщиной», она себя назвала «чугунной») Нины Николаевны питались, в первую очередь, любовью Ходасевича, в чем она сама признавалась. И то, что после ухода Берберовой Ходасевич смог жить дальше и даже жениться, было связано с его неостывшим чувством к Нине — в глубине души он продолжал ее оберегать, продлевать романтические отношения с нею, пусть теперь по-иному. Продолжал продлевать их таинственное «вместе». Оно не исчезло и со смертью поэта. Берберова оказалась для Ходасевича словно

*В гостях
у М. Горького —
на арендуемой
им вилле*

бы его вторым «я», пусть даже совершенно не схожим с первым.

«Скорее челюстью своей \ Поднимет солнце муравей; \ Скорей вода с огнем смесится; \ Кентаврова скорее

кровь \ В бальзам целебный обратится, \ Чем наша кончится любовь». Эти его строки посвящены ей.

Ходасевич однажды изумленно сказал Берберовой: *«Тебя нельзя*

разрушить, ты можешь только умереть». Она же твердо верила, что перед тем как «только умереть», надо подольше прожить. И прожила в добром здравии до 90 лет, пережив во Франции со вторым мужем гитлеровскую оккупацию, оставив затем и его, и дожив до посмертной славы бывшего мужа, которой не ожидала. Она ушла от него из их маленькой парижской квартиры с одним чемоданом. Ушла спокойно, бесповоротно, предварительно перештопав его носки, выгладив белье и сварив ему борщ на два дня. Ушла от него, но не из его жизни. Друзьями они оставались вплоть до смерти Ходасевича в 1939 году.

Он еще долго снился ей по ночам. Поигрывая моноклем, тихо входил в комнату, присаживался на край стола, склонив к ней такое родное, умное лицо. Потом во сне они ужинали с бутылкой «божол» (Ходасевич ел и пил очень мало) или ехали к знакомым играть в карты. Страстный игрок, он за картами забывал все, и она любила смотреть, устроившись с ногами в кресле, как быстрыми движениями он тасует и сдает колоду, раздраженно откидывая прядь волос со лба. Еще в Петрограде Берберова тщетно пыталась бороться с его пагубным пристрастием к кокаину, которым тогда была заражена вся артистическая богема, но которого она, в силу своей здоровой природы, счастливо избежала.

Нина Николаевна навещала бывшего мужа перед смертью в париж-

ском госпитале. В высокое окно палаты бил солнечный луч, она прикрывалась от него ладонью, а Ходасевичу, глядевшему прямо перед собой, он, казалось, совсем не мешал. Так и в творчестве этот строгий художник всегда стремился писать не «в тени», но при ярком «свете», трезво, беспощадно к себе, с затаенной нежностью и умением быть благодарным. Судьбе. Близким. Любимой женщине.

С особым чувством она листала вышедший после кончины Ходасевича его мемуарный свод «Некрополь», следуя за ним по тропинкам их общей памяти. Там были Горький, А. Белый, другие литературные корифеи эпохи. Но был и их собственный мир, их надежды, радости, разочарования. Было скрытое отчаяние автора, преодолемое его поэзией. И любовью к ней. *«...В те беспробудные года, \ Своим единым появлением \ Мне мир откроешь прежний наш».*

Берберова не могла не следовать за Ходасевичем, и когда, уже много лет спустя, села за свою поразительную по силе художественного впечатления мемуарную книгу «Курсив мой». Она написала одно из самых человечных произведений XX века, нашедшее отклик у читателей разных стран. Произведение по-настоящему современное, хотя написано о давно минувшем. Потому что получилось глубоко личным, сколько бы ни пыталась автор закамouflировать это, раздавая в книге суровые приговоры современникам.

«Все, что здесь пишется, — общала она будущим читателям, — пишется по двум законам, которые я признала и которым следую: первый — раскрой себя до конца, и второй — утай свою жизнь для себя одной... Если до конца сказать правду, ужасы и бедствия моего века помогли мне: революция освободила меня, изгнание закалило, война протолкнула в иное измерение».

После войны Нина Николаевна устроилась редактором литературного отдела авторитетного парижского еженедельника «Русская мысль». Она привыкла обеспечивать себя сама и не полагалась на второго мужа, ничем не примечательного литератора Николая Макеева, оптимиста по натуре, предпочитавшего артишоки размышлениям о смысле жизни. Постоянное сравнение его с покойным Ходасевичем окончилось тем, что Нина Николаевна, как и в первый раз, ушла, приготовив мужу обед и погладив ему белье. Ушла с высоко поднятой головой. А в 1950 году переселилась в США, начав жизнь заново.

В Америке ей пришлось уже в достаточно зрелом возрасте учиться вождению автомобиля и английскому языку. Ни первое, ни второе не являлись для нее проблемой. Машину она скоро начала водить очень лихо. Что же касается языка, то однажды Нина Николаевна за пару месяцев сносно овладела шведским, готовясь к туристической поездке в эту страну. Кому-то из приятелей с гордостью сказала: «Владислав

бы мной гордился». (Ходасевич знал несколько иностранных языков.) В делах и поступках она невольно продолжала обращаться к его непререкаемому для нее моральному авторитету. Все, за что ни бралась Берберова, она старалась делать блестяще. Так Нину учил Ходасевич, и этот принцип стал ее жизненным кредо. Восемь лет Нина Николаевна прокорпела в пыли нью-йоркского архива, а затем ей удалось занять вакансии преподавателя русского языка в самых престижных Йельском и Принстонском университетах, входящих в почетную «лигу плюща».

Тогда же Берберова серьезно занялась исследованиями в области теории литературы и литературоведения. Причем опять-таки достигла блестящих результатов, позволивших ей со временем получить в Принстоне профессорскую должность и докторскую степень. Она не переставала тщательно собирать и систематизировать архив Ходасевича, подготовила к изданию его неизвестные ранее стихи со своим комментарием. Эта работа доставляла ей не меньшую радость, нежели собственные беллетристические произведения, пользовавшиеся популярностью у читающей публики.

Старости она отказывалась поддаваться. Носила модную (порой даже чересчур) одежду, окружала себя молодыми амбициозными мужчинами. Те не раз сильно увлекались ею, некоторые даже предлагали руку и сердце. Однако Нина Николаев-

на не давала ослепить себя любовному чувству, подобно тому, как это случилось у нее с Ходасевичем в далекой молодости. Да и выглядеть комичной рядом с мужем, годящимся ей если не в сыновья, то уж точно в младшие братья, тоже не желала. Ну а солидные профессора-сверстники в твидовых пиджаках Берберову в качестве спутников жизни не слишком привлекали. Независимость была ей куда дороже.

Независимости она изменяла только в мысленных ночных разговорах

гадка, обаяние ее личности действовало безотказно.

Возраст притушил несколько яркую красоту Берберовой, но ее легендарная харизма осталась. И она умела, когда нужно, пускать ее в ход. Приезжавшие из Советского Союза представители творческой интеллигенции, встречаясь с Ниной Николаевной, восторженно рассказывали потом об этих встречах. Юлия Богуславская: «Помню, как меня поразила, прежде всего, ее красивая отчетливая речь, произношение уроженки Петер-

П

риняв бесповоротное решение уехать в эмиграцию, Ходасевич увлек Нину за собой, и она без малейших колебаний разделила его трагический выбор. Их отъезд напоминал скорее бегство, втайне от брошенной больной супруги Ходасевича

с ушедшим Владиславом. Ему она поверяла сокровенные тайны души. Всмотриваясь в их ироничную фотографию вдвоем, сделанную перед отъездом из России в питерском фотоателье, делилась с ним творческими планами, сетовала на одиночество. Студенты любили ее небанальные, с неожиданными поворотами лекции, окрашенные пристрастным отношением к предмету, и ходили за ней гурьбой. В этой стройной невысокой женщине с лучистыми глазами, короткой стрижкой и упругой походкой ощущалась манящая за-

бурга времен Серебряного века. Да и сама лекция сильно отличалась от заунывного профессорского монотонья своей логичностью, четким построением, смелостью выводов». Сергей Довлатов: «...Несколько лет находился с ней в переписке, но затем она поняла, что я целиком состою из качеств, ей ненавистных, — бесхарактерный, измученный комплексами человек. И переписка увяла. Я ее за многое уважаю». Дмитрий Быков добавляет, что Берберову не просто уважали, ее за многое любили. И заключает: «Ее нельзя было не любить».

«На меня иногда опирались люди. И как-то так вышло, что мне в жизни "ничего не перепало"», — признается она на страницах «Курсива». — Так что я никому ничего не должна и ни перед кем не виновата. Мне кажется, я никого не беспокоила собой и ни на ком не висла. И, благодаря здоровью, не слишком заботилась о самой себе. Мне давно стало ясно, что жить, и особенно умирать, легче, когда видишь жизнь как целое — с ее началом, серединой и

рассветные часы к их тяжким, но таким одухотворенным скитаниям с Ходасевичем сквозь «Европейскую ночь» (название его публицистической книги). В полном упадке сил ее увезли в больницу, и врачи научно объяснили Нине Николаевне, что спать человеку необходимо в любом возрасте. Она, не разжимая губ, усмехнулась и прожила после этого еще 15 лет. Читателям послала в стихах дружеское пожелание активного долголетия, с ноткой

Х

отя они давно уже разошлись, в глубине души он продолжал оберегать Нину, продолжал продлевать их таинственное «вместе». Берберова была для Ходасевича словно его вторым «я», пусть даже совершенно не схожим с первым

концом. У меня были мифы, но никогда не было мифологии. Говорю это по праву долголетия».

Свое долголетие Нина Николаевна несла без жалоб, с большим достоинством и юмором. По слухам, в шестьдесят с лишком отпустила от себя последнего любовника. А в 1970-м посчитала необходимым «выйти в отставку», оставшись жить в Принстоне и заканчивая там главную книгу жизни. Опасалась не успеть, почти совсем перестала спать, решив отоспаться на том свете. Писала хлестко о далеком и близком, вновь и вновь возвращаясь памятью в пред-

горечи бездетной женщины: «Пусть ваши ведают потомки — \ Своих иметь не довелось».

Случались, однако, казусы. В семидесятые годы какой-то «выездной» советский поэт не нашел для нее более подходящего подарка с родимой земли, чем медная иконка. И был обескуражен, когда Берберова с великолепным высокомерием изгоя обронила посланцу псевдо-богомольной «брежневской» Москвы: «*Это вы лучше подарите моей уборщице, а не мне*». Сентиментальности в ней не было ни на грамм.

В 1972 году в Лондоне и Нью-Йорке вышла на английском языке книга «Курсив мой». Она была переведена на все европейские языки, триумфально переиздавалась и к концу «перестройки» появилась в России. Казалось бы, Берберова могла, наконец, почивать на лаврах и пользоваться на старости лет заслуженным и столь поздним материальным благополучием. Ничуть не бывало. С прежним упорством она погружается в большое архивное исследование и в 1986 году выпускает в свет нашумевшую книгу «Люди и ложи. Русские масоны XX

века». Причем это книга не только и не столько историка, сколько современницы описываемых событий, которая имела право небрежно упомянуть: «как мне говорил Керенский...» И оттого читать ее еще интересней.

В 1989 году, за три года до смерти, Нине Николаевне довелось-таки, впервые за 67 лет, побывать на родине. Писательницу восторженно встречали в Москве и Питере, она увлекательно выступала перед студентами, остроумно общалась с коллегами. В городе на Неве попросила отвезти ее туда, где она впервые

встретила Ходасевича. И долго бродила там одна, слегка опираясь на трость.

Следовавший за ней корреспондент «желтого» издания сунулся позднее к Берберовой с бесцеремонной просьбой рассказать о характере ее интимных отношений с Ходасевичем. Она спокойно посоветовала ему читать «Курсив», который, по ее словам, «весь об этом». Другой бойкий журналист спросил, кто из встречавшихся в ее жизни людей оказал на нее наибольшее влияние, не считая Ходасевича. «*Не считая Ходасевича?* — засмеялась она. — *Книги, вероятно*». «*А как же люди?*» — настаивал журналист. «*Люди не влияли. Они просто интересны*».

...Обласканная, зацелованная, увенчанная наградами, задаренная всем, чем только можно, и ошеломленная таким приемом в новой России, Нина Николаевна вернулась в Америку, в свою уютную, полную драгоценных воспоминаний принстонскую квартиру. Вернулась к следующей задуманной книге...

Тяжелая болезнь подобралась к никогда не болевшей старой писательнице лишь на последних годах жизни. Она сносила болезнь стоически, как сносила все тяготы своей, в сущности, очень одинокой жизни. Быть может, думая о себе, она в свое время дала книге о Чайковском многозначительный подзаголовок: «История одинокой жизни». Врачи и медсестры одной из лучших клиник Филадельфии дивились терпению и му-

жеству этой хрупкой 90-летней женщины, которую язык не поворачивался назвать старухой. Берберова просила друзей не навещать ее, не хотела, чтобы ее видели беспомощной, мучающейся от боли. Но друзья все равно приходили, приносили ее любимые лилии. А Нина Николаевна, когда сообщали об очередном посетителе, всякий раз тянулась дрожащей рукой к тумбочке за пудреницей.

Она скончалась в 1993 году, всего добившаяся, резкая и непреклонная до последней минуты. Судьба Нины Берберовой охватывает почти целый век. В судьбе этой было всякое — и голод в революционном Петрограде, и эмигрантские углы, и поденщина ради куска хлеба, и оккупация, и профессорство в Принстоне и Йеле, и почетные докторские степени старейших европейских университетов, и международное писательское признание, и многочисленные любовные связи. Но, прежде всего, была Любовь с большой буквы, пронесенная через всю жизнь. А потому этой значительной и по-своему счастливой судьбе стоит позавидовать.

После кончины Нины Николаевны в окнах ее квартиры, согласно последней воле покойной, в течение года горел свет. Что она намеревалась сказать таким необычным жестом? Может, хотела, чтобы ее помнили, вспоминали о ней? А, может, посылала символический сигнал ввысь тому одному, кого не переставала любить до смертного часа?.. □

Ирина Опимах

РЕМБРАНДТ

Искусство уже давно стало не только предметом восхищения, но и способом удачного вложения капитала. Завладеть шедевром — что может быть заманчивее? Но как, если почти все ценное хранится в музеях или в тщательно охраняемых от посторонних глаз частных собраниях? Остается одно: попытаться купить что-нибудь достойное на аукционах или, если нет денег, похитить!

*Картина,
вошедшая в книгу
рекордов Гиннеса*

Неудивительно, что картины воруют часто и порой весьма успешно. А эта картина — чемпионка по кражам, ее похищали четыре раза! Недаром она заняла достойное место в книге рекордов Гиннеса. Речь идет о «Портрете Якоба де Гейна III», написанном в 1632 году великим Рембрандтом.

В Голландии XVII века семейство Гейнов было хорошо известно. Якоб де Гейн II родился в 1565 году в Антверпене. С детства он был погружен в искусство — его отец, Якоб де Гейн I, был неплохим живописцем и гравером. Поначалу Якоб учился у отца, а потом совершенствовал мастерство живописи и гравюры в Гарлеме и Лейдене, а оттуда переехал в Гаагу. К 1605 году он был уже настолько известным художником, что принц Морис Оранский даже заказал ему устройство своего сада. Высокородным господам художник очень понравился, а потому после смерти принца Мориса де Гейн II стал практически придворным художником брата умершего принца.

В 1595 году де Гейн женился на Еве Шталпаертван дер Виле, а через год у них родился сын. Все мужчины в этом семействе носили имя Якоб, а потому мальчика тоже назвали Якобом — Якобом де Гейном III. Кроме того, все мужчины были не только Якобами, но и художниками. И Якоб III тоже стал гравером и живописцем, правда, такой славы, как у отца, он не заслужил: чтобы добиться успехов, нужно неустанно работать, а особой нужды в этом не было, у Гейнов всегда водились деньги.

В это же время в Голландии еще одно семейство — Гюйгенсов — пользовалось покровительством принцев Оранских. Константин Гюйгенс был секретарем штатгальтера и тайным советником, а еще

прекрасным поэтом, композитором, другом многих выдающихся мыслителей своего времени. Он тонко чувствовал поэзию и с удовольствием знакомил соплеменников с творениями европейских поэтов, в частности, переводил на нидерландский язык стихи англичанина Джона Донна. У такого отца не могло быть заурядного потомства, и его сын Христиан Гюйгенс стал выдающимся ученым, вошедшим в историю науки благодаря целому ряду блестящих открытий и изобретений (к примеру, он усовершенствовал вместе со своим братом телескоп, да так, что потом открыл кольца Сатурна и спутник Сатурна Титан). У Константина Гюйгенса был брат Морис, который, как и Константин, получил прекрасное образование и имел тягу ко всему прекрасному. Они не могли не встретиться, Морис Гюйгенс и Якоб де Гейн III — золотая молодежь Голландии Золотого века, так как вращались в одном обществе, бывали в одних и тех же домах. Морис стал большим другом Якоба де Гейна III.

В 1618 году молодые люди совершили путешествие в Лондон — можно представить, как эти богатые голландцы весело проводили время в английской столице. Через два года Якоб съездил с Морисом в Швецию, а затем, видимо, решив, что хватит путешествовать, обосновался в Утрехте.

В 1629 году Константин Гюйгенс оказался по делам в Лейдене, где

*Рембрандт.
Портрет
Мориса
Гюйгенса,
«парный»
к портрету
Якоба де
Гейна III*

только-только набирал силу молодой Рембрандт. Гюйгенсу рассказали о начинающем двадцатитрехлетнем художнике, и секретарь штатгалтера пожелал посетить его мастерскую — хотелось купить что-нибудь интересное для своего патрона принца Фредерика-Генриха а, может, и для своей коллекции, кото-

рую он собирал с большим удовольствием и тщанием.

Но что это была за мастерская! Помещение, когда-то служившее амбаром для зерна, оказалось завалено хламом, пол усеян клочками скомканной бумаги, тряпками, перепачканными краской. Тут же валялись папки с рисунками, холсты,

*Рембрандт.
Автопортрет
на куске
доски,
оставшейся
от портретов
Гюйгенса
и де Гейна,
образовавший
своеобразный
триптих*

доски. В этой «мастерской» стояли четыре мольберта: один — самого Рембрандта, второй — его друга Яна Ливенса, а два других принадлежали ученикам Рембрандта: тринадцатилетнему маленькому Герарду Дау (будущему замечательному художнику) и Йорису ван Флиту, двадцатичетырехлетнему крупному волосатому парню. Перед прихо-

дом высокого гостя молодые люди слегка прибрали помещение, но и в таком виде оно показалось Гюйгенсу весьма неприглядным. Жалким, убогим. Зато здесь он обнаружил яркий талант. Гюйгенс хорошо понимал, что такое настоящее искусство, а Рембрандт был без всяких сомнений талантлив необыкновенно. Он купил у него картину «Иуда»,

заплатив немалую сумму — целых 100 флоринов! Она была настолько хороша, что Гюйгенс решил оставить ее себе, а принцу подарить что-нибудь другое.

Рембрандт был потрясен. Впервые он получал за свою работу такие деньги. А Гюйгенс окончательно подпал под очарование рембрандтовской кисти. Этот молодой Рембрандт — прекрасный живописец! А как хороши его гравюры! В них присутствуют и чувство, и трагизм, и настоящая правда жизни. «Вы должны непременно ехать в Амстердам. Там вы найдете достойную вас работу, там вы найдете заказчиков, а я вам помогу», — покидая мастерскую молодого художника, сказал он Рембрандту.

Вернувшись домой, Гюйгенс поведал о замечательном лейденском художнике всем своим друзьям и знакомым. Рембрандт благодаря его покровительству действительно получил много разнообразных и высокооплачиваемых заказов, а две его работы купил даже английский король! Конечно же, Гюйгенс рассказал о молодом лейденском художнике и брату Морису. Тот решил заказать Рембрандту свой портрет, а потом и его друг Якоб де Гейн III пожелал позировать художнику. Молодые люди попросили написать портреты как парные, в одном стиле, да так, чтобы они были как бы обращены друг к другу. Портреты получились очень неплохие, заказчики были довольны и даже договори-

лись, что, если кто-то из них умрет, его портрет перейдет к тому, кто будет продолжать жить на этой брэнной земле, так что даже смерть не разлучит их. Размер портретов был маленький — примерно 30x25 см, Рембрандту хватило одной доски (он выбрал хорошую, дубовую), более того, остался еще кусок, на котором Рембрандт изобразил себя. (Эту модель он знал лучше всех и мог писать, не думая, как его работу воспримет заказчик.) Так получился своеобразный триптих. Три молодых человека, три голландца, жившие в эпоху расцвета Нижних Земель, в эпоху Золотого века Нидерландов.

Якоб де Гейн III искренне любил Рембрандта. Он всегда помогал ему, находил заказчиков и даже купил его картину «Ученый спор» (1628). До последних своих дней — Гейн умер рано, в 1641 году, ему было всего 45 лет — он сохранял верность Рембрандту и его искусству. Сам художник, выросший в семье потомственных художников, он понимал, что Рембрандт — гений.

После смерти де Гейна, как и было договорено, его портрет перешел к Морису Гюйгенсу, который ненадолго пережил своего друга — он скончался в 1642 году.

Все три портрета пошли на продажу. Они переходили из рук в руки, из одних частных собраний в другие, пока, наконец, не обрели постоянное убежище в разных музеях: «Портрет Мориса Гюйгенса» ныне хранится в Кунстхалле, в Гамбурге,

«Автопортрет» — в Монте-Карло, а «Портрет Якоба де Гейна III» украсило собрание лондонской Далвичской галереи.

У этой картины оказалась удивительная судьба. Ее называют «Рембрандтом на вынос»: она маленькая, ее легко можно положить в карман и — вынести из галереи. Недаром ее похищали целых четыре раза! Но чудесным образом она каждый раз возвращалась в Далвич.

Впервые «Якоба де Гейна III» украли в 1966 году. Тогда, кроме рембрандтовского, из лондонской галереи похитили еще девять картин. Кража стала настоящей сенсацией, а галерея, о которой ранее знали лишь специалисты, тут же прославилась на весь мир. А картина вскоре нашлась в районе Стритам Коммон — под лавочкой на местном кладбище.

Через несколько лет ее похитили во второй раз. Это похищение было весьма необычным и совсем не походило на преступление. Один из посетителей галереи посмотрел на картину, решил, что она напоминает ему мать, недавно ушедшую в мир иной, и, уходя из галереи, прихватил портрет с собой. «Скорбящий сыночек» укрепил картину на багажнике своего велосипеда и так разъезжал по городу. ...

В 1981 году портрет был снова украден — на сей раз вор спрятал его, видимо, под пальто и вынес из галереи среди бела дня. Мир так и не узнал имени похитителя — тут английская полиция оказалась аб-

*«Триптих»: Рембрандт.
Автопортрет*

солютно беспомощна. К счастью, через несколько недель картину нашли в одном из лондонских такси. Конечно же, пассажиры и шофер ничего не знали о рембрандтовском шедевре и уверяли всех в своей абсолютной непричастности к похищению.

Последняя — пока! — кража случилась в 1983 году. Тут все было как в кино. Спустившись с потолка по тросу, неизвестный проник в галерею и похитил шедевр. Приехавшие очень быстро — через 3 минуты — полицейские обнаружили лишь одинокий крюк на стене, на котором раньше висела рембрандтовская картина.

Портрет Мориса Гюйгенса

Портрет Якоба де Гейна III

Это была блестящая операция. Но удивительное дело: по совершенно непонятным причинам, в 1986 году оно вернулось в музей. Картину нашли в камере хранения на вокзале в немецком городе Мюнстере. Наверное, похитители просто не смогли продать свою добычу — сбыть краденый шедевр, который есть во всех каталогах, не так-то просто.

С тех пор прошло уже больше 30 лет. Пока «Портрет Якоба де Гейна III» украшает собрание Далвичской галереи. Казалось, сегодня рембрандтовской картине ничего не грозит. По крайней мере, так утверждает директор галереи. Проще вы-

нести весь музей, говорит он, чем выкрасть эту маленькую картину. Но кто знает? Для воров она уж очень притягательна, ведь ее так легко спрятать в кармане — «Рембрандт на вынос».

В 2006 году все три работы — портреты де Гейна и Гюйгенса, а также рембрандтовский автопортрет — были выставлены в Далвичской галерее. Множество ценителей прекрасного приехали специально посмотреть на триптих. И снова Якоб смотрел на своего друга Мориса, Морис — на Якоба, а рядом был художник, давший им вечную жизнь в искусстве. □

Александр Дзюба — ведущий артист театра Романа Виктюка, режиссер. Его можно увидеть в великолепных спектаклях «Саломея», «Король Арлекин», «Коварство и любовь», «Федра», «Нездешний сад» и других. Хотя Александр не часто снимается в кино, зрителям он запомнился по фильмам и сериалам «Парк Советского периода», «Рублевка», «Ставка на жизнь», «Путейцы-2», «Бедная Настя», «Участковая», «Моя прекрасная няня»...

Александр **Д**зюба:

«Смысл актерской профессии — в постоянном совершенствовании себя как актера — от божественной команды «начали» до божественной команды «стоп»

— Александр, как вы считаете, в чем смысл актерской профессии?

— Ответить на вопрос: «В чем смысл актерской профессии?» — все равно, что ответить на вопрос: «В чем смысл жизни?» Это не просто, хотя в сложности вопроса сокрыта простота ответа, так я думаю. Смысл жизни в самой Жизни, в процессе познания ее.

Так и с актерской профессией — смысл в постижении профессии, в постоянной учебе и совершенствовании себя как актера.

Смысл в постоянном движении, в преодолении препятствий, кото-

рые являются трамплином для выполнения действия.

Актер — человек действующий (homo acting) — это мой термин.

Актер совершает поступки каждый раз, когда выходит на сцену или входит в кадр.

Актер тренируется и постигает науку бытия всю свою сознательную жизнь, от божественной команды «начали» до божественной команды «стоп».

— В театре Романа Виктюка прошла с большим успехом «Федра», премьерный спектакль мастера посвящен памяти Елены

Образцовой и Ольги Аросевой, в «Федре» вы играете роль афинского царя — Тезея, расскажите об этом.

— В конце 1980-х Роман Григорьевич впервые поставил «Федру» в Театре на Таганке с Аллой Демидовой в главной роли, и с молодыми тогда актерами: Дмитрием Певцовым и Алек-

сеем Серебряковым. Спустя 30 лет снова «Федра», но это абсолютно другая постановка. То была «Федра» Марины Цветаевой, а теперь это «Федра» Романа Виктюка.

— Александр, на сцене вы ударяете время от времени в огромный барабан, извлекая некие

ритуальные ритмы... Кроме того, рядом с вами — семь барабанов и два глюкфона, из которых вы извлекаете магические звуки...

— Стих Цветаевой в постановке Виктюка показан как стихия, как музыка, и я как бы «управляю» всем процессом, происходящим на сцене, играя на барабанах. Большой бас-барабан нам предоставил оркестр Владимира Спивакова. Это уникальный инструмент, 157 сантиметров в диаметре, он выше меня, два с лишним метра. Как-то мы репетировали в ДК МИИТ (Московский институт инженеров транспорта), и там за кулисами я наткнул-

ся на симфонический 44-дюймовый гонг. Виктюк послушал его звук и сказал, что именно такой нам и нужен для нового спектакля. Как потом оказалось, заказать такой гонг практически невозможно, поэтому я решил заменить его на гигантский бас-барабан. Как огромное солнце стоит он у меня за спиной, такой инструмент в России довольно редкая штука, он чуть ли не единственный!

— В финале, когда погибают Федра и Ипполит, вы выходите на авансцену в джинсах и черной майке с надписью «Тезей» на спине...

— Эта надпись — моя придумка. Кроме того, выбит еще и номер одиннадцать сзади, на футболке, что означает: Тезей — одиннадцатый афинский царь. Футболка появилась уже в день премьеры, Роман Григорьевич ее утвердил, равно как и весь мой современный костюм.

— Жестким голосом вы проносите монолог о мести богов. Это, вероятно, могло бы стать финалом, если бы режиссер отказался от стремления увидеть в Федре саму Цветаеву. Вы зачитываете зрителю выдержки из дневников, предсмертных за-

писок поэтессы... Цветаева закончила свою жизнь, как и ее героиня Федре... Зал рыдает...

— Роман Григорьевич вставил в пьесу «Жалобу» и «Послание» из стихотворного цикла Цветаевой, отрывки из ее предсмертных писем. В конце спектакля звучит голос великой Елены Васильевны Образцовой...

— Вы создали собственную школу актерского мастерства, занятия называете тренингом-дзюбингом... К вам приходят студенты, артисты начинающие и состоявшиеся в профессии, и даже люди, не имеющие ника-

кого отношения к творчеству, потому что им это интересно...

Что такое тренинг-дзюбинг?

— Вообще тренинг — это азарт, возведенный в степень творчества, без запретов и границ, это бесконечный ресурс, из которого черпается вдохновение. В его основе — принцип психофизического параллелизма, который заключается в

том, что психическое отражается в физическом.

Для ребят я создаю особое свободное пространство, помогаю полностью раскрепоститься, снять штампы, избавиться от комплексов.

Я тренирую не профессиональные навыки, а обучаю организм человека новым для него психофизическим состояниям, новому воспри-

ятию, новым реакциям, непривычному эмоциональному включению.

Тренингом я занимаюсь с 2013 года. Я не учитель и не педагог, я — обычный мастер, в прямом смысле этого слова, помогаю примерно так же, как, например, водопроводчик, которого зовут, если нужно устранить поломку. Сейчас география тренинга расширяется: Красноярск, Казань, Ростов-на-Дону, Екатеринбург, Баку, но я никогда не допущу, чтобы DZUBING превратился в конвейер.

— Знаю, что есть преподаватели актерского мастерства, которые сами никогда в своей жизни актерами не были. Как, по-вашему, это правильно?

— Неправильно. Это возможно, так как у них есть режиссерское образование. Но я считаю, что режиссер, который когда-то сам был актером и имеет сценический опыт, может дать гораздо, гораздо больше. Сама традиция тренинга ограничивается у нас семестром первого курса театрального вуза, потом о нем «победоносно» забывают. Считается, что получил по окончании вуза диплом — и ты уже специалист.

Тренингом артисту нужно заниматься всю жизнь, это как воздух для него, как и артист балета ежедневно занимается станком, а музыкант ежедневно играет гаммы. Подготавливать себя к работе на сцене артисту необходимо постоянно.

Есть актеры, которые, достигнув определенного уровня, положения, уже считают, что все умеют и знают, они перестают учиться, работать над собой. Кто-то из известных людей сказал, что только в России, закончив театральный вуз, актер перестает учиться. Западные артисты отличаются тем, что они постоянно учатся, до самой старости, и это правильно.

— Человек в любой профессии может быть творческим?

— Что бы делал Джимми Хендрикс, если бы токарь не выточил колки его «леворукой» гитары, а столяр не вырезал гриф и корпус? Он стал бы трубачом? Здесь без мастерового человека не обойтись! Пойдем дальше. В блокадном Ленинграде слово «хлеб» являлось эквивалентом слова «жизнь», так что и без пекаря никак!

Отсюда вывод: любой создатель — это творец! А что он созда-

ет и как, не имеет никакого значения! Без стихов, музыки, театра и кино можно прожить, а вот без воды — нет! Значит, кто-то должен вырыть и колодец. Интересно, кто этим станет заниматься — балерина?

— Вы неоднократно работали и как режиссер. Есть ли какие-то планы на будущее?

— Я бы хотел поставить великого драматурга — Вильяма Шекспира.

У меня есть конкретная пьеса и ее сценографическое, пространственное решение. Осталось сделать инсценировку, а затем — самое малое — воплотить задуманное на сцене. Название пока не скажу, до момента запуска этого делать нельзя. А что касается кино, то оно меня пока не интересует. Я люблю смотреть хорошие фильмы, и этого достаточно. □

Беседовала **Елена Воробьева**

Георгий Кричевский

Андрея Сергеевича Кончаловского (от первой половины фамилии — Михалков — он официально отказался в 2008 году) можно охарактеризовать одним словом: Победитель. Его победы добыты честно, трудом и талантом,

А К ндрея ончаловского

хотя при этом ему всю жизнь сопутствовала феерическая удача. Как, впрочем, и младшему брату Андрея Кончаловского, Никите Михалкову, столь же заслуженно увенчанному лаврами Победителя.

Будущему кинорежиссеру, литератору и общественному деятелю

повезло с родителями. Отец — представитель старинного дворянского рода Михалковых, любимый народом и обласканный государством культовый детский писатель, лауреат самых престижных премий, Герой Соцтруда Сергей Михалков. Мать — видная поэтесса и переводчица французской поэзии Наталья Кончаловская, внучка Сурикова и дочь его друга Петра Кончаловского, замечательного художника.

Оба прославившихся впоследствии брата провели свое детство не где-нибудь, а в «родовом», с позволения сказать, имении, в сердце Рублевки, на Николиной Горе, куда еще в 30-е годы «вождь народов» поселил ведущих ученых, конструкторов и «капитанов промышленности» (бытовал тогда такой термин). Автор «Дяди Степы» и советского гимна тоже удостоился чести обзавестись дачей в этом элитарном поселке рядом с живописным берегом Москвы-реки.

Братьям продолжало во всем везти и дальше. В любви. В учебе. В выборе профессии. В творчестве. Разные, но на редкость яркие пути вели каждого из них от успеха к успеху. Оба добились широкого признания на родине и за рубежом. Однако использовали его по-разному. Они напоминают двуглавого орла на Российском гербе, чьи головы повернуты у одного — на Запад, у другого — на Восток.

Младший стал ревностным государственным-почвенником. Старший — типичным нонконформистом. Сняв 27 фильмов, написав 34 сценария, поставив 8 спектаклей, в том числе 5 оперных, опубликовав 6 книг и более 100 публицистических статей, будучи пять раз женат и имея шестерых детей, он говорит: «Можно сказать, что у меня была легкая жизнь. Я никогда не унижался ради куска хлеба».

Сегодня наш рассказ о нем.

Андрей Кончаловский родился в зловещем тридцать седьмом. Повзрослев, он однажды спросил у отца, что тот делал на сталинских приемах в Кремле, куда его нередко приглашали. Сергей Владимирович честно ответил: «Сидел в уголке, пока не позовут, и старался не высовываться». Время было такое — лучше не

высовываться, не попадаться «Хозяину» на глаза.

Впрочем, на Николиной Горе время для малышей текло безмятежно. Вот уж действительно: «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!» Дедушка-художник ласково называл маленького внука Андрон. Это прозвище закрепилось

за ним потом среди друзей и близких. А вот когда к нему так обращались развязные журналисты, Кончаловскому, как он выразился в одном интервью, хотелось дать им «по соплям». Амикошонства мэтр не терпел ни в молодости, ни в зрелые годы и всегда держался с малознакомыми людьми суховаато и иронично. В дружеском же кругу был душой компании, и дружили с ним всю жизнь личности незаурядные.

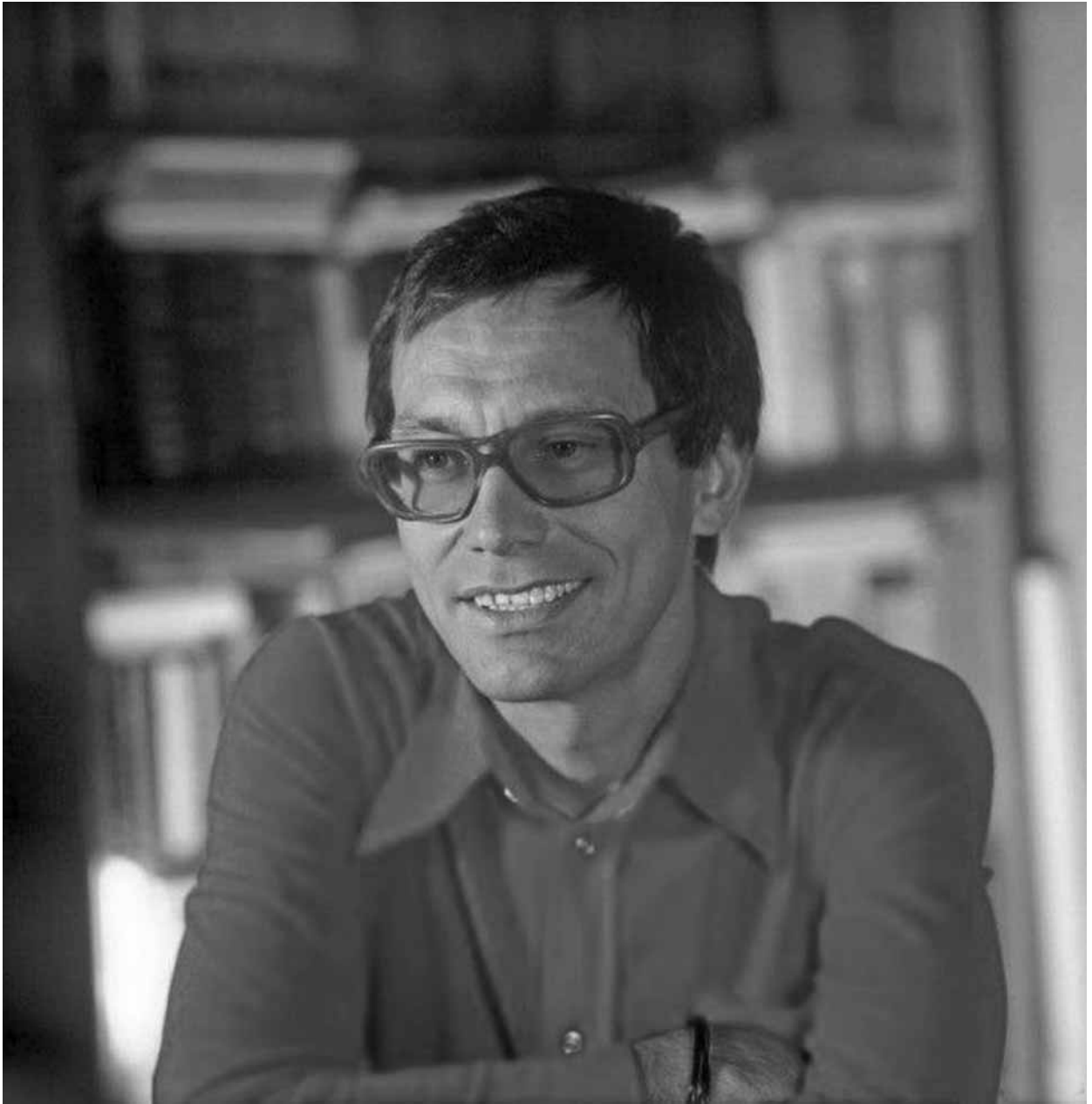
Годы эвакуации с матерью в далекой Алма-Ате запомнились мальчику растаявшим в кармане подарком — драгоценным кусочком масла, да коридором киностудии, где он однажды встретил Эйзенштейна, который завершал там вторую серию «Ивана Грозного». Прологом к послевоенной профориентации подростка эта встреча не послужила. В кино Кончаловский пришел из... консерватории. А до того, по настоянию Натальи Петровны, окончил в 1952 году Центральную музыкальную школу, прославленную ЦМШ, и спустя пять лет — музыкальное училище при Московской консерватории. В консерватории проучился два года, пока не понял, что это все же «не его», и что выдающимся пианистом он никогда не будет. Тем не менее, классическая музыка необычайно расширила творческий диапазон кинорежиссера, позволив ему впоследствии уверенно ставить за рубежом оперные спектакли.

Где-то в середине 50-х отец познакомил Андрона с Ириной Кандат,

дочь своих приятелей. Девушка училась в балетном училище Большого театра, была очень красива и нежна. Молодые люди друг другу понравились и начали встречаться, а в 1957 году Андрей Кончаловский сделал Ирине предложение. Свадьба была пышной. Под занавес аристократичный жених, только что поступивший в консерваторию, поколотил невесту, приревновав ее к партнеру по танцам. Недолго продержался и сам этот незрелый брак. Через два года Ирина ушла к дирижеру Большого А. Жюрайтису.

Разрыв с первой женой совпал у Андрея с уходом из консерватории и неожиданным поступлением на режиссерский факультет ВГИКа, в мастерскую Михаила Ромма. И вот там-то Кончаловский окончательно нашел себя. Его талант режиссера и сценариста проявился еще в студенческие годы, вкупе с любопытными актерскими работами в эпизодических ролях знаковых фильмов эпохи хрущевской оттепели — «Ивановом детстве» А. Тарковского и ленте «Мне 20 лет» М. Хуциева. Сценарий «Иванова детства» они писали вдвоем с Тарковским. До этого — сценарий студенческой короткометражки Тарковского «Каток и скрипка», а в 1966 году, сразу после окончания института, вместе создали великий сценарий великого фильма Тарковского «Андрей Рублев».

«Мы с Тарковским росли под знаком отрицания многого из того, что

было в кинематографе, — вспоминал А.Кончаловский. — Нам казалось, что мы знаем, как делать настоящее кино... Ощущение было, что мир лежит у наших ног, нет преград, которые нам не под силу преодолеть».

На «Рублеве», увы, их творческие и человеческие связи оборвались. Дальше каждый пошел в жизни и в искусстве своим путем. Оба они

к этому моменту успели прославиться своими ВГИКовскими дебютами: «Каток и скрипка» завоевал первый приз на фестивале студенческих фильмов в Нью-Йорке. «Иваново детство» получило «Золотого льва Святого Марка» — главный приз международного Венецианского кинофестиваля. А Кончаловский на том же фестивале был удостоен Гран-при в конкурсе короткометражных

фильмов для детей и юношества за картину «Мальчик и голубь».

Насыщенная до предела учебой и творчеством студенческая пора ничуть не мешала любовным похождениям Андрея. Курсом младше, на актерском факультете во ВГИКе училась 18-летняя Жанна Болотова, уже удачно снявшаяся в фильме «Дом, в котором я живу». Начинающий режиссер закрутил с ней бурный роман, но жениться отказался, и она вышла замуж за его друга.

Сходным образом закончился скоротечный роман Кончаловского с очаровательной Марианной Вертинской, подающей большие надежды актрисой, дочерью вернувшегося перед войной в Россию из эмиграции прославленного певца и артиста.

А вот на своем дебютном полнометражном фильме «Первый учитель» (1965) режиссер женился вторично на исполнительнице главной женской роли Наталье Аринбасаровой, которая родила ему сына Егора,

*С первой
женой —
Ириной
Кандат*

ставшего известным кинорежиссером, популярным актером театра и кино. «Первый учитель» — настоящий прорыв Кончаловского к славе. Он поставил на эту картину все и выложился в работе над ней до конца. Действие фильма по одноименной повести Чингиза Айтматова происходит в глухом киргизском ауле в первые годы Советской власти. Добиваясь предельной достоверности, молодой режиссер снимал «Первого учителя» целиком на натуре, вдали от благ цивилизации, зачастую под проливным дождем, по колено в грязи.

Эстетика кинематографа крупнейшего японского мастера А. Куросавы оказывала тогда большое влияние как на А. Кончаловского, в чем он сам неоднократно признавался, так и на А. Тарковского. Это было не подражание, а творческое переосмысление. Сценарий фильма Кончаловский писал совместно с опытным драматургом Б. Добродеевым, а оператором пригласил гениально-го Георгия Рерберга, которого в последующие годы не раз делил с Тарковским. Свое веское слово сказал на картине композитор Вячеслав Овчинников. Вообще, вся съемочная группа, заразившаяся замыслом постановщика, поверившая ему, работала, не щадя сил, и стала затем его постоянной командой.

Но все же главная заслуга в громком успехе картины принадлежит, в первую очередь, актерам. И если роль учителя Дюйшена, вчерашнего

*Вторая жена —
Наталья Аринбасарова*

красноармейца, приезжающего в степной аул по путевке комсомола, досталась многоопытному и маститому Болоту Бейшеналиеву, то труднейший образ его возлюбленной Алтынай, идущей против вековых устоев восточной жизни, проникновенно воплотила на экране юная казахская балерина.

Андрей воспылал к ней любовью и решил жениться. Шумная русско-казахская свадьба состоялась в 1966 году, а через три года пара

распалась. Фильм же тем временем совершал триумфальное шествие по миру. Он получил почетный Кубок Вольпи и серебряную медаль за лучшую женскую роль на Венецианском фестивале, премию на «Капитолийском Юпитере» в Риме и другие высокие награды.

В ореоле растущей славы множились также громкие любовные связи неотразимого русского Казановы. Достаточно откровенно и самокритично он рассказал о них в очень интересных книгах воспоминаний «Низкие истины» и «Возвышающий обман».

Так, за два года до развода с Аринбасаровой Андрей Сергеевич познакомился на Московском международном кинофестивале с членом французской делегации молодой Машей Мериль, русской дворянкой по происхождению, тонкой, вдумчивой, прелестной. Они влюбились друг в друга без памяти. Через какое-то время они снова встретились, на этот раз в Праге. Маша по-русски почти не говорила, а Андрей не понимал по-французски ни слова и только кивал, когда она ему что-то втолковывала. Позже он узнал, что Маша пыталась расска-

Наталья Аринбасарова с сыном — Егором

зять о своей беременности, и, не дождавшись от него никакой реакции, вышла замуж за итальянского продюсера. Впрочем, они остались друзьями, и Мериль даже снялась у Кончаловского в «Дуэте для солиста», а затем сыграла Аркадину в его постановке «Чайки».

Режиссер никогда не эксплуатировал в новом фильме успех, достигнутый предыдущей картиной, а, напротив, стремился сделать новый фильм не похожим на нее. Так произошло и с многострадальной чернобелой лентой «История Аси Клячиной». Новаторский, экспериментальный фильм о деревенской жизни с Ией Савиной в главной роли, рядом с которой снимались жители села Безводное Горьковской области, был закончен в 1967 году, по-

ложен «на полку» и вышел на экраны только спустя двадцать лет.

На молодого режиссера тогда посыпались упреки в очернении советской действительности, в издевательствах над колхозниками. Глубоко потрясенный запретом картины, Кончаловский обратился к экранизации «Дворянского гнезда» Тургенева, стремясь, очевидно, вернуться к собственным фамильным истокам, и вложил в фильм много личного. К тому же история любви Лаврецкого совпала с его новыми любовными переживаниями. Так чаще всего происходило в жизни Андрея Сергеевича — любовь и творчество совпадали во времени и пространстве. Причем любовь никогда не протекала у него за счет творчества. И каждая очередная влюбленность слу-

жила ему источником вдохновения. Картина была закончена в 1969 году и до сих пор не сходит с экрана.

При всей «классовой» симпатии Кончаловского к главному герою, вернувшемуся домой после одиннадцатилетней жизни во Франции, режиссер с иронией показывает идиллический выбор этого слабого и, в сущности, безвольного человека, которому беззастенчиво изменяет жена, приехавшая к нему в имение из Парижа просить денег. Некоторые критики упрекали фильм в эстетизации усадебных гнезд, что не помешало ему собрать богатый урожай призов и выйти в лидеры кинопроката.

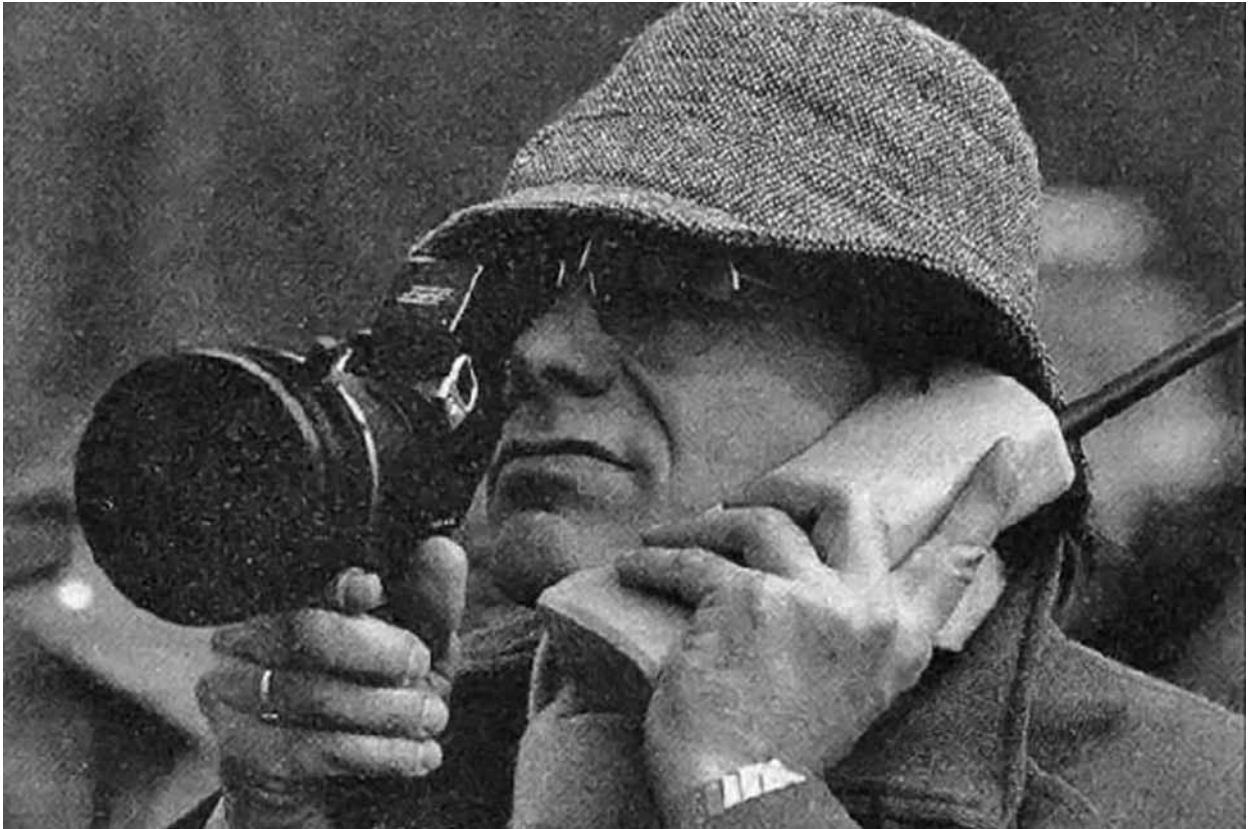
На роль Лизы Калитиной, романтической соседской девушки, предмета тщетной любви Лаврецкого, режиссер выбрал студентку Вахтанговского училища Ирину Купченко. Еще одно открытие Кончаловского. И еще один его любовный роман на съемках. Правда, к концу съемок этот роман сошел на «нет», но дружба между ними сохранилась. Он пригласил ее на одну из главных ролей в своей следующей картине — «Дядя Ваня» по пьесе Чехова.

С сексапильной польской кинозвездой Беатой Тышкевич, игравшей в «Дворянском гнезде» жену главного героя, тоже, вроде бы, намечались романтические отношения. Как и других своих пассий, Андрей привозил Беату на Николину Гору, знакомил с мамой, Натальей Петровной, угощал знаменитой «кон-

чаловкой», водкой, по особому рецепту настоянной на травах и ягодах. А вот на съемочной площадке однажды, отчаявшись, отвесил ей звонкую пощечину, чтобы она лучше сыграла никак не получавшуюся у нее сцену. Привыкшая к всеобщему восхищению капризная польская актриса захотела немедленно уехать, однако сдержалась и, испуганно поглядывая на режиссера, сцену сыграла как надо. Позже все Михалковы подружились с ней.

Тепло приняли в кругу семьи и француженку Вивиан Года, которой Андрей страстно увлекся еще на съемках «Дворянского гнезда». Подобно Маше Мериль, она была девушкой с русскими корнями, причем с богатыми родителями, хотя работала няней в семье банкира. Их роман развивался стремительно, и когда Кончаловский твердо решил жениться на Вивиан, семья всполошилась — брак с иностранцами властями отнюдь не поощрялся. Режиссер все же настоял на своем (ему уже в то «строгое» время удавалось то, что было не дозволено другим). Его брак с Вивиан продержался целых одиннадцать лет. Она родила Андрею Сергеевичу дочь, стала востоковедом и взяла фамилию Михалкова.

«Дворянское гнездо» обозначило поворот в творческих устремлениях и духовных поисках Кончаловского. Как художник он простился в этой картине с иллюзиями молодости и мировоззренчески дистанци-

ровался от младшего брата-славянофила, с которым остался близок чисто по-человечески...

Воодушевляясь новым проектом, режиссер обыкновенно избирал для себя новую музу. Так произошло в 1974 году на фильме «Романс о влюбленных». Это был смелый эксперимент — музыкальная драма о современных городских молодых людях, охваченных всепоглощающей Любовью.

Сценарий был написан совместно с маститым киносценаристом Евгением Григорьевым и смело сталкивал реализм с поэтической условностью. В картине все либо поют, либо говорят возвышенным «верлибром». Во второй части, когда вер-

нувшегося из армии героя Евгения Киндинова разлюбила его бывшая возлюбленная, фильм становится черно-белым. Сергей, женившись без любви, начинает жить будничной жизнью, переходит, как и другие персонажи, на обычную речь, и непрерывно звучавшая до того музыка прекращается. А в финале цвет, песня, разговоры белым стихом и ощущение огромного пространства жизни возвращаются на экран, потому что Сергей снова обретает любовь. Любовь к жене в исполнении Ирины Купченко.

Главную героиню, солнечную, распахнутую навстречу миру и любви девушку, режиссер искал долго и нашел в лице студентки Щукинского училища Елены Кореневой. С ней

у Кончаловского завязался роман, который он не стал скрывать ни от кого. Ушел из дома и три года жил с Леной как с гражданской женой. Наряду с партнерами, композитором Александром Градским и оператором Левом Пааташвили, она внесла весомый вклад в зрительский успех фильма, опровергнувший прогнозы чиновников Госкино и некоторых авторитетных критиков. На «Романс о влюбленных» пошла молодежь. Его купил ряд стран. На пре-

стижном международном фестивале в Карловых Варах он был удостоен главного приза — Хрустального глобуса.

Кончаловский в очередной раз сделал рискованную ставку и вновь выиграл. На гребне успеха предстояло выбрать, «чем удивлять» дальше. Не желая почивать на лаврах и идти проторенной дорогой, режиссер решил создать киноэпопею о нескольких поколениях двух враждующих семей в затерянном среди

*Третья жена —
Вивиан Годэ*

таежных болот селе, где в наши дни геологи найдут большую нефть.

Шаг был смелым не только потому, что до этого ничего подобного Кончаловский не снимал. Приступая к «Сибириаде», он ставил на карту свою репутацию, поскольку взялся за прямой социальный заказ. В 1974 году Андрея Сергеевича вызвал к себе председатель Госкино

СССР Филипп Ермаш и предложил поставить масштабный фильм о нефтяниках Сибири к очередному съезду КПСС.

В основу производственной линии четырехсерийной картины, сценарий которой Кончаловский писал совместно с Валентином Ежовым, легла история многолетних поисков богатейшего нефтяного месторож-

дения в Тюмени, открытого к концу 50-х годов. Однако в ходе длительной и трудной работы над сценарием индустриальная тема отошла на второй план, уступив место романтизированному изображению крутых человеческих судеб и характеров, их конфликтам и переплетениям. Жанр будущего фильма режиссер определил как «поэму в шести сказах».

На главные роли были приглашены «проверенные» актеры: Виталий Соломин, Сергей Шакуров, Павел Кадочников (Вечный Дед, душа Леса), Никита Михалков. Людмила Гурченко и Елена Коренева, сыгравшие одну из героинь, Таю Соломину — соответственно, в 40-е и 60-е годы. И вот в этот блистательный актерский ансамбль режиссер опять-таки не побоялся ввести никому не известную дебютантку — Наталью Андрейченко, сделав ее также на время своей новой пассией. Кто из них кого больше вдохновил, сказать сложно, но у Кончаловского в итоге получилось едва ли не самое мощное его кинопроизведение, а Андрейченко в нем, что называется, «выстрелила», проложив себе этой ролью путь на большой экран.

Картину пригласили на Каннский фестиваль 1979 года для участия в конкурсной программе. До этого она триумфально прошла в кинотеатрах страны, ее показывали по телевидению, удостоили фестивальными наградами.

В тот год мировой киносмотр «номер один» собрал особенно сильный состав участников. При этом председатель жюри, знаменитая французская писательница Франсуаза Саган, объявила Кончаловскому, что, если его фильм не разделит «Гран-при» — «Золотую пальмовую ветвь» — с «Апокалипсисом сегодня» Френсиса Копполы, то она «выйдет из состава жюри». Сам создатель «Крестного отца» пригласил русского режиссера на яхту, где он проживал в дни фестиваля, и сказал, что готов разделить с ним «Гран-при». По словам А. Кончаловского, его встреча с Копполой напоминала закулисные переговоры представителей двух великих держав, например, «Киссинджера с Громыко». И все же заветная «Пальмовая ветвь» досталась «Апокалипсису сегодня» и классному фильму «Жестяной барабан» выдающегося немецкого режиссера Ф. Шлендорфа. А «Сибириада» удостоилась Большого приза жюри, второй по значению фестивальной награды.

В следующем году Кончаловскому присвоили звание народного артиста РСФСР. И тогда же они с Юрием Нагибиным в очередной раз отложили давний сценарий, посвященный великому русскому композитору Скрябину. Фильм о нем режиссер мечтает снять до сих пор...

Он тяжело переживал и то, что продолжает «лежать на полке» его созданная еще пятнадцать лет назад совершенно необычная, нова-

*С четвертой женой —
Ириной Мартыновой и дочерьми*

торская картина о русской деревне «История Аси Клячиной, которая любила, да не вышла замуж». По его собственному признанию, у него появилось желание уехать из страны, где ему не хватало «воздуха», и он решил попробовать свои силы в Голливуде.

Начиналась новая глава его бурной, стремительной жизни.

В Голливуде Андрей Сергеевич долго перебивался случайными заработками и даже торговал одно время по знакомым привозимой им тайком из России черной икрой. Фа-

совать икру в банки ему помогал старый приятель, Френсис Форд Копполла. И все же сорокалетний режиссер-нонконформист не сдавался, адаптировался к местному образу и ритму жизни и ждал своего часа. Он усвоил в Голливуде одну непреложную истину: все созданное тобой до настоящего момента не имеет значения, судить о тебе будут только по сделанному здесь и сейчас.

Кополла ввел Кончаловского в круг голливудских знаменитостей, среди которых оказался сам Марлон Брандо. Блистательная Ширли Маклейн, не утратившая женской

прелести, помогла ему задержаться на Голливудских холмах, потом предложила пожить вместе. Их связь продолжалась год. Злые языки судачили, что Кончаловский пошел на это из корыстных побуждений, ради карьеры. Но он съехал от Ширли по-прежнему полунищим, с туманными перспективами на будущее, хотя все новые знакомые из мира кино восхищались его фильмами. Пленочные копии лучших своих картин (видео еще не появилось) Андрей Сергеевич переправил в Америку раньше по дипломатическим каналам и «крутил» где только было возможно.

Его час наступил, когда большая европейская кинозвезда Настасья Кински помогла ему пробить первый голливудский проект — пронзительную психологическую драму «Любовники Марии» (1983). Она нашла Андрею продюсера и сыграла в фильме главную роль. Фильм прогремел, и Голливуд, наконец, покорился амбициозному русскому режиссеру. В свою очередь, он постарался не упустить момент. В 1985 году выпустил остросюжетную картину «Поезд-беглец» с Джоном Войтом и Эриком Робертсом, а через год — трогательную мелодраму

«Дуэт для солиста», где сыграли Джулия Эндрюс, Руперт Эверетт и Алан Бейтс, все звезды первой величины. Эти фильмы упрочили в Голливуде его реноме и принесли деньги. Кончаловский признавался впоследствии, что никогда еще не работал с такой самоотдачей, на пределе сил.

1987 год выдался для него богатым на приятные неожиданности. Он прилетел на родину в качестве официального гостя Московского кинофестиваля и встретил свою будущую четвертую жену, диктора Центрального телевидения Ирину Мартынову, с которой прожил в браке семь лет, и которая родила ему двух дочерей. Но в Москве Андрей Сергеевич надолго не остался и вернулся в Штаты, где его ждали новые работы.

Несмотря на это, раздражение Кончаловского до предела коммерциализированной, потогонной системой Голливуда, ставящей режиссера в бесправное положение и лишаящей его творческой свободы, нарастало. Предложенные им ведущим студиям проекты авторских фильмов вежливо отклонялись, и ему навязывали боевики или комедии. Тем не менее, талантливому режиссеру и в этих жанрах удалось создать значительные кинопроизведения.

Таков остросюжетный фильм о двух полицейских «Танго и Кэш» (1989), чьи образы воплотили на экране Сильвестр Сталлоне и Курт Рассел. Причем из-за конфликта с продюсерами Кончаловский покинул режиссерское кресло еще до окон-

чания съемок, и картину завершал А. Магноли. В его постановке финал, по мнению критики, получился гораздо слабее остальных частей. Все же этот фильм имел мировой прокат, и режиссером в титрах значится один А. Кончаловский. На следующий год он снял комедийную мелодраму «Гомер и Эдди», в которой блеснули Вупи Голдберг и Джеймс Белуши. Фильм был удостоен Гран-при Международного кинофестиваля в Сан-Себастьяне. Однако самого режиссера он не слишком удовлетворил.

В начале 90-х, окончательно разочаровавшись в Голливуде, устав от него, режиссер вернулся уже в новую Россию и снял здесь несколько картин, увы, не ставших событиями отечественного кинематографа. Исключения — «Курочка Ряба» и «Ближний круг» (рабочее название «Кинемеханик Сталина»).

Тайные завистники обвиняли его в космополитизме, в пренебрежении национальными традициями, в отсутствии патриотизма. А он отвечал, что, подобно Чаадаеву, «не научился любить свою Родину с закрытыми глазами, с преклоненной головой, с запертыми устами» и верит, что «человек может быть полезен своей стране, если ясно видит ее».

В 1997 году Кончаловский, по заказу крупнейшего телеканала NBC, снял международный мини-сериал «Одиссея» по эпическим поэмам Гомера «Илиада» и «Одиссея». Сериал повествует о долгом возвращении

домой героя Троянской войны, царя греческого острова Итаки, роль которого сыграл известный американский актер Арман Ассанте. Продюсеры мечтали заполучить его, а он поставил условие, что режиссером должен быть только А. Кончаловский.

Андрей Сергеевич с головой ушел в масштабный проект, переделал под себя имевшийся сценарий и привлек своего постоянного компози-

тора и друга Эдуарда Артемьева. На роль Пенелопы пригласил чудесную Гретту Скакки, на роль богини Афины — Изабеллу Росселини. Мать Одиссея сыграла великая греческая актриса Ирэн Папас. Легенде семидесятых, Кристоферу Ли, досталась в фильме роль слепого прорицателя Тиресия, а Эрик Робертс воплотил на экране образ Эвримаха. Фильм оказался на тот момент са-

*С женой —
Юлией Высоцкой
и детьми*

мым дорогим телепродуктом, триумфально прошел по миру и был удостоен двух премий «Эмми» (за режиссуру и спецэффекты).

На волне такого успеха Андрей Кончаловский, впервые с начала карьеры, за следующие пять лет не снял ни одного фильма. Творческий спад на пороге 60-летия? Пересмысление достигнутого? Выбор цели, пути?.. Кто знает...

В период «киномолчания», как и раньше, да и в последующие годы, он не раз обращался к театральным постановкам. Оперным и драматическим. На российской и зарубежной сцене. «Чайка» в парижском театре «Одеон», оперы «Евгений Онегин» и «Пиковая дама» в миланском «Ла Скала» и парижской «Бастилии», три версии оперы С.Прокофьева «Война

и мир» в Мариинском театре в Санкт-Петербурге и нью-йоркской «Метрополитен опера» — таков далеко не полный перечень сценических работ режиссера. А ведь были еще интереснейшие публицистические, мемуарные и культурологические книги, статьи, выступления по радио и телевидению, на международных симпозиумах. Были постановки грандиозных театрализованных представлений и музыкальных шоу под открытым небом в Москве и Петербурге.

Возвращение к кино произошло у маэстро вскоре после женитьбы в 1998 году на начинающей актрисе Юлии Высоцкой. Андрей Сергеевич встретил ее на фестивале «Кинотавр» в Сочи, и с того дня они не расставались. Почти 36-летняя разница в возрасте не помешала этому браку

стать самым счастливым и долгим. Юлия подарила ему дочь и сына, семейное тепло и домашний уют, благодаря жене он обрел новый творческий импульс и сделал ее своей музой, снимая во всех фильмах.

Первая после затянувшегося перерыва картина Кончаловского, экстравагантный и трагический «Дом дураков», в котором Юля сыграла главную роль одной из обитательниц психиатрического интерната, вовлеченного в события чеченской войны, а Евгений Миронов отметил в эпизодической роли боксера, вышла на экраны в 2002 году. Фильм ознаменовал уверенное преодоление режиссером творческого спада и принес ему Специальный приз жюри 59-го Венецианского кинофестиваля.

Далее последовала историческая драма «Лев зимой» по пьесе американского писателя Дж. Голдмена для американского телевидения при участии европейских стран. Образ юной любовницы стареющего короля достойно воплотила Юлия Высоцкая. Режиссер о своей работе отозвался следующим образом: «Это очень серьезный фильм, каких мало в американском кино и на телевидении».

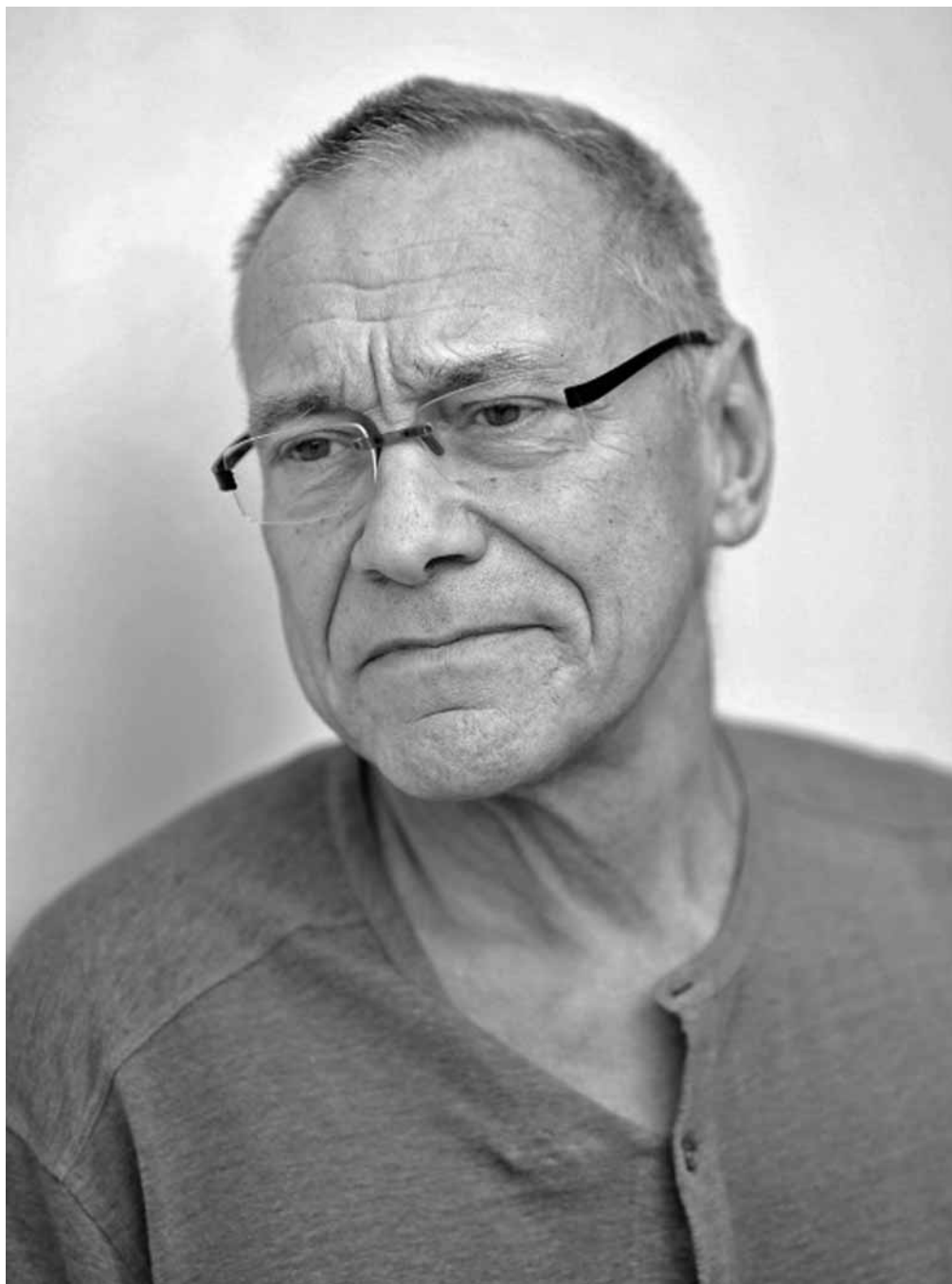
«Серьезные» фильмы. Кончаловский продолжал снимать и в России. К своему 70-летию он выпустил остросатирическую, местами трагедийную мелодраму «Глянец», в которой правдиво изобразил пустоту и ложные фетиши отечественного мира гламура, выжигающего челове-

ческие души. Он называл этот фильм «фильмом о деньгах», как «Дом дураков» — «фильмом о Чечне».

Мыслями и делами режиссер с тех пор все больше на родине. В 2005 году он основал «Продюсерский центр Андрея Кончаловского», создающий программы для центральных каналов российского телевидения, в том числе для канала «Культура», осуществляющий новаторские театральные постановки, книгоиздательские проекты. Одной из самых популярных телепередач, выпускаемых продюсерским центром Кончаловского, стало кулинарное шоу «Едим дома!» на НТВ, которое уже больше десяти лет ведет Юлия Высоцкая.

В 2000-м году Андрей Сергеевич, с женой и детьми, вернулся домой. Они стали жить в загородном доме, перестроив в русском стиле бревенчатый дом Натальи Петровны, и решили здесь окончательно обосноваться. «Мне важно, что я живу на Николиной Горе, на этой земле, — говорил режиссер. — Тут прошла моя юность, и с этим местом связано столько ярких воспоминаний».

...Несчастье настигло семью во Франции. В октябре 2013-го, не справившись с управлением арендованной машины, Кончаловский попал в автокатастрофу. Дочь получила тяжелейшую травму, впала в длительную кому, и Андрей Сергеевич с Юлией надолго застряли под Марселем, пока врачи боролись за жизнь 14-летней девочки. Но звал начатый

фильм, и режиссер нашел силы вернуться к работе над ним.

Драма «Белые ночи почтальона Алексея Тряпицына» — еще одно тонкое исследование души деревенского человека и характера окружающей его действительности. Еще один смелый эксперимент, даже более смелый, чем давние «Ася Клячи-

на» и «Курочка Ряба». Там главные роли в окружении местных жителей исполняли все-таки замечательные профессиональные актрисы Ия Савина и Инна Чурикова. А в последней картине главную роль сыграл настоящий почтальон Алексей Тряпицын, которого режиссер искал чуть ли не по всей стране и нашел в изуми-

тельно красивом местечке Архангельской области, где и проходили съемки.

Фильм завершил трилогию А. Кончаловского о российской глубинке и, войдя в конкурсную программу 71-го Венецианского фестиваля, получил главный режиссерский приз «Серебряный лев». Таким образом, режиссер в 77 лет второй раз стал лауреатом престижнейшего кинотрибунала планеты. Такое мало кому в мире удавалось.

Он остается все таким же. Современным. Независимым. Языковым. Не подвластным возрасту. И — счастливым. Особенно теперь, когда его дочь медленно, но верно идет на поправку. У него все такой же зоркий глаз и неожиданные оценки. Недавно он удивил всех, анализируя ситуацию в отечественном кинематографе и выделив среди наиболее талантливых режиссеров современной России Алексея Балабанова (вскоре ушедшего из жизни) и Валерию Гай Германику. Захотел вдруг, и лихо снял музыкальные видеоклипы Димы Билана. А еще раньше вышел из состава национального Оскарского комитета, в знак протеста против того, что тот не поддерживает реальных лидеров российского кино. При этом принял в 2013 году предложение возглавить киноакадемию «Ника» и обозначил на посту ее президента новый подход к распределению ежегодных премий.

С его высказываниями можно соглашаться или не соглашаться, но слушать и читать его всегда интересно. Он говорит, что думает, а не отделяется, как многие, прописными истинами и банальностями. Его гражданская позиция внушает уважение даже непримиримым оппонентам. Он весьма критично воспринимает современную западную действительность, считая главным сегодняшним злом политкорректность, которая «порождает абсолютную посредственность» во властных структурах.

Быть может, только в последнем браке Андрей Сергеевич научился по-настоящему ценить семью, домашний очаг. Это, бесспорно, заслуга его жены Юлии Высоцкой. «Самое главное в нашем союзе с Кончаловским — родство душ, возможность говорить на одном языке. Я могу, грубо говоря, убить, загрызть любого, если почувствую, что он угрожает моему мужу... Он — мой любовник, товарищ, партнер. Мы с ним в одной связке. У меня не может быть к нему объективного отношения, я заранее всегда на его стороне. Он — моя опора, я — его».

Андрей Сергеевич Кончаловский, прожив удивительную, «легкую» жизнь, говорит: «Человек боится смерти, пока у него есть желания. Когда исчезают желания, исчезает и страх смерти. Я боюсь смерти, потому что у меня есть желания. Пока есть...» □

ЖИЗНЬ

«За ДВОИХ»

— Всем доброе утро, — подойдя к нашему столу, негромко сказала симпатичная пожилая женщина.

— Утро доброе, Елена Андреевна, — охотно ответили ей не только мои «соседи», но и сидящие за другими столами.

Пробираясь к своему месту, женщина бросила на меня мимолетный взгляд и, живо воскликнув:

— А у нас новенькая? Как хорошо! — тут же протянула руку: — Вечтова... Елена.

— Андреевна, — невольно вырвалось у меня. — Очень приятно.

— Зачем уж так официально, мы ведь не в школе... На книжках наших пишут только имя и фамилию. Причем, не подчеркивается наш возраст, а? — улыбнулась она, сверкнув озорными светло-голубыми глазами.

— Ну, уж, у вас возраст...

— Голубушка, мне стукнуло всего семьдесят пять. Кстати, откуда вы к нам?

— Тома — детский писатель, приехала из Кишинева, — поспешила сообщить моя подруга Вера Чубакова.

— Детская писательница — это хорошо, большая редкость.

— Ой, да у меня всего три тощие книжицы вышли, так что до писательницы мне далеко.

— Она говорит — три книжицы... Да у некоторых ни одной, но они считают себя писателями. А как называются?

— Смеяться будете, если назову.

— Так это же хорошо, лишь бы не плакать.

— Первая — «Как сосульки плакали», за ней идет «Марфина каша» и «Пешеходное масло».

— Какие оригинальные названия! С удовольствием прочитаю...

Так произошло наше знакомство с поэтессой, да и не только — с писателем и журналистом Еленой Андреевной Вечтомовой.

После завтрака она, обняв меня за плечи, просто сказала:

— Жду тебя, белокурая молдаванка, к двенадцати в десятой комнате. — И тут же повернулась к подруге: — Верочка, не обидишься?

— Наоборот, буду только рада. Я пока Кузю таблетками накормлю.

— Вот посмотрите на нее: родного мужа, такого доброго, симпатичного, называет Кузей. Как ты на это смотришь, Тamarочка?

— Потому он и Кузенька, что добрый, — рассмеялась Вера Сергеевна. — Никто у меня без псевдонима не остается. Тamarочку-татарочку я окрестила «Том Сойер» и еще «Томми». Между прочим, она восприняла это не просто спокойно, а даже с некоторой гордостью...

Вот так пошутили и разошлись по комнатам.

В Доме творчества писателей в Комарово стояла золотая осень. Господи, как же здесь было прекрасно: душистые сосны, травы с желтыми маслятами, теплоствольные березы с шелковистой корой, прижмешься к ней щекой, и такой покой на душе, не надо никакого рая! А люди? Коренные ленинградцы, это уж точно, совсем иной народ: интеллигентность и, в то же время, простота, доброжелательность.

Одним словом, уютный, по-домашнему теплый Дом творчества вместе с его обитателями помогли мне дожить до следующего лета и выдержать серьезное испытание лечением, которое продлило мне жизнь еще на долгие годы...

...Я робко постучала в десятую комнату. Дверь тут же распахнулась, и Елена Андреевна, не дав мне сбросить туфли, провела меня в просторную комнату, усадила в кресло.

— Чуешь? Кофеек... Сейчас мы с тобой гульнем в честь знакомства...

Два часа нашего разговора пролетели, как несколько минут. Прежде всего, она попросила рассказать ей о моей жизни. Я справилась с этой задачей быстро и, в свою очередь, попросила ее:

— Пожалуйста, Елена Андреевна, почитайте свои стихи. Я так мало знаю о вашем творчестве. Только несколько подборок в «Неве» и в «Авроре»...

— Да старье уж все. Силы уходят в прозу, в очерки о моих замечательных коллегах и друзьях. Чтобы помнили, какие... даже слов не подобрать... были наши фронтовики...

Но я все же услышала несколько стихотворений, которые она готовила для издания книги «Звездопад». Вот одно из них, с такой замечательной концовкой:

ТАК ЭТО ТЫ БЫЛА, ЛЮБОВЬ!

*Взгляд упрямых глаз не забываю,
Помню каждую черту лица.
Ничего беречь не успевая,
Мы не ждали близкого конца.*

*Все друзья распахивали двери,
Звали, пели в праздничном доме,
Целый мир не мог тогда не верить
Счастью твоему и моему.*

*...И прошло.
Но как бы ни остыло
То, чему назначено сгореть,
Все равно, уж если счастье было,
Так оно не может умереть.*

— Дорогая моя, всю жизнь не перескажешь. Было столько всего — огромная работа, командировки, бессонные ночи — нужны всегда были материалы с грифом: «Срочно в номер!» А стихи? На любимое дело почти не оставалось времени.

Пришлось участвовать и в финской кампании, и не только как корреспонденту. А потом началась большая война и снова — на фронт, ранение, и все-таки я не покинула Ленинград. Едва поправившись, снова за дело вместе с Олей Берггольц, Борей Лихаревым и Яшей Бабушкиным. Мы помогали своими слабыми силами выстоять родному городу. Откуда брались эти силы? Любовь-любовь-любовь: к маленькому сынишке, обожаемому мужу и к Родине. Я очень счастливый человек, потому что любила прекрасного мужчину: «Мне в друзья набивались разные, но пришелся один из ста. Я высокого, сероглазого отыскала себе под стать...» Моим мужем был Юрий Инге, известный поэт, публицист и потомственный моряк. Умнейший и добрейший человек. Он работал в Таллине, в газете «Красный Балтийский флот». 22 июня застало его на Балтике. В этот же день он написал поэму «Война началась!», и она была передана по ленинградскому радио. Прочту тебе только начало первой главы:

*Наши пушки вновь заговорили.
Враг напал. Мы выступили в бой.
Вымпела прославленных флотилий,
Словно чайки, вьются за кормой.*

*Каждый выстрел неизменно меток.
И победным знаменем плывет
Над броней стремительных танкеток
Гордый клич: «За Родину! Вперед!»*

Елена Андреевна ненадолго замолчала, уйдя мыслями в прошлое, потом, возвращаясь в реальность, вздохнула и продолжила свой рассказ.

28 августа того далекого сорок первого наши войска оставляли Таллин. Получила приказ о срочной эвакуации и редакция газеты. На транспортных судах «Вирония» и «Вальдемарас» они пытались прорваться через артиллерийский огонь в залив. Это оказалось невозможным. Вражеский снаряд торпедировал вначале «Виронию», где, в основном, были раненые. Тут же с «Вальдемараса» на помощь направились шлюпки, но фашисты уничтожили и его...

Мы обе всплакнули, когда Елена Андреевна прочла отрывок «Колыбельной», которую написал Юрий Инге, посвятив ее сыну Сереже: «Вся столица спит давно, Ночь пути завьюжила, И морозное окно... В серебристых кружевах... За окном такая тишь... Спи, меня не слушая, Моя гордость, мой малыш, Медвежонок плюшевый!»

— Когда Юрочка погиб, я решила, что буду стараться работать еще лучше, непременно делать больше добра, теперь уже за двоих. А это в блокадном городе давалось нелегко. Вот посмотри сама эту вещицу.

И я прочла ее небольшое стихотворение «Родине».

*Ты трижды меня награждала
За город мой — Ленинград.
Да разве нас было мало,
Твоих рядовых солдат?*

*Ты снова награду вручила
За друга, что пал в бою:
Славы посмертной сила
Всю жизнь проверяет мою.*

*Доблесть солдатского братства,
Прошедшая через бои:*

*Не отступать, не сдаваться,
Быть верной тебе за двоих.*

Вот что такое ленинградцы! Если бы Вечтомова узнала, например, тогда, что ее Ленинград превратят в Санкт-Петербург, она бы тут же скончалась на месте. Уничтожить Подвиг. Уничтожить Память... Но, думаю, этого не случится, пока будет жить хотя бы один человек — внук-правнук-праправнук и далее — тех, кто спасал свою Родину от ненавистного фашизма. Пафосно? Для дурака или бессовестного человека — может быть, а для нормального человека это — правда жизни.

После этой встречи мы виделись и разговаривали каждый день. И каждый миг общения с Еленой Андреевной обогащался новыми впечатлениями. Но прогулки и разговоры наши проходили после «трудов праведных». «Ни дня без строчки», — вспоминали Олешу и смеялись, как же эти строки трудно даются. Хотелось сесть на скамейку под березой или на пенек перед заливом и любоваться чудесными картинами живой природы, а не корпеть над стопкой бумаги.

Потом мы вдруг исчезали из поля зрения друг друга. Значит, прогулки, разговоры и воспоминания не прошли даром: что-то писалось...

К Вечтомовой не только коллеги, но и весь персонал Дома творчества относился обычно, просто, но... бережно. Чтобы лишь поздороваться и пройти мимо, не остановившись, — не было ни одного случая. Непременно останавливались, справлялись о здоровье. Иногда она, шутя, отвечала: «Да ладно вам, куда я денусь, сто лет буду жить — за себя и... за того парня...»

Вечтомова была — сама доброта, заботилась о старших коллегах, чем могла, помогала слабым или больным. И еще я заметила — никогда плохо не отзывалась ни об одном из писателей, даже если они этого заслуживали. Творческий люд ведь тоже всякий бывает. Но она предпочитала высказываться вслух, с глаза на глаз, и никогда «за...»

Особенно она восхищалась семейной парой — Виктор Голявкин и Людмила Бубнова. Виктор Владимирович — выпускник Ленинградской академии художеств — талантливейшая личность. Искусство и литература, в том числе детская, шли по его жизни рядом. Писатель, лауреат Государственной премии Российской Федерации Андрей Битов однажды признался: «...единственный живой гений в прозе 60–70 годов, соответственно кумир, был Виктор Голявкин. Как он божественно краток! Я и сейчас полагаю, что Голявкин — гений, и лишь извечная московская несправедливость к Ленинграду привела к тому, что это сегодня не всем известно...»

Елена Андреевна сокрушалась, что тяжелый недуг чуть было не довел

Виктора Владимировича до могилы, если бы не усилия врачей и, конечно, его жены Людмилы.

— Людочка ведь сама прекрасно пишет и редактирует книги, но она всю свою любовь, тепло и заботу отдает своим мужчинам — мужу и сыну. А уж за годы болезни делала все, чтобы Виктор не только выжил, но и смог работать. Ведь он был мужественным человеком.

Голявкины тоже приняли меня «в свой круг», приглашали поговорить, почитать и обсудить очередной рассказ. А мне и похвастаться было нечем — три тонкие книжицы, ну и публикации в журналах и газетах, районных и республиканских — короткие рассказы, миниатюры, я их называла «росинками». Виктор и Людмила подарили мне три книги! Целое богатство: и детские, и взрослые. А новую книгу «Калейдоскоп» Люда прислала мне уже в Кишинев.

Когда на душе становилось тоскливо, я вспоминала моих друзей или перечитывала рассказ Голявкина «Я жду вас всегда с интересом». Просто уморительный: как студент сдавал профессору экзамен. Добрый, умный юмор всегда дает надежду, что ничего еще не потеряно.

С особенной нежностью и заботой Елена Андреевна относилась к еще одному обитателю Дома творчества — к Олегу Базунову.

— Если бы ты знала, Томми, сколько пришлось пережить Олегу Викторовичу... Скромный, интеллигентный. Умница. И пишет прекрасно, хотя не гуманитарий, он — геолог и археолог. Стиль у него очень необычный, и сюжеты неожиданные. Однажды с ним случилось страшное несчастье: сорвался в пропасть... Его сумели вытащить, правда, с переломанным позвоночником и другими травмами. Несмотря на это, он все время повторяет, какой он счастливый человек. Да, это надо уметь — чувствовать себя счастливым, будучи несколько лет неподвижным, в гипсе. Он даже писать ухитрялся в таком состоянии. К сожалению, жена его оказалась полной противоположностью Людмиле Голявкиной: бросила Олега, не захотела ухаживать за инвалидом. Он все преодолел...

Елене Андреевне очень хотелось представить мне своего друга. Но я сама неожиданно с ним познакомилась. Как-то после полдника несла стакан с кефиром Павлу Михайловичу — Верочкиному мужу, она в столовой на время задержалась. Только успела дойти до дверей жилого корпуса, как услышала за спиной: «Постойте-постойте, пожалуйста!» Я остановилась, повернулась и увидела худощавого немолодого мужчину с симпатичным лицом.

— Простите, не открывайте пока дверь, чуточку отойдите, а то вам на голову или в кефир опустится вот этот парашютист. — Кончиком свернутой газеты он пытался снять огромного круглого паука янтарного цвета, раскачивающегося над моей головой.

Я ойкнула и чуть кефир не пролила. Но паук был аккуратно снят и водружен на куст сирени.

— Спасибо вам большое...

— Олег Базунов, — представился мой «спаситель». — Это маленькое чудовище, наверное, хотело искупаться в кефире и превратиться в прекрасного принца. Вот вам и сказка... Вы же детский писатель?

— Во-первых, это не чудовище, хотя я его испугалась, он просто «желтопузик». А, во-вторых, никакой я не писатель, а детский автор. До такого высокого звания мне уже не дожить... — невольно вырвалось у меня.

— Вот это никуда не годится! С вами немедленно надо провести воспитательную работу.

— Уже поздно, уважаемый Олег Викторович, меня не исправить...

— Неправда. Мне Елена прочитала несколько ваших «росинок». Вы видите — я человек серьезный, даже сердитый, и врать не умею. Ваши «росинки» — маленькие шедевры. Над «Малиновым карандашом» мы даже прослезились... Понимаю, печататься нелегко, в жизни вообще хватает трудностей, но потихонечку надо своего добиваться. Вы сможете...

Вот так состоялось еще одно знакомство еще с одним хорошим человеком и талантливым писателем. Мы стали общаться, многое обсуждали, даже порой спорили, гуляли в роще или на берегу Финского залива.

Когда подошло время расставаться, было очень тяжело. И так же трудно было объяснить — почему. Скорее всего, знали, что никогда больше не встретимся. Согрела только мысль, что с нами останутся воспоминания об этой прекрасной осени, о замечательных людях, и среди них — как ясная, искрящаяся радостью звезда — Елена Прекрасная, свет Андреевна, которая жила «за двоих».

Через какое-то время я записала в «Заветной тетради»: «В жизни мне такое выпадает редко: падает надломленная ветром ветка, плещется залив о камни вековые, хороводы сосен, словно как живые, движутся, волнуются, шумя... Как же не хватает мне тебя!» □

Светлана Скучратова

***

А древности камень и бел, и горюч.
Звеня, из-под камня бьет времени ключ,
В аорте неся мощь величья ветвей
Премудрости древа, суть слов и вещей,

От чистого сердца из доброй земли,
Где кровью и потом пути пролегли,
Где Храма изыск — есть сама простота,
Где волю вещают благие уста.

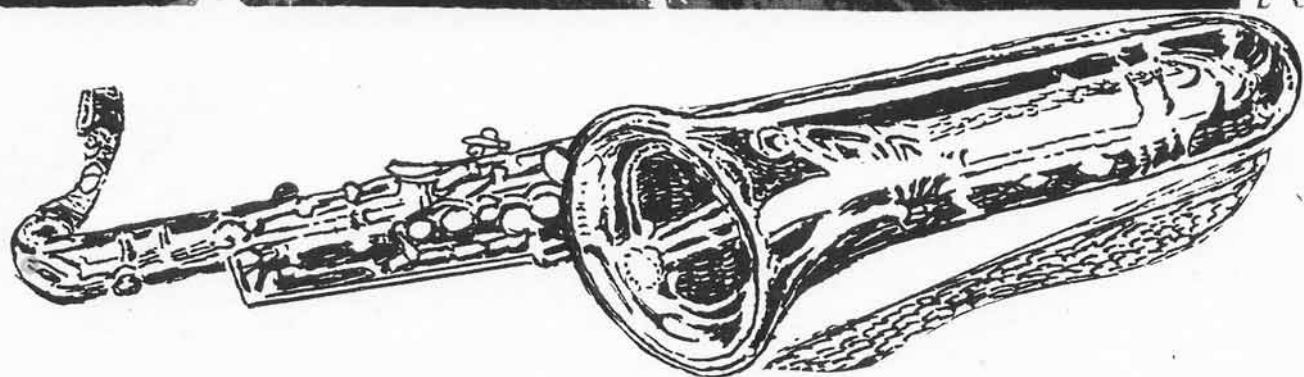
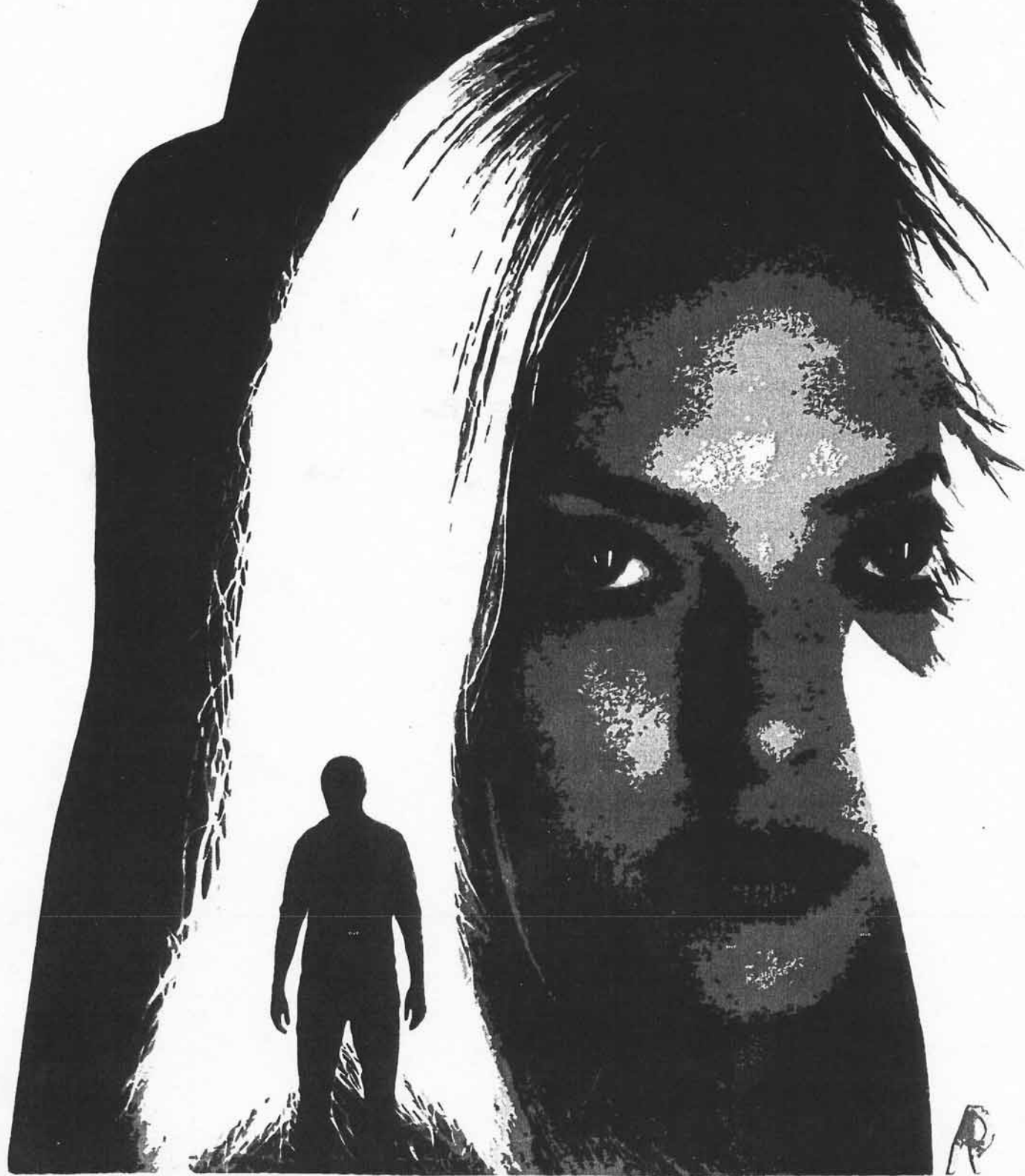
В просторах узорчатых солнечный лик
День в день пробуждает поющий тростник.
И силою мысли таинственный дух
Небесного стада врачует пастух.

Там вязи искусны — коньки, петушки
В орнаменте музыки русской души.

***

Сердце рассекает злобной речью
Та, что не за что, а вопреки...
От сарказма, от змеиной желчи
Нет противоядия строки.

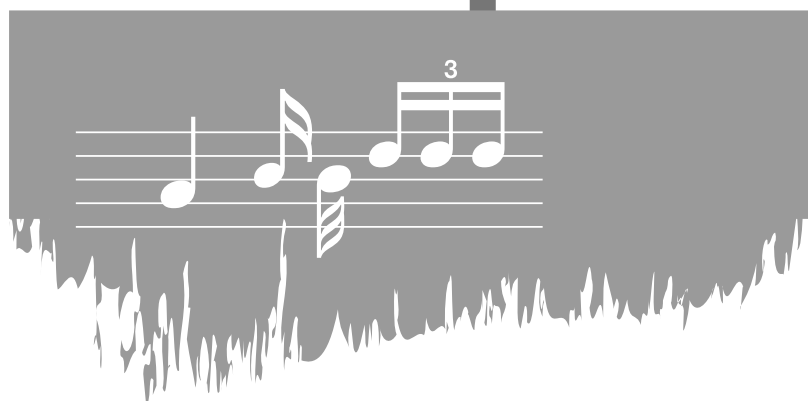

Юлия Гайнанова

УРОКИ саксофона

Я хотел завести хобби. Странно, что к этому слову нерусского происхождения прилагается такой глагол. Завести можно много вещей. Домашнее животное, почту, друга, любовницу. Все эти вещи мы приобретаем. Но разве склонность к определенному занятию не всегда была в нас? Интерес либо есть, либо нет. Он только может проявиться раньше или позже.

Дома у меня валяются несколько списков с делами, которые я хочу успеть сделать, странами, которые мечтаю посетить, книгами и фильмами, которые надо оценить. Я люблю строить планы, но не люблю их воплощать. Иногда мне кажется, что дело сделано только потому, что я его уже запланировал, узнал всю нужную информацию, и шаг за шагом в уме представил воплощение задуманного. Я очень редко вычеркиваю что-нибудь из своих списков, скорее постоянно заново пишу новые пункты. Но если удастся провести горизонтальную линию поверх букв, это доставляет мне ни с чем не сравнимое удовольствие.

Бывает, жизнь сама подсказывает, в каком направлении двигаться. Сколько я ни мусолил список с интересными занятиями, все никак не мог решиться, сделать выбор. В один из весенних вечеров, пока я курил и

УРОКИ саксофона

планировал, в дверь постучался приятель. Он сказал, что улетает на год в Израиль, где ему предложили новую шикарную работу, но есть вещи, которые ему везти не с руки, а выбрасывать жалко. Квартиру он снимал, и потому хранителем ненужных ценностей предложил стать мне. Новоиспеченному стражу сокровищ достались несколько пар немодных джинсов, кроссовок и маек, бархатный пуфик, колонки для телевизора, игровая приставка и саксофон. Так я решил, что научусь играть на этом замечательном инструменте.

Когда-то я с отличием окончил музыкальную школу по классу фортепиано, значит, постигну новый инструмент играючи. Впрочем, освоить инструмент не играючи не удавалось пока никому.

Я приступил к выбору учителя и подошел к нему основательно. Опросил друзей, навестил бывшую музыкальную школу, ходил на несколько концертов, посоветовался с Интернетом. Круг претендентов на почетное место моего преподавателя сузился. В конце концов на финишную прямую вышли двое. Недолго мучаясь с выбором, я подбросил монетку, и мне выпала «решка», то есть Андрей. Я еще раз взглянул на его «дело» (на каждого претендента я завел себе небольшой документик со списком достоинств и недостатков, а также парой-тройкой отзывов). Превосходство Андрея стояло на трех китах: приятная наружность, приятная манера игры и приятная цена занятия. Но у него, к сожалению, все же был один недостаток. Как выяснилось, он просто физически не сможет уделять мне время, слишком много учеников. Тогда я обратился к «орлу»-Сергею. При равных достоинствах, он досадным недостатком не располагал, и моя дальнейшая музыкальная судьба была решена.

Я с нетерпением ждал первого урока. Дома крутил в руках инструмент, собирал и разбираал его, и даже смог извлечь несколько звуков. Я увлекся. Я завелся. Может, поэтому к хобби прилагают слово «завести»?

Начал слушать джаз. От этой истерики несло предчувствием чего-то волнующего и тревожного. Но, в конце концов, когда мелодия затухала, внутри меня оставалась лишь пустота, и тогда я чувствовал себя каким-то жалким. Это чувство мне не нравилось, но душа все равно просила джаза, и я не мог ей отказать.

Квартира Сергея, который должен был открыть передо мной двери волшебного мира джаза и импровизации, находилась на первом этаже. Над входом в подъезд висела шахта лифта, и мне из-за высокого роста приходилось каждый раз нагибаться, чтобы позвонить в домофон.

Мы сразу поладили. Я, саксофон и Сергей. Мне импонировало его легкое отношение к жизни и промахам учеников. Заниматься поначалу нужно было лишь раз в неделю, и моя творческая жизнь зажурчала веселым, но пока что тонким ручейком.

Сергей был похож на льва и кота одновременно. Рыжий, вальяжный, дружелюбный. Он был не толстым, но как будто опухшим. Нависшие веки, слегка свисающие щеки, расплывчатая шея. В его тело будто налили воды, и она пыталась вырваться, но кожа не давала совершить побег. Поэтому вода заполнила те пространства, которые обычно отекают, и придавала в целом видимость полноты телу Сергея.

Я сразу понял, что кроме него в квартире находится женщина, что он живет не один. Но я никогда с ней не сталкивался, чему способствовала планировка его квартиры в форме перевернутой буквы «Г». При входе я попадал в маленькую прихожую, от которой перпендикулярно друг другу расходились два коридора. Пара шагов вперед, и вы упираетесь в стену, заваленную всяким хламом. Повернетесь направо и увидите комнату, где мы занимались. Если же из прихожей пройти в другую сторону, то вы пройдете мимо совмещенного санузла, а что там дальше, я не знал, да мне было и неинтересно. Может, кухня? Путь мой по коридору лежал всегда вверх, к знаниям и музыке, а что творилось в правой стороне жилища учителя, и чем занималась та женщина, оставалось для меня секретом, который до определенного момента мне не было нужды разгадывать.

Но когда нужда появилась, я стал припоминать, что слышал и видел. Видел много женской обуви в прихожей, слышал женский голос. Из этих двух фактов и сложилось мое понимание того, что в квартире кроме Сергея почти всегда находится женщина. Но все это было неважно. Данные примечания занимали в каше моих мыслей последние ряды и лишь для проформы откладывались где-то в подсознании. Я просто сделал вывод, который сделал бы на моем месте каждый, поставил галочку и забыл о ней. До тех пор, пока однажды мое дудение, под внимательным и снисходительным взглядом Сергея, не прервал стук в комнату, где мы занимались.

УРОКИ саксофона

— Тебя к телефону! — Дверь приоткрылась, и в комнату просочилась рука с телефонной трубкой. С этого момента я потерял покой.

Что это была за рука! С идеально ровной кожей без единого волоска. Не слишком полная, но и не костлявая. С тонкими длинными пальцами, с ровными розовыми овальными ногтями, с одинокой родинкой прямо под мизинцем. На ней не выделялись костяшки. Это была прелестная рука. Средний палец обнимало золотое, немного потертое колечко. Кисть такая тонкая, что, клянусь, я мог бы обхватить пальцами две такие кисти. Голубыми змейками вились вены, трогательно просвечивающие сквозь слегка смуглую кожу. А сама кожа! От нее пахло жаром и жизнью, она блестела и манила. Никогда не видел прежде такой гладкой кожи... Как будто по ней провели утюгом и стерли все изъяны. На предплечье слегка угадывалась упругая мышца. Это не была накаченная рука, но она излучала здоровье и красоту.

Учитель взял трубку, рука исчезла. Захотелось крикнуть: «Погодите, а где остальное? Покажите мне все! Мне интересно, кому принадлежит эта рука!» Но я промолчал.

Звонивший уже отключился, и мы продолжили занятие как ни в чем не бывало. Точнее, Сергей продолжил обучать меня, а я мечтал об обладательнице лучшей руки на Земле. Так же ли совершенна ее левая рука, как правая? Ласкает ли она моего учителя, стирает ли ему белье, месит ли тесто для пирогов? Нажимает на клавиши? Водит смычком, щипает струны? Держит руль, поправляет очки, трогает ребенка? Зажимает сигарету, обхватывает бутылку? Дает пощечины, смахивает пыль, поднимает указательный палец вверх?

Калейдоскоп вопросов кружился в моей голове в ритме свинга, которому меня пытались научить. Было крайне сложно сосредоточиться, и мы закончили занятие пораньше.

Всю дорогу до дома я представлял, как выглядит загадочная незнакомка. Мне доставляло невероятное удовольствие строить предположения. Она высокая или среднего роста? С формами или немного мальчишеской подтянутой фигурой? Вариантов было столько, что за целую неделю я представлял себе сотни разных девушек и ни разу не повторился в своих фантазиях. Эта идеальная рука подходила практически всем красивым женщинам, которых я когда-либо видел.

К следующему занятию тысячи образов в моей голове смешались между собой, меняясь фигурами, прическами и лицами. Волнение и надежда возбуждали. Я с нетерпением ждал, что во время занятия распахнется дверь, и мне откроется тайна обладательницы руки. Но чуда не произошло. Зато я постепенно стал узнавать что-то новое.

По сути, с тех пор каждое мое занятие дарило какое-нибудь открытие о Руке. Будто занавес каждый раз приподнимался на миллиметр, но всей сцены я не видел, как и не видел женщину, живущую с Сергеем.

Например, совершенно неожиданно мне стало понятно, что она преподает вокал. Как-то раз во время урока я расслышал, что в квартиру зашла девушка, а Рука ее встретила. Спустя какое-то время из коридора стали доноситься отрывки пения. Ее голос я узнал сразу. Немного разобрал разговор: давались советы. Не поют же они на кухне с подружкой ради удовольствия? Конечно, она преподает. Певица и саксофонист. Преподаватели. Эта мысль неприятно резанула.

В доме Сергея обитала еще одна женщина — Лариса. С ней то я познакомился сразу. Породистая и ласковая, она всегда встречала гостей и виляла хвостом, потом провожала меня в комнату. Но как только мы начинали играть, Ларису выдворяли за дверь, потому что собачка любила петь и отчаянно скулила в такт моей пока что неуклюжей игре.

Лариса очень помогла мне, именно благодаря ей я узнал, что предмет моих тайных фантазий зовут Катя. Сергей называл ее Катюшей.

Однажды Катя потеряла Ларису, и голос из-за двери спросил:

— Лариса у тебя?

— Да, Катюша, сейчас я ее выпущу.

Теперь в мыслях я мог обращаться к обладательнице самой красивой руки на свете по имени.

На неделе после этого счастливого происшествия у меня было много работы, и влюбленность в Катю не то чтобы поистерлась, но притихла. Я перестал глупо улыбаться без повода и бесить окружающих тем, что занят своими мыслями и не слышу вопросов, а отвечаю невпопад. Но все же вечерами, когда я приходил в пустую квартиру, я все равно думал о ней. Я уже ничего не приду-

УРОКИ саксофона

мывал, не воображал, как мы познакомимся, не строил предположений. Мне было приятно, что где-то есть она, и что хорошо бы было ее увидеть.

Накануне следующего урока я твердо решил, что это полнейшая несусветная глупость, влюбиться в руку. Абсолютная дикость кидаться на чью-то неосторожно просунутую между дверью и косяком руку! Только самый тупой болван способен придти в восторг от руки. Я ворчал на себя до тех пор, пока не уснул.

Мне приснилась Катя. Я пришел на занятие и стал играть умопомрачительный джаз. Я балдел от того, как классно играю. И чем больше балдел, тем лучше у меня получалось. Дверь распахнулась в момент экстаза от собственной игры, вошла Катя и взяла меня за руку. Она призналась, что никогда не слышала ничего подобного, и в этот момент комната вокруг закружилась, я проснулся. Мне не хотелось вставать. Я закрывал глаза в надежде вернуться в сон, вновь испытать то приятное чувство, когда она взяла меня за руку. Это было так неожиданно и хорошо! Когда что-то хорошее неожиданно, оно во много раз лучше.

У Кати были длинные густые мягкие волосы цвета грецкого ореха и маленький пухлый ротик. Он блестел, как ягодка вишни в росе. Это все, что мне удалось запомнить.

С утра я был в отличном настроении, а около дома Сергея меня ждал еще больший сюрприз. Когда я сгорбился, как обычно, с «саксом» в руке, унижительно ожидая, когда меня впустят, мне ответил ее приятный голос с легкой хрипотцой.

— «Проходите!» — повторял я ее слова весь следующий вечер. И сколько красоты и гармонии может быть всего лишь в одном слове. Проходите, проходите, проходите!

Теперь, когда в моем воображении, хотя и в довольно условной форме, поселилось Катино лицо,

меня так и тянуло выйти из зоны музыки и знаний, распахнуть дверь кухни или чего там, и посмотреть на нее. Я также начал заниматься в три раза усерднее, чтобы играть как можно лучше. Ведь она не может меня видеть, ей нет до меня никакого дела, как и мне недавно не было дела до нее. Я мог зацепить ее единственным образом — хорошо играть. И, может, тогда, сидя однажды на кухне, она услышит сквозь стену прекрасную музыку, и ей станет любопытно, что это за талантливый ученик. А может быть, Катя спросит у Сергея, как поживают его ученики. А он ответит, что есть один начинающий, но очень талантливый и подающий надежды. И тогда она не влюбится в меня, но будет знать, что я существую.

Каждый урок для меня был подобен выходу археолога на раскопки. Я въедался глазами в любую мелочь обстановки, которая только могла мне что-нибудь рассказать о живущей здесь женщине. Каждая вещь, каждый запах, каждый звук были не просто вещью, запахом или звуком, это были подсказки. И если я буду внимательным, то благодаря этим подсказкам смогу дорисовать необходимые детали к размытому портрету Кати до того, как увижу ее. Тем удивительнее будет наша встреча, чем точнее будет совпадение воображения и реальности. Я отнесусь к ней, как к старой знакомой. Кроме того, эти подсказки могли говорить не только о внешности, но и о характере и вкусах, а это ведь значит гораздо больше, понимаете?

Но далеко идущие выводы из каждой детали обстановки далеко не всегда меня радовали.

Теперь я знал, какой у нее размер ноги. Каждый раз, разуваясь, я придирчиво шарил глазами по обуви в прихожей. Так я мог сходу определить, дома ли она. Размер ноги 38. Средний. Не большой и не маленький. Стиль ее одежды по обуви я определить не смог. Она была какая-то... нейтральная, а некоторая еще и разношенная. Мне очень импонировали кремовые лодочки, но приводила в недоумение лаковая пара на платформе. Я надеялся, что эта безвкусица на десяти сантиметрах принадлежит не ей. Вдруг соседка забыла, оставил же мне приятель свои сокровища.

Меня также немного огорчало то, что квартира их была не в идеальном порядке. Какая-то она была без женской руки. Местами ободранные обои, грязь в углах, опять же, куча хлама перед комнатой для занятий. Но с другой стороны, это могло быть огромным плюсом. Значит, ей плевать на домашний уют, и она вскоре должна его бросить. Или, может, она вообще тут не живет, а так, наездами.

Хотя, даже если я замечал какие-то не говорящие в ее пользу мелочи, это было не так и важно, потому что вся обстановка освящалась для меня присутствием волшебной руки. Она как бы давала право на существова-

УРОКИ саксофона

ние всему, и красивому и отвратительному. Как только я вспоминал свой образ из сна, все (и всего лишь предполагаемые) недостатки моей возлюбленной превращались в ничто.

Как-то, придя на занятие, я с огорчением обнаружил, что хочу в туалет. Обычно я забочусь о таких вещах. Стараюсь сделать это перед выходом, не пью кофе и чай, иногда вообще не пью, специально. Дело в том, что я ненавижу ходить в чужие туалеты. Странная особенность, но таков уж я. И дело даже не в брезгливости. Я вовсе не брезглив, а иногда, по некоторым меркам, и чудовищно халатен. Например, не всегда мою руки перед едой или когда прихожу с улицы.

Мне все же пришлось зайти в туалет. Но, зайдя, я ощутил восторг. Ведь это была и ее ванная! Вот раковина, в которой божественная рука каждый день крутила краники с горячей и холодной водой. Вот зеркало, которое имеет счастье отражать ее прекрасное лицо...

Впрочем, я увлекся. Я стоял посередине этого небольшого совмещенного санузла, как ребенок посреди Диснейленда, и изучал его содержимое. От моего внимания не ускользнуло то, что и ванна не блистала чистотой. Но где-то там, на задворках общего восторга. Это был сущий пустячок. Зато сколько нового я узнал о Кате! Увлекающаяся натура! В ряд стояли какие-то баночки с кремами, а вот из макияжа для лица — только помада. Красная. И, правда, зачем ей краситься?

На полочке перед зеркалом лежала расческа, и, когда я взял ее в руки, она вдруг больно ранила меня. У той женщины, что жила с Сергеем, были черные жесткие волосы средней длины. Спихнуть на него я это не мог — он-то был обладателем русого ежика. Пришлось образ корректировать. Впрочем, со времени моего сна прошло уже достаточно времени, и, по мере поступления новой информации, Катя вырисовывалась все

четче, но, к сожалению, все дальше от того образа, что я видел во сне. С волосами цвета грецкого ореха мне было особенно сложно расстаться.

Новые открытия буквально прорвали меня изнутри фонтаном. Если ранее я собирал каждую кроху информации и мог неделями размышлять, что именно это значит, представьте, что же я должен был почувствовать, когда ее интимный мир неожиданно раскрылся передо мной? Самое сокровенное, тайное, почти всегда намеренно сокрытое от мужских глаз — это ванная комната женщины. Я переживал, что могу что-нибудь забыть, поэтому достал мобильник и «сфоткал» все самые важные детали. А дома составил очередной список. С предметами и гипотезами относительно того, что это может значить в контексте Кати.

Я делал выводы, не заботясь о том, что они могут быть не верны. Точнее, я был абсолютно уверен, что зубная щетка зеленого цвета — ее, например, и то, что она лежит на полке душа, означает, что она принимает его с утра, и там же для удобства чистит зубы, что, в свою очередь, означает... Я никогда не увлекался ни психологией, ни косметологией, но, тем не менее, размышлял с видом бывалого знатока. Собственная находчивость в построении гипотез доставляла мне невиданное удовольствие. А с удовольствием росла и тревога за собственное умственное здоровье. По сути, вместо того чтобы познакомиться с девушкой, я вечерами напролет расшифровываю предметы интерьера ее жилища...

К тому времени прошло более трех месяцев с момента моего знакомства с Катиной рукой, и я, наконец, созрел для того, чтобы перейти к решительным действиям. Как-то раз на уроке завел непринужденную беседу с преподавателем на весьма отвлеченные от саксофона темы. Этот трюк, в смысле непринужденная беседа, удается мне обычно с большим трудом. Но я приложил все усилия и свой шарм, которого у меня совсем мало, если не считать шармом способность краснеть и мямлить в самые неподходящие моменты. В общем, я, как мне показалось, плавно подошел к тому, чтобы задать сокровенный вопрос. И ответ мне не понравился.

Да, моя муза была уже чьей-то. Сергей жил со своей женой. Впрочем, можно было не затевать и непринужденного разговора, а обратить внимание на определенный палец определенной руки Сергея, который украшало обручальное кольцо. Но мое воспротивившееся реальности бедное сердце потребовало более веского подтверждения трагедии всей моей жизни.

Я понял, что все кончено. Я настраивал себя, я пытался забыть эту руку и не мог. Продолжал исследовать квартиру, вслушиваться в шорохи соседней комнаты, мечтать о том, что к домофону подойдет Она. К слову, мои успехи на саксофоне можно назвать феноменальными, учитывая, что думал

УРОКИ саксофона

я постоянно о другом, прислушивался не к музыке, а к квартире, смотрел не в ноты, а вокруг. Вероятно, прогресс происходил из-за того, что я очень много музицировал дома. Мало времени посвящая упражнениям, я с упоением исполнял простые, доступные мне мелодии, мечтая очаровать Катю музыкой. Блуждая в красоте нескольких нот, почти всегда фальшивых, я все же получал столько удовольствия, что постепенно мои воображаемые успехи стали почти реальными. Говорят же, мысль материальна, а в силе и настойчивости моей мысли можно не сомневаться. Моя музыка лилась от сердца, которое надеялось биться в такт с сердцем, качавшим кровь к самой прекрасной руке на свете.

Но все стало иначе после того, как худшие мои опасения подтвердились. Теперь я занимался меньше, ведь игра потеряла очарование мечтой. Все больше я ограничивался пятнадцатью минутами самых необходимых упражнений и с тоской смотрел на черный футляр в углу комнаты. Иногда я даже жалел, что спросил о ней напрямую. Я мог продолжать упиваться своими мечтами еще очень долго, а так — ни хобби, ни увлечения.

Один раз я даже почти решился сменить преподавателя. Моя рука уже набирала номер другого учителя, но никогда не нажимала на кнопку с зелененькой трубочкой. Я был жалок. Отказаться от возможности слышать сладкий голос или от надежды хотя бы увидеть ее — было выше моих сил.

Я страдал. Несчастливая любовь и недовольство собой — не самая удачная смесь для хорошего настроения. Я даже пытался представить, что на самом деле она старая, противная, с огромной волосатой родинкой на носу, родимым пятном на щеке, да к тому же хромая. Все было тщетно.

Когда я дошел до отчаянья от тотальной неспособности прекратить занятия или прекратить мечтать, произошло неизбежное.

Она открыла мне дверь. И — о, ужас! Она действительно была не совсем прекрасна. Конечно, она не была настолько отвратительна, насколько я силится себе вообразить, и все же мне показалось, будто мое сердце выскочило из груди. Даже первое крушение надежды, когда я узнал, что она не свободна, не было столь сокрушительно.

— Познакомьтесь, это Катя, моя жена.

Ей было лет сорок. Самое удивительное, что большинство моих догадок оказались верны, но все на свете можно повернуть и так, и эдак, и в ней все, что я навоображал, было повернуто не так.

У нее действительно были черные волосы средней длины и — действительно жесткие. Она не красилась не оттого, что была настолько хороша, что не нуждалась в косметике. Она просто не красилась и вообще выглядела неухожено. Вот и неряшливость, которая так раздражала меня, воплощенная в беспорядке их квартиры.

Я знал, что она добрая, потому что у них была собака, она никогда не кричала на учениц и предлагала им чай, а если шла в магазин, всегда спрашивала, что купить Сергею. Лучики морщин в уголках глаз — вот еще одно невеселое подтверждение ее доброты.

Я знал, что она умная, потому что у них было много книг, к тому же и Сергей однажды так ее охарактеризовал. Огромные очки с толстыми стеклами — еще одно косвенное тому подтверждение.

Я уставился на ее руку, но ничего не увидел — на ней были пальто и перчатки. Она собиралась уходить.

— Приятно познакомиться.

Как может столь божественный голос принадлежать столь невзрачному телу!

Я был настолько ошеломлен, что, выйдя из подъезда после занятия, сел на лавочку в их дворике и закурил. Мне не хотелось покидать это место своего счастья и падения, а хотелось заняться самобичеванием в непосредственной близости от него.

Вдруг открылась дверь подъезда, и кто, вы думаете, ее открыл? Та самая Рука! Но это была не Катя, а другая, с волосами цвета грецкого ореха. Она уходила все дальше и дальше от того самого дворика, но я не подошел к ней и не попытался познакомиться...

Я прокручивал назад свои безумные три месяца. С чего я взял, что та рука, протянувшая трубку Сергею, именно его жена? Она могла быть кем угодно. Гостьей, соседкой, ученицей. Любой девушкой, случайно или намеренно зашедшей в их квартиру.

Я устал строить предположения, поднялся и отправился домой. А там, достав свои списки, вычеркнул из них еще одну строчку.

Я больше никогда не играл на саксофоне. □

Жизнь Уинстона Черчилля, одного из величайших политиков XX столетия, была богата событиями, но самым счастливым и радостным среди них он до конца дней считал свой брак с женщиной по имени Клементина. Они прожили вместе, ни много ни мало, 57 лет.

Клементина — жена УИНСТОНА

Он называл ее «киской», она его — «мопсом» и «свинкой».

Их жизнь было бы преувеличением назвать идиллией, но они, безусловно, подходили друг другу. И эти супружеские отношения сыграли далеко не последнюю роль в формировании личности самого известного премьер-министра Великобритании.

Будущая супруга Черчилля — Клементина Хозиер — родилась в апреле 1885 года в Лондоне. Ее мать, леди Бланш, происходила из шотландского рода графов Эйрли, а отец... Вот здесь мнения биографов расходятся. Большинство считают отцом Клементины мужа леди Бланш — полковника Генри Хозиера, не отрицая, впрочем, что отношения между супругами с самого начала были прескверными, и они вскоре расстались. Существует, однако, и другое мнение о происхождении Клементины. Леди Бланш страстно желала иметь детей, однако, не в силах убедить мужа помочь ей в этом, решила искать помощь «на стороне». Впрочем, не совсем на стороне... С согласия своей сестры, она воспользовалась для этой цели услугами ее мужа, известного дипломата Бертрама Митфорда. По крайней мере, так утверждают некоторые биографы семьи Черчилль. Как бы то ни было, Клементина (мать назвала ее так в честь своей «великодушной» сестры) воспитывалась в довольно скромной обстановке. Она получила неплохое образование и одно время даже подумывала об учебе в университете. Однако благодаря своей тетке, леди Хелиер, Клементина, хорошевшая с каждым годом, начала посещать аристократические салоны Лондона. Правда, при этом продолжала давать уроки французского языка, по полкроны за занятие.

Красота и обаяние грациозной пепельной блондинки с зеленовато-

карими глазами не остались незамеченными. Но девушка не сразу нашла героя своего романа, и две свои помолвки расторгла довольно быстро.

В марте 1908 года на приеме у своей тетки леди Хелиер она встретилась с тридцатитрехлетним заместителем министра колоний Уинстоном Черчиллем. Это была не первая их встреча. За четыре года до этого они познакомились на одном из балов. Тогда Уинстон, представленный девушке, почему-то замешкался и не пригласил ее на танец. Клементину тут же «умыкнул» более ловкий кавалер. На этот раз Уинстону повезло больше. Они оказались за столом рядом. Остроумный блестящий собеседник, Черчилль произвел на Клементину большое впечатление. Они оживленно беседовали весь вечер...

Роман развивался довольно быстро. В августе Уинстон сделал Клементине предложение, и она согласилась стать его женой. Молодой министр радовался, как мальчишка. Свадьба состоялась 12 сентября 1908 года в церкви святой Маргариты в Вестминстере. Король Эдуард прислал свое поздравление и, в качестве подарка, драгоценную трость с набалдашником из золота. «Таймс» по достоинству оценил изысканный наряд невесты. На ней было свадебное платье из переливающегося атласа, роскошная кружевная фата, старинные бриллиантовые сережки (подарок Уинстона). Наряд довершал букет из белых тубероз. К Уинстону, правда, пресса

Медовый месяц молодые провели в Венеции. Счастливый Уинстон писал теще: «Я нахожу занятия любовью делом серьезным и восхитительно приятным».

Что ж, через месяц после свадьбы Клементина была уже беременна. Молодая женщина с жаром принялась за обустройство собственного «гнездышка». Уинстон был в восторге от энергии жены. В то же время его несколько смущал режим экономии, который его «киска» решительно вводила в доме. В отличие от Клементины, воспитанной в скромной обстановке родительского дома, он не привык экономить на своих потребностях. Ему, однако, пришлось

Красота и обаяние грациозной пепельной блондинки с зеленовато-карими глазами не остались незамеченными. Но девушка не сразу нашла героя своего романа, и две помолвки расторгла очень быстро

отнеслась не столь благожелательно. Журнал мужской моды не без ехидства писал, что явно неудачно сшитый костюм жениха сделал его похожим на «приодевшегося кучера». Впрочем, Уинстону было не до мелких уколов прессы. Он мог утешать себя тем, что становился фигурой общенационального масштаба — недаром в день свадьбы его восковая фигура в полный рост появилась в музее мадам Тюссо.

сократить расходы на сигары и модных портных, он стал меньше играть в азартные игры. Но в одном пункте Клементина неожиданно встретила ожесточенное сопротивление. Под большим секретом она рассказала близкой подруге о том, что Уинстон заказывает себе белье из удивительно мягкого шелка, который покупает по сумасшедшей цене с армейских складов. На просьбу жены довольствоваться более

Слева:
*Клементина
Хозиер
(Черчилль)
в юности*

*Уинстон
Черчилль
в юности*

дешевым материалом, он ответил, что рад бы, но его кожа отличается необычайной чувствительностью, и в другом белье он будет чувствовать себя некомфортно.

Разумеется, не было и речи о том, чтобы как-то ограничить расходы на питание. Уинстон не мыслил жизни без деликатесов. Шампанское и бренди, которые ставились на стол, также должны были быть самых лучших марок.

Клементине постоянно приходилось думать о деньгах. Ведь у Черчилля, в отличие от большинства других политиков-аристократов, не было крупного личного состояния и недвижимости, и содержать семью он должен был исключительно на свое жалование и литературные гонорары.

Молодым пришлось некоторое время, что называется, «притираться» друг к другу. Уинстон привык поздно ложиться и вставать, а Клементина

всегда была «жаворонком». Все ее попытки «перевоспитать» Уинстона успехом не увенчались, так что завтракали они порознь.

Спустя, примерно, год после свадьбы супруги решили иметь отдельные спальни. Так как Уинстон нередко задерживался на службе и поздно возвращался домой, Клементина завела обычай оставлять ему записочки, из которых он узнавал,

может ли провести эту ночь в спальне супруги.

Надо сказать, что нередкие отлучки Уинстона по служебным делам порой заставляли Клементину ревновать по-настоящему. Когда она высказала ему свои подозрения, Уинстон искренне огорчился. Для него Клементина была и всегда оставалась единственной и неповторимой. Мысли о любовной связи на

стороне просто никогда не приходили ему в голову, хотя порой он и мог немного пофлиртовать с молодой привлекательной женщиной. (Кстати сказать, абсолютная верность Уинстона жене ни разу не ставилась под сомнение ни одним биографом или мемуаристом.)

Что касается Клементины, то она тоже обожала своего «мопсика» и, разумеется, об измене не помышляла. Подобная «узость взглядов» даже подвергалась критике со стороны некоторых светских дам. Одна из них в приватном разговоре недвусмысленно заявила Клементине, что, если та желает способствовать карьере мужа, то должна завести себе богатого влиятельно-

Забот у Клементины хватало, однако интересы ее не замыкались семьей. В годы Первой мировой войны она руководила сетью столовых на ряде лондонских военных заводов и была даже удостоена за это государственной награды. Тем временем политическая карьера Уинстона шла по-восходящей. Иногда, помимо естественного увеличения забот, это приносило и вполне осязаемую компенсацию. Став первым лордом Адмиралтейства, Черчилль получил право пользоваться роскошной яхтой, по размерам и богатству отделки уступавшей лишь королевской. Клементину же особенно радовало то, что запас провизии и вин на яхте отличался обилием и изысканно-

---

Через месяц после свадьбы Клементина была уже беременна. Она с жаром принялась за обустройство своего семейного «гнездышка», и Уинстон был в восторге от энергии жены

го любовника. Когда же Клементина отказалась, собеседница вполне искренне упрекнула ее в «крайней эгоистичности».

Между тем семья Черчиллей постепенно росла. В июле 1909 года Клементина родила первую дочь, которую назвали Дианой. Уинстон обожал малышку и собственноручно купал ее. Затем на свет появился сын и еще три дочери.

стью, и она могла подобающим образом принимать на ее борту друзей и знакомых Уинстона, не тратя ни пенни личных средств.

Забавный случай произошел с ней на яхте во время путешествия по Средиземному морю. Как-то она зашла в камбуз, чтобы переговорить с кокком относительно меню на следующий вечер, и в огромном цинковом корыте увидела большую и кра-

сивую морскую черепаху «с такими красивыми выразительными глазами», что у нее «перехватило дыхание». Кок поинтересовался, не желает ли супруга министра заказать блюда из черепахи на предстоящий банкет. Потрясенная Клементина, не теряя времени, побежала к капитану и упросила его дать ей шлюпку и команду гребцов. Черепаху аккуратно погрузили в шлюпку, в которую спустилась и сама Клементина, и в нескольких десятках ярдов от яхты отпустили на свободу. Остается лишь прибавить, что Уинстон, сам большой любитель черепахового супа, полностью одобрил действия супруги.

Впрочем, жизнь с Уинстоном приносила Клементине и немало тревог. С опасностями, которым Уинстон подвергался на фронте во время Первой мировой войны, ей, скрепя сердце, приходилось мириться. Однако, когда муж, которому было уже почти сорок, вдруг возымел желание брать уроки летного мастерства, поднимаясь в воздух на неуклюжих и ненадежных аэропланах того времени, она перепугалась не на шутку. Тем не менее, все ее мольбы ни к чему не привели. Уинстон порой проявлял необычайное упрямство. Лишь после нескольких серьезных аварий, которые чудом не закончились трагически, он отказался от мечты «покорить воздух».

Опасным, если не для жизни, то уж, во всяком случае, для семейного бюджета, считала Клементина и увлечение мужа азартными играми.

Она готова была примириться с тем, что Уинстон не мог обходиться без французского коньяка двадцатилетней выдержки, шампанского Pol Roger и дорогих кубинских сигар, но игра... Впрочем, со временем Клементина стала относиться к увлечению мужа с большей терпимостью. Не могла же она, к примеру, делать замечание Уинстону, когда он, став первым лордом Адмиралтейства, на яхте, полагавшейся ему по рангу, часами играл в бридж с премьер-министром лордом Асквитом во время их совместного круиза по Средиземному морю?

Черчилль понимал озабоченность жены и решил признаваться ей в посещениях казино, только если ему удавалось выиграть. В 1922 году ему почему-то особенно везло, и он то и дело сообщал жене о своих успехах, гордясь ими едва ли не больше, чем политическими. Окончательно уверовав в свою счастливую звезду, он уговорил жену вместе с ним посетить Монте-Карло. Она согласилась — и не пожалела об этом. Как-то вечером Клементина, рано вернувшись в отель, легла спать, а, проснувшись утром, увидела, что вся ее постель засыпана ворохом банкнот. Той ночью Черчилль «сорвал» банк.

Разумеется, в годы Второй мировой войны премьеру Великобритании было не до посещений казино. Однако осенью 1945 года он проехал по Средиземному морю, а затем посетил Французскую Ривьеру и, ра-

зумеется, не смог удержаться, чтобы не заехать в Монте-Карло... Уинстон отобедал в ресторане, расположенном в пятидесяти шагах от казино, однако от посещения «храма азарта» удержался — перед отъездом из Лондона адъютант Черчилля получил от Клементины строжайший наказ ни при каких обстоятельствах не давать премьеру играть в казино. «Тогда ты пойдешь сам,

и будешь играть за меня», — решительно приказал Черчилль лейтенанту. Тот отнесся к поручению шефа с величайшей ответственностью. Вернувшись через какое-то время в отель, он с гордостью доложил, что выиграл 250 фунтов. «Всего-то, — презрительно фыркнул Уинстон. — Вот завтра я пойду в казино сам и покажу тебе, как это делается».

Спорить было бессмысленно. Вечером Черчилль действительно выиграл три тысячи фунтов, но затем потерял весь выигрыш, а на следующий день проиграл еще семь тысяч. Он выписал чек на эту сумму и приказал адъютанту передать его управляющему казино. Но его ожидал приятный сюрприз. Управляющий отвесил офицеру изысканный по-

клон и заявил, что для его казино было большой честью принимать великого политика, и чек этот никогда не будет подан к взысканию. Обрадованный Черчилль потребовал бутылку шампанского, дабы отпраздновать удачный исход дела. Клементине он, естественно, ничего об этом инциденте не рассказал.

В 1921 году Уинстон получил неожиданное наследство. Это позволило Клементине более уверенно смотреть в будущее. Как-никак, 60 тысяч фунтов стерлингов! В современном исчислении это составляет больше миллиона фунтов.

В том же году семья Черчиллей понесла тяжелую утрату. Умерла малышка Мэриголд, любимица всей семьи. Много лет спустя Черчилль рассказывал одной из дочерей, что над бездыханным телом Мэриголд Клементина кричала, как смертельно раненое животное. До конца своих дней она не могла говорить об этой потере ...

Клементина была весьма строгой матерью. Дети должны были всецело

пез. У Клементины была не очень приятная привычка за столом завести разговоры о болезнях и их различных симптомах и проявлениях. Уинстон безропотно терпел эту причуду супруги, но юный Рэндольф частенько бунтовал. Порой он не очень почтительно требовал, чтобы мать замолчала, угрожая, что, в противном случае, его стошнит. Однако Уинстон, который обожал сына и безбожно баловал его, в этом случае неизменно становился на сторону Клементины и заставлял Рэндольфа выйти из-за стола.

Клементина обладала тонкой духовной организацией и была предрасположена к тревоблениям всякого рода. Нередко она теряла сон

Нередкие отлучки Уинстона по служебным делам порой заставляли Клементину ревновать по-настоящему. Когда она высказала ему свои подозрения, он искренне огорчился — для него Клементина была и всегда оставалась единственной и неповторимой

подчиняться ее воле. Уже взрослыми, они вспоминали, как мать заставляла их играть в теннис, который они терпеть не могли, или принимать участие в домашних спектаклях, что им так же не нравилось. Больше всего доставалось Рэндольфу, который был самым упрямым и своевольным среди детей. Особенно страдал он во время общих тра-

и аппетит, «прокручивая» в голове события, которые могли угрожать членам ее семьи. Уинстон, как мог, старался успокоить жену, но удавалось ему это далеко не всегда. Порой он даже навлек на себя гнев супруги, упрекавшей его в бесчувственности.

В то же время, при всей своей гипертрофированной чувствительно-

сти, Клементина отличалась незаурядным мужеством и стойкостью в различных жизненных испытаниях. Уинстону особенно запомнился случай, который произошел вскоре после начала Первой мировой войны. Клементина находилась тогда в небольшом городке Оверстрэнде. В середине августа 1914 года по го-

если ей будет грозить смерть, не предлагать за ее освобождение даже самое захудалое судно. Черчилль отлично понимал, что все эти слухи — чистый вздор, тем не менее, мужество жены умиляло его до слез.

Шли годы. Клементина и Уинстон давно уже были самой известной парой в стране. Они по-прежнему

В годы Второй мировой войны Клементина возглавила сбор средств в пользу Красного Креста СССР. Она вообще с большой теплотой относилась к России, восхищалась героизмом ее народа. А в самом конце войны даже сумела посетить Советский Союз с шестинедельным визитом, и ее в кремлевском кабинете принимал Сталин

родку распространились слухи о том, что в местности действуют немецкие шпионы. Жители прибрежной полосы якобы видели незнакомых мужчин, которые имели при себе почтовых голубей, явно предназначенных для передачи на материк секретных сведений. Мать Клементины, леди Бланш, тут же решила, что шпионы сообщают о местонахождении в Оверстрэнде супруги первого лорда Адмиралтейства. За Клементиной непременно будет послан немецкий аэроплан, ее похитят и потребуют за освобождение несколько лучших британских военных кораблей. Клементина немедленно отправилась Уинстону послание, в котором умоляла мужа даже в случае,

не мыслили жизни друг без друга, хотя годы и напряжение жизни иногда сказывались. Оба чрезвычайно властные и упрямые, супруги порой ссорились весьма бурно. «Я не могу перекричать Уинстона, поэтому пишу ему записки», — признавалась Клементина.

Сохранять прежние отношения помогали... частые разлуки. Супруги крайне редко отдыхали вместе. Черчилль обожал юг Франции, Ривьеру, Италию, Монте-Карло. Любил охоту, игру в поло, занятия живописью. Клементина предпочитала отдых на английских курортах. Без усталости бегала по музеям, выставкам, театрам, чего Уинстон терпеть не мог. Она была хорошей спорт-

сменкой и до преклонных лет играла в теннис. В молодости даже принимала участие в турнирах. Ее высшим достижением была победа в парном смешанном разряде в каннском турнире в начале 20-х. Занималась она также крокетом, гольфом и даже лыжным спортом, неплохо плавала. В тридцатые годы Клементина предприняла несколько путешествий на яхте, принадлежавшей богатым друзьям семьи. Во время одного из этих круизов она, как утверждают некоторые биографы, увлеклась одним из своих спутников по путешествию. Во что вылилась ее «романтическая увлеченность», никто так и не узнал, известно лишь, что Уинстон запретил жене участие в следующем круизе.

Клементину нельзя было назвать помешанной на нарядах, однако одевалась она всегда со вкусом, даже изысканно. Иногда «баловала» себя, заказывая туалеты у известных кутюрье, но в основном одежду ей шили в обычных ателье.

Не будучи законодательницей мод, она, тем не менее, ввела в обиход носить тюрбаны из цветных платков. И никогда не злоупотребляла услугами салонов красоты, как правило, делала там лишь перманентную завивку. Дома волосы она мыла, к ужасу всех домашних... чистым бензином.

В годы Второй мировой войны Клементина возглавляла сбор средств в пользу Красного Креста

СССР. Она вообще, в отличие от мужа, с большой теплотой относилась к России, восхищалась героизмом ее народа. В самом конце войны она посетила Советский Союз с шести недельным визитом. Он начался с Москвы, где она посетила несколько заводов, детский дом. Дважды побывала на балете в Большом театре,

встретилась с Молотовым и его супругой.

8 апреля в своем кремлевском кабинете ее принял Сталин. Он высоко оценил работу Фонда помощи, которой возглавляла жена британского премьера. От имени мужа Клементина вручила советскому лидеру золотую авторучку — сувенир в память об

их встречах во время войны. «Мой муж надеется на то, что, пользуясь этой ручкой, Вы напишите ему не одно дружеское послание», — сказала она.

Сталин любезно улыбнулся: «Вообще-то для работы я всегда пользуюсь карандашом, — а потом добавил: — «Я вручу Вам ответный подарок для господина Черчилля».

Вечером того же дня с сопровождавшими ее лицами на специальном поезде Клементина отправилась в поездку по стране. Первым по плану был Ленинград. В телеграмме, отправленной мужу, она писала: «Я считаю Ленинград самым красивым городом из всех, где я побывала».

Следующим пунктом ее поездки стал Сталинград. Затем Клементина посетила три кавказских курорта — Кисловодск, Ессентуки и Пятигорск. Далее делегация побывала в Ростове-на-Дону, а потом отправилась в Крым. Из Севастополя британцы направились в Ялту. Клементина остановилась в Воронцовском дворце и ночевала в апартаментах, где жил Черчилль во время Ялтинской конференции. Она посетила также Артек, Чеховский домик, Ботанический сад и знаменитые крымские винные погреба.

5 мая делегация вернулась в Москву. В Кремле Клементине вручили орден Трудового Красного Знамени. В Большом театре на представлении балета зрители устроили ей овацию. На ужине в ее честь супруга Молотова, «в знак вечной дружбы», подарила ей изумительной красоты кольцо с бриллиантом.

Черчилль с нетерпением ожидал возвращения жены, которая явно загостилась в России. Он послал за Клементиной свой личный самолет «Скаймастер». Уинстону всегда стоило невероятных усилий подняться рано утром. На этот раз он сделал все, что мог, но все-таки опоздал. Пилоту «Скаймастера» пришлось несколько минут кружить над аэропортом, пока он не получил сообщение о том, что автомобиль премьер-министра въехал в ворота аэропорта ...

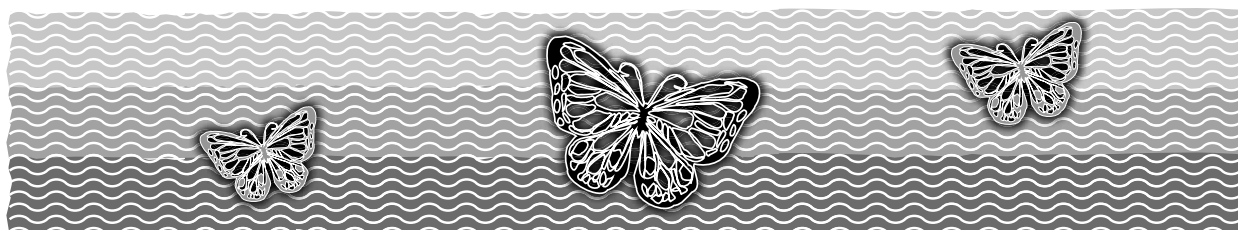
Последние годы жизни Уинстон много болел. Клементина с трогательной нежностью ухаживала за ним и в последние минуты его жизни держала руку мужа в своих ладонях. После смерти Черчилля Клементина неторопливо доживала свой век в Лондоне. Королева пожаловала ей пожизненное пэрство, и теперь ее называли леди Спенсер-Черчилль. Она несколько раз посещала заседания Палаты лордов, но почти не голосовала, так как глухота не позволяла ей следить за дебатами. В ноябре 1974 года вся Англия отмечала столетие со дня рождения Черчилля. Положив цветы на могилу мужа, Клементина присела на скамейку и тихо произнесла, обращаясь к Уинстону: «Надеюсь, мне уже недолго осталось ждать встречи ...»

Встречи оставалось ждать три года.

Скончалась она 12 декабря 1977 года в возрасте девяносто одного года и восьми месяцев. □

БАБОЧКИ

На воде

Он смотрел ей прямо в глаза и улыбался.

Неужели живой?

— Юра, это ты? — неуверенно пробормотала Изабель и жалобно попросила: — Юрочка, скажи что-нибудь.

Нет. Он — недвижим и страшен. А ее руки-ноги — скованы, непослушны.

Не то, что с постели вскочить — даже отодвинуться не получалось. Оставалось только оправдываться:

— Юра, пожалуйста... Я не хотела тебе ничего плохого. Это вышло случайно, клянусь!

Как же он красив! Даже сейчас, когда мертв.

— Юра, ты пришел за мной?

Ни слова в ответ. Только его музыкальные руки совершенной красоты приходят в движение и тянутся к ее горлу. Медленно, неумолимо. А сам он выглядит абсолютно равнодушным.

— Юра, не надо!

Но холодные ладони смыкаются на ее шее.

— Помогите! — отчаянно кричит Изабель.

И просыпается. Одна. На широкой постели. Простыни сбиты, кружевная ночнушка взмокла от пота. Три часа ночи. Самое время для тех, кто должен платить по счетам.

Можно даже не пытаться снова уснуть. Придется ждать — пока небо не окрасится жизнерадостной полоской рассвета, не зачирикают первые воробьи.

Изабель включила настольную лампу. Все равно темно, страшно! Схватила пульт «умного дома» и врубила свет во всей квартире. Сходить в гостиную, к бару? Налить себе двадцать капель, чтобы снять стресс? Она, правда, дала зарок, что никогда больше не будет пить, но сейчас уже все равно. Изабель поднялась с постели, но вдруг вспомнила: именно там, в гостиной, лежал Юра. Именно там — на ее любимом кожаном диване — остывало его тело.

Нет уж! Лучше она подождет рассвета здесь.

Девушка открыла тумбочку, достала планшетник, включила. Ей нравилось наблюдать, как грузится гаджет, как оживают «обои» — аквариум с жизнерадостными рыбками.

Но сегодня с компьютером что-то не так. Заурчал, вроде бы включился — но экран, как был темным, так и остался.

— Давай, просыпайся, японская морда! — поторопила технику Изабель.

И монитор послушно вспыхнул. Только вместо умиротворяющих рыб — девушка увидела совсем другую живую картинку. Кладбище. Торчат кресты, могильные памятники. В сером небе каркают, вьются вороны. Пляшут синие огни. Двигается похоронная процессия, глухо бухает траурный марш.

— Нет... — прошептала она и отчаянно вдавила кнопку выключения.

Монитор потух. Но теперь ей показалось, мрачная музыка играет где-то в недрах квартиры.

— Нет, нет! — завопила Изабель.

В огромном зеркале, наискосок от кровати, мелькнула тень. Юра здесь?!

Она бросилась в постель, накрылась с головой одеялом, зажала уши.

Терпеть больше невозможно! Лучше смерть, чем здесь жить!!!

Пусть говорят, что нельзя убежать от мертвеца.

Однако она — все равно попробует.

Глава первая

Надя с Димой, по московским меркам, считались богачами. У каждого в собственности имелось по квартире. Но жили они на территории Митрофановой, вот Надя и придумала: жилплощадь журналиста сдавать. Чего квартире стоять пустой? А деньги можно, например, на отпуск откладывать.

Однако Полуянов — едва Надя нашла жильцов — немедленно помчался в автосалон, и уже вечером катал ее на новенькой «мазде».

— Какая ты умница, Надюшка! — восхищался он. — Мечту мою исполнила! И семье — материального урона никакого.

Их бюджету покупка иномарки ущерб, и правда, не нанесла. От жильцов деньги получили — кредит погасили. Но только Димка теперь на классном автомобиле пижонит, а Наде достались все хлопоты с арендой. Выбирает жильцов (за год трое сменилось), оформляет им регистрацию, следит, чтоб квартиру не «убили». Да еще Димка упросил налоговую декларацию вместо него заполнить: «А то я в этих бумажках обязательно что-нибудь напутаю!» И Митрофанова безропотно взяла на себя новую заботу — управлять Димкиной недвижимостью.

Сегодня Дмитрию Полуянову предстоял одинокий вечер на диване. Когда-то — лет в восемнадцать! — праздность перед телевизором он презирал. Но сейчас — старость, что ли, подкралась? — предвкушал почти с удовольствием. Как разогреет сготовленные Надюшкой отбивные с овощами гриль, прихватит из холодильника ледяное пиво — и развалится перед «зомбо-ящиком». Митрофанова что-то еще там пищала про салат, который надо заправить, и жульенчик, но Дима решил ограничиться одним, основным блюдом, а излишествами пусть его Надюха кормит. Сама. Попозже. Когда вернется.

Он торопливо отомкнул дверь — и отшатнулся. Полы почему-то влажные, воздух тяжелый, будто в парилке. Но самое поразительное: Надюкин дряхлый пес Родион (избалованная, очень толстая такса) встретил его отчаянным скулежом — и откуда! Пес сидел на довольно высокой тумбочке для обуви, хотя обычно и по ступенькам лапы еле-еле передвигает. Как он туда забрался?

— Что здесь произошло, Родион? — строго спросил Дима.

— Ву-уу! — жалобно отозвалась псина и мотнула башкой в сторону кухни.

Полуянов, не разуваясь, двинулся туда. По пути заглянул в ванную комнату. А там — елочки зеленые! — по щиколотку воды, и от нее поднимается пар. В озерце — яблочный огрызок, его любимый Пушкин 1911-го года издания и трубка городского телефона. Первым делом Полуянов бросился к книжному раритету — но Александра Сергеевича с прихотливыми «ятами» было уже не спасти.

Дима метнулся в кухню — та тоже оказалась затоплена. Проверил обе комнаты — здесь полы были только чуть мокрые, но паркет все равно успел вздуться, а обои — отклеиться. Несомненно, прорвало трубу с горячей водой. А где? Ага, вот. В туалете. В месте стыка огромная дырища. Ничего себе, отсюда хлестало!

Полуянова охватило раскаяние. Надька давно уже намекала, что хорошо бы сменить отжившие свой век трубы. Но у Димы так и не нашлось времени на скучную хозяйственную повинность. Тогда Митрофанова сама купила на рынке все необходимые комплектующие и наняла каких-то сомнительных узбеков. Дима, посмотрев, как сделали, сразу отметил: халтурно, на «живую нитку». Но понадеялся: авось, пронесет.

Не повезло.

— У-уу!.. — жалобно проскулил из прихожей Родион.

Не успел Полуянов подхватить собаку, как в двери щелкнул замок, и она открылась — это вернулась домой Надя. Увидев вспучившийся паркет и отставшие обои, она ахнула:

— Что ты здесь натворил?!

— А, ерунда, — беспечно ответил Полуянов. — Был небольшой потоп. Но я все уже убрал. — И гордо продемонстрировал половое ведро, а также ее любимую кастрюлю для пельменей, в которых плескалась мутная вода.

Митрофанова обвела свои владения растерянным взглядом. Прищурилась на некогда ослепительно белый пуфик — теперь он был весь в потеках, а когда перевела взгляд на Полуянова, глаза ее метали молнии:

— Ты уходил после меня. Забыл закрыть кран?!

— Ну, ничего себе! — обиделся Дима. — Я тут мечусь как белка, устраняю последствия, а ты сразу с наездами! Все я закрыл! Это твою трубу прорвало. — И, не удержавшись, укорил: — Ту самую трубу, что тебе гастарбайтеры поставили. Говорил же, не связывайся с ними! Я бы сам все сделал!

— Когда? — Надин голос сорвался. — Когда бы ты сделал? К чемпионату мира по футболу? Восемнадцатого года?

— Да ладно, — попытался отшутиться Дима, — к следующему чемпионату Европы все бы было готово!

— Теперь же весь паркет надо перестилать! И обои переклеивать! — прошипела Надя, бросилась в кухню, и жалобно выкрикнула оттуда: — И гарнитур новый покупать!

— Ну и ладно, все равно давно пора было ремонт делать, — беспечно отозвался Полуянов. — Теперь хотя бы повод появился.

— Да? А кто будет заниматься всем этим? И где деньги брать?! — продолжала бушевать Митрофанова, а потом вдруг опустила на корточки и отчаянно разрыдалась.

Ох, уж эти женщины!

Подумаешь, квартиру залило! Событие — в сравнении с ежедневной лентой новостей — скучнейшее, заурядное. А она рыдает, будто умер у нее кто-то.

Как же она любила Полуянова! Когда-то. Но сейчас — не просто выгнать была его готова, но даже убить. Собственными руками. Обломком той самой трубы, которую она умоляла починить, как минимум, в течение года. Его беспомощность в быту просто бесила Надю. Димкина ведь вина — ничья больше! — что трубу прорвало. Да и сейчас — что он в квартире натворил?!

— Ты паркет когда-нибудь настилал? — буркнула она, немного успокоившись

— Я?! — изумился Полуянов.

— Ясно. А обои клеил?

— Клеем мазал. Давно, еще в школе. Мама припахала. Но они отваливались все время, и она сказала, что сама доделает.

— Ничего, — отрезала Митрофанова, — научишься.

— Ох, любишь ты, Надюха, из мухи слона раздувать! Подумаешь, беда! Зачем самому-то клеить? Найдем специально обученных людей, они все сделают.

— Трубы нам уже сделали!

— Ну, это ведь ты сама выбирала водопроводчиков, — усмехнулся Димка и деловито добавил: — Лучше ужин разогрей. И не терзай больше мой слух хозяйственными проблемами.

Надя переделалась в халат и, печально сгорбившись, пошла на кухню. Когда перемешивала мясо с овощами, в сковородку упала слезинка.

В комнате забормотал телевизор — Димка, барин, будет милостиво ждать у голубого экрана, когда ему подадут еду.

Она снова всхлипнула. И вдруг услышала:

— Надюха! Все, стоп! Лови мысль, пока не ушла. Предлагаю: ремонт — к черту! На обеих квартирах. Продаем их. За сколько возьмут.

— С ума сошел?!

— А себе покупаем хорошую «трешку». Или даже четырехкомнатную. Чтоб нормальная гостиная, спальня, мне кабинет. Ну и детская, — скрипевшись, добавил Полуянов. — Ты ведь давно о детях мечтаешь.

— Дима! — Надя вбежала в комнату, бросилась ему на шею и крепко поцеловала.

— Я обязательно ее убью.

— Убивай. Сначала брата потерял — теперь сам пожизненное получишь, — равнодушно проговорил хозяин.

— Но я жить не могу, когда думаю, что он — в могиле, а этой дряни — хоть бы что.

— Говорю тебе, она не дрянь. Она просто не знала.

— Вы совсем бессердечный? Не понимаете, как мне тяжело?

- Понимаю. Но в тебе сейчас говорит горе, а оно — плохой советчик.
- Я все равно никогда ее не прощу.
- А я и не говорю тебе, что надо ее прощать. Но идти напролом — глупо. Выжди, все обдумай...
- Здесь не над чем думать. Я уничтожу ее!
- Да уничтожай, ради бога, она нам больше не нужна. Только зачем самому-то мараться?
- А кто за меня это сделает?
- О-о, ты даже не представляешь, сколько в мире любителей! Сколько чудовищ с удовольствием согласятся поохотиться на красавицу.
- Вы просто успокаиваете меня.
- Я просто призываю тебя не торопиться. Поезжай в отпуск, расслабься, отпусти голову. Медитируй. Ты знаешь, что это такое? Нет? Ладно, просто грей пузо на солнце. И я почти уверен: через пару месяцев твоя проблема решится сама собой.
- А если нет?
- Тогда я сам благословлю тебя. И дам пистолет. Договорились?

Двадцать лет назад

Есть люди обычные, кто живет по правилам, а есть те, кто на общие порядки плевать хотел. Именно таким дядя Николай и был. И такой же считала себя Изабель. Потому они, наверное, и встретились.

Русских в Гаване тогда почти не водилось. Если залетали редкие птицы-туристы — водили их толпами, под охраной, по специальным маршрутам и в особые рестораны.

Дядя Николай на Кубу приехал работать. Инженером. На два года. И ему тоже, в принципе, полагалось держаться от местных особняком, ходить на приемы в посольство, ездить — чудо чудное! — на новенькой машине. Но только инженер из России обожал Хемингуэя, море и испанский язык, поэтому жил, как хотел: с удовольствием купался на пляжах для кубинцев, курил с ними сигары, пил ром, и, конечно, знал главную любимицу всего квартала — шестилетнюю Изабель.

...Сирот на Кубе, стране победившего социализма, официально не существовало. В том смысле, что все они должны были находиться под призором государства, в детских домах. Большинство там и сидело — послушными овцами. Только не Изабель. Строптивая кубинка проявляла виртуозную изобретательность и из своего казенного заведения сбегала регулярно, с восторгом возвращаясь в родной квартал. Целыми днями болталась на улице, купалась в океане, танцевала, пела, и, хотя поесть ей

удавалось от силы пару раз в день, не унывала никогда.

«Чего тебе в детдоме не хватает? — удивлялись все вокруг. — Кормят, одевают, учат!»

А вот загадочный русский, дядя Николай, маленькую бунтарку не осуждал. Внимательно выслушивал ее жалобы, подкармливал, один раз помог спрятаться от рейда службы опеки. А однажды неожиданно предложил девочке: «Хочешь поехать в Россию?»

— Это как? — растерялась она.

— Мы с женой можем тебя удочерить. Если ты хочешь, конечно.

Маленькая Изабель ничего не знала про Россию. И никогда не видела жену дяди Николая. Но все равно — с восторгом согласилась. Одно дело: детдом, и совсем другое, когда у тебя настоящие папа с мамой!

Формальности уладили на удивление быстро. В ноябре девочка познакомилась с новой мамой — очень красивой, очень холеной и суховатой женщиной. А уже в декабре покинула свою родную страну — навсегда.

За день до вылета дядя Николай — то есть теперь папа — велел ей примерить толстую куртку и отороченные мехом сапожки.

Изабель чрезвычайно не понравилась тяжелой одежда, но она покорно и терпеливо ждала, пока ей застегнут все пуговицы и подвернут брюки. Только и спросила:

— Мы собираемся на карнавал?

— Нет, милая, — рассмеялся папа. — Мы с тобой собираемся в новую жизнь.

Что ж. Пока все происходящее девочке нравилось. Вкусно кормят, не бьют. А про Россию, где она теперь будет жить, в их квартале говорили с уважением. Страна больших возможностей. Разбогатеть там теперь можно даже круче, чем в Америке.

Но девочка и подумать не могла, что на ее новой родине окажется настолько холодно. Нет, снег был даже красивее, чем в телевизоре. Но до чего же ледяной! Никакие куртки не помогали и никакие перчатки. Как только местные дети могут хватать его голыми руками? Ноги тоже постоянно промораживались — до такой степени, что пальцем не шевельнешь.

А больше всего девочка мерзла, когда была на льду.

В красивый зимний спорт под названием «фигурное катание» Изабель влюбилась с первого взгляда. Увидела, вскоре по приезде в Россию, по телевизору соревнования — и застыла. Целый час просидела, словно приклеенная, а когда передача закончилась, выдохнула:

— Я тоже так хочу!

— Куда тебе на лед, птичка ты моя теплокровная? — ахнула няня, тетя Тамара.

— А почему нет? — решительно проговорил папа. — Девочка она гибкая, возраст подходящий. Заодно быстрее привыкнет к нашим реалиям.

Но со спортом у маленькой кубинки шло неважно. В зале, уютном и теплом, где юные спортсменки занимались хореографией, у Изабель получалось неплохо, а стоило оказаться на катке — лед как будто ее самую сковывал. Всю. От головы до пяток. Самое обидное, мысли тоже все вымораживались. До такой степени, что даже простейший перекидной прыжок, отработанный в зале до совершенства, не могла сделать, падала.

Мама сердилась, называла Изабель неженкой. Няня понимала ее лучше, вздыхала: «Тяжело тебе, бабочке тропической, в нашей холодной России. И уж особенно — на катке». А папа, дядя Николай, — он постоянно работал. Смешно сказать: на Кубе, где она была ничейной сироткой, и то больше общались, чем теперь, когда стали одной семьей.

Изабель чувствовала себя беспомощной и ужасно одинокой. Мало того, что оказалась в чужой холодной стране и к маме с папой, пусть хорошим, пока не привыкла, так еще и новый язык — русский — ей никак не давался. Детишки во дворе будто специально начинали тараторить, чтоб выключить чужачку из своих игр. А еще они дразнили ее негритянкой, хотя в ней «черной» крови — всего четвертинка, и глаза голубые.

Школьные науки тоже шли со скрипом. Только музыка с физкультурой — без проблем, а все остальное — сплошной кошмар.

И вообще, все здесь, в России, было странное, а главное, не родное.

Мама ею почти не интересовалась. Не до дочери ей. Ходит к косметологу, на танцы, на аэробику. А сейчас возле их дома открыли бассейн — записалась еще и туда. Но когда Изабель попросила тоже водить ее в секцию плавания, она лишь поморщилась:

— О чем ты говоришь? Учебный год заканчивается. Новый набор только в конце августа будет.

В бассейн Изабель все же попала.

Как-то няня заболела, а у мамы в этот день была аква-аэробика, вот и взяла дочку с собой. Провела мимо строгой тети на входе, усадила в холле на диван, дала куклу, раскраску, фломастеры и строго наказала никуда не отлучаться. А толстого дядю-охранника попросила, чтобы присматривал: «Она девочка сложная, по-русски плохо понимает».

И тот сначала старался: разговаривал с ней — медленно, чтобы она все слова разбирала, угостил конфетой. А потом вдруг что-то случилось — машину, что ли, на парковке поцарапали. Началась суета, толстый охранник, контролерша и даже строгая тетя, что выдавала смешные целлофановые тапочки под названием «бахилы», разбежались. Девочка осталась

в холле одна и, конечно, не удержалась. Вскочила с дивана, прижалась носом к стеклянной двери, за которой искрилась вода. А потом — будто в спину кто-то толкал! — проскользнула внутрь, в огромный зал и — в восхищении застыла.

На одной из искрящихся под ярким искусственным светом дорожек, порхали бабочки. Безумно красивые, изящные, тонкокрылые. В первую секунду Изабель показалось, что это не люди — эльфы танцуют, но, присмотревшись, она поняла, что в воде плещутся девочки, по возрасту почти такие, как она. А у бортика стоит женщина и — словно фея! — выбрасывает из огромного мешка разноцветных зайцев, медведей, тигрят и при этом громко кричит:

— Ныррем, деточки, ныррем за игрушечками!

Девчонки дрожали, пищали, одна даже заплакала. Игрушки стали медленно тонуть. Может, погнаться за ними, подхватить с водной глади? Совершенно ведь не опасно, воды в бассейне — от силы по плечи. Зайцы, медведи, тигрята отчетливо виднелись на дне. Изабель еле удержалась, чтобы не рассмеяться. Чего, интересно, русские себя храбрыми считают? Лично она — давно, еще в четыре года! — без проблем ныряла на самую настоящую глубину. И не в какой-то жалкий бассейн — в океан. Сначала просто для удовольствия, а потом мальчишки постарше придумали развлечение для туристов. Бросали с двухметрового обрыва ярко-красный стеклянный камушек, и Изабель рыбкой погружалась с морскую пучину. А когда она со своим трофеем выныривала — пожилые дядьки и тетьки с восхищением аплодировали и давали денежку или конфетку — для вечно голодной Изабель и это неплохо.

У нее сейчас аж руки затряслись, до того захотелось ощутить волшебное прикосновение воды. Задержать дыхание и привычно изумиться, до чего сладок воздух, когда выныриваешь. Она стояла, тоскливо глядя на трусишек-девчонок, и готова была зарыдать. Никто на нее не обращал внимания — ни тренерша, ни юные спортсменки. Только уборщица, катя мимо свою тележку, прошипела: «Разносят тут грязь в уличной обуви!»

Не было сил оторваться от удивительного зрелища, и, конечно, Изабель упустила момент, не заметила, что к ней торопится давешний толстый охранник. Спешит, спотыкается на скользком полу. Смотрит сурово — явно вознамерился маме пожаловаться, что Изабель не стала смирно дожидаться в холле, сбежала. Ох, и рассердится же та!

Девочка затравленно посмотрела на стража, бросила последний, отчаянный взгляд на изумрудную бассейновую гладь. Охранник что-то выкрикнул и поднял руку, словно собирался замахнуться, и Изабель, окончательно

перепугавшись, отступила от него, неудачно поскользнулась — и спиной рухнула в воду. Набрала в легкие воздух, она нырнула. Вода в бассейне совсем другая, нежели в океане — не выталкивала, а тянула на дно. Но все равно — как же восхитительно! Жаль, что чудо продлится считанные секунды.

Изабель никогда не закрывала глаза на глубине и сейчас сквозь толщу воды прекрасно видела перекошенное от страха и ярости лицо охранника, бегавшую у бортика перепуганную тренершу. И девчонок в ярких купальниках тоже видела — юные спортсменки брызнули от нее врассыпную, будто она чумная.

Зато под водой — тихо, хорошо. Безопасно. Потому Изабель совершенно не спешила выбираться на поверхность. Неторопливо поднырнула к утонувшему игрушечному медвежонку, подняла его, прижала к груди. Проплыла еще. Ущипнула — смеха ради! — за тощую ногу одну из трусливых девчонок и только после этого вынырнула.

— Жива! Жива! — истерическим голосом заверещал охранник.

Он и еще какие-то люди тянули к ней свои руки и багор, сыпали советами. А когда она без всякой помощи выбралась и села на бортик, налетели на нее, стали закутывать в полотенце, щупать пульс, оттягивать веки. Мужчина в белом халате строго спрашивал:

— Тебя тошнит? Голова кружится?

Другой возмущенно наступал на охранника:

— Ребенок! Упал! Не умеет плавать! Тонул! Почему допустили?!

Тот опустил голову, трясся, словно щенок, что-то бормотал виновато, и девочке стало жалко его. Она оттолкнула надоедливого врача, выступила вперед и громко сказала:

— Я сама прыгнула! И не тонула! И вообще я могу под водой сколько угодно просидеть!

Грозный дядька оставил в покое охранника, переключил внимание на нее:

— С кем ты сюда пришла?

Изабель опустила голову, мучительно придумывая, как бы вывернуться, но тут сквозь обступившую ее толпу протолкалась тренерша, решительно оттерла мужчину и взяла девочку за подбородок:

— Кто учил тебя нырять?

— Мальчишки, — пробормотала Изабель.

— А сколько тебе лет? Спортом каким-нибудь занимаешься? Где живешь?

— Шесть. Нет, уже семь. Фигурным катанием. На Кубе, то есть в Москве, — залепетала девочка.

— Фигурным катанием? На Кубе? Ф-фу, ничего не понимаю. А что такое синхронное плавание, знаешь?

— Нырять за игрушками? — с готовностью подхватила Изабель.

— Ну, почти, — улыбнулась тренерша. — Приходи ко мне на тренировку, я все тебе объясню.

Изабель счастливыми глазами взглянула на нее и радостно выпалила:

— Да, спасибо, обязательно! Я приду!

— Вот и чудненько. Тогда жду тебя завтра к семи утра. Да, кстати. У тебя со здоровьем как?

— Все хорошо. Я сама себя закалила. Теперь могу мороженого хоть пять порций съесть — и горло даже не заболит.

— Вы с ума сошли, Галина Васильевна, — проскрипел стоявший рядом мужчина. — Семилетку в спортивную группу берете? В конце года? Без медицинской справки?!

— Зато она в воде полторы минуты просидела, — с восхищением проговорила та, подмигнула Изабель и уверенно добавила: — Ты у меня еще звездой станешь.

Дома Изабель использовала все свое красноречие:

— Мама! Синхронное плавание — это восхитительный, самый лучший спорт. Красивейший в мире!

Но та лишь пожимала плечами:

— Ты ровно то же самое говорила несколько месяцев назад про фигурное катание. И что же получается? Я с большим трудом устраиваю тебя в секцию, хотя набор давно закончен. Покупаю коньки, все эти платья. Вожу на тренировки. Плачу немалые деньги. Да еще выслушиваю твои бесконечные жалобы: то тебе холодно, то тебе сложно.

— Но сейчас будет совсем по-другому, я обещаю!

— Да, конечно. Проблемы начнутся другие. Вода мокрая, хлорка едкая. Да и вставать в шесть утра будет совсем не просто.

Изабель опустила голову. Это правда. «Счастливый человек никогда не просыпается по будильнику», — говорили в ее родном квартале. Но тренер, Галина Васильевна, уже объяснила: в удобное время занимаются только платные группы, а она ее берет в группу спортивную. С перспективой. Потому что у нее талант!

До чего было приятно это слышать. Не то, что в фигурном катании, где ее все дразнят слоненком.

А мама еще поймет, что была неправа. Когда Изабель станет в синхронном плавании самой-самой знаменитой чемпионкой.

Глава вторая

Полуянов заявил сразу:

— Только квартирным вопросом занимайся сама.

— Димочка, а я разве против? — удивилась Надя.

Она настолько рада была, что журналист, наконец, предложил съехаться, соединить жилплощадь и судьбы, что и коробки во время переезда готова таскать — лишь бы любимый не передумал.

А продать две маленькие квартиры и купить одну большую взамен — вообще казалось Митрофановой элементарным делом, народ ведь у нас все больше разъезжается, чем съезжается.

Надя решила, что даже без риелтора обойдется — зачем лишние деньги тратить? — и сама подала объявления.

Ох, и веселье началось, когда их опубликовали! Шквал звонков, толпы народу — по телефону вдохновенно ввали, что покупатели, а на деле оказывались риелторами. На квартиры даже толком не смотрели, немедленно заводили одну и ту же песню:

— Дом старый, подъезд грязный, планировка устаревшая. Нужно цену снижать, причем радикально. А то очередной жилищный кризис грянет, вообще тогда останетесь у разбитого корыта.

— Не нравятся никому наши квартиры, — грустно докладывала Полуянову Надя.

А тот, вроде, и не расстраивался. Ей вообще начало казаться, что Димка уже жалеет о своем предложении съехаться и будет рад, если из их обмена ничего не получится.

Но Митрофанова все равно не бросала своих попыток, связанных с обменом.

Теперь она каждое утро вставала на час раньше и, даже кофе не выпив, бросалась просматривать квартирные базы данных — не появилось ли что-нибудь новенькое? Прекрасно изучила плюсы и минусы «кирпичек» с монолитами, досконально разобралась в транспортном сообщении родного района Медведково, назубок вызубрила, какие дома в ближайшие годы ждет капитальный ремонт, и чуть ли не ежедневно ездила на показы, правда, постоянно попадала в какие-то хибарки — хотя во всех объявлениях обязательно писали про «евродом» и «евроремонт».

Но Надя не сдавалась, наоборот, утроила силы по поиску нового гнездышка. Уже и на компромиссы пошла: согласилась рассматривать верхние этажи и квартиры, чтоб от метро не пешком, а до двух остановок транспортом. И за границы микрорайона — удобного, привычного, с хорошей инфраструктурой — готова была выйти. Но пока на заметке имелся

лишь так называемый «клубный дом» (хотя решительно ничего в нем элитарного, просто построен недавно) с «отличной планировкой» (больше половины площади занимали кухня и коридоры). Ну, и еще квартира с «эксклюзивным, дизайнерским ремонтом и антикварной мебелью» — красные с золотом обои, столь же безвкусные диваны с креслами и, особая гордость хозяев, унитаз «под гжель».

И все же любой ценой нужно было срочно найти что-нибудь, готовое к проживанию.

Надя взяла на работе пару отгулов и прибегла к чрезвычайным мерам. Оплатила доступ к платным базам данных квартир — ничего. Распечатала кучу объявлений «куплю квартиру» и развесила их по району — толку тоже никакого. Только множество риелторов позвонили, дама из налоговой инспекции и начинающий рэкетир.

А на следующее утро в базе данных появилось новое объявление: «Четырехкомнатная квартира. Общая 96, жилая 65, кухня 12. Балкон, седьмой этаж шестнадцатизэтажного кирпичного дома, телефон, паркет, потолки 3,2 метра, окна во двор, ремонт сделан в прошлом году. Продаю срочно, хозяин».

И цена — абсолютно вменяемая!

Надя даже не стала ждать, пока наступит время, уместное для звонков, — позвонила немедленно, в половине восьмого утра.

— Але, — хмуро буркнул женский голос.

— Извините, я вас не разбудила? — покаянно пробормотала Митрофанова.

— Молодец. Вежливая. — Собеседница слегка подобрела. И неожиданно спросила: — По профессии ты кто?

— Библиотекарь, — слегка растерялась девушка.

— Интеллигентка. Это тоже хорошо. Риелторов я в шею гоню. Они все хамы. Ну, давай. Говори, чего интересуется.

И без единой запинки ответила на все Надины вопросы: продажа первичная, квартира приватизирована, собственник один, взрослый, на учете в психдиспансере не состоит. Сказка!

А уж когда хозяйка назвала адрес, Надя едва не взвыла от восторга. Дом оказался ведомственным, от Академии наук. Однако сейчас, вместе со всей наукой, в упадок не пришел. Жильцы управляющую компанию выбрали с умом. Территория огорожена, во дворе шумят вековые липы, детская площадка новехонькая. На лестничной площадке пальмы, зеркала. Красота! Митрофанова давно на этот дом облизывалась, только ни единой квартиры в нем прежде не продавалось.

— Когда можно посмотреть? — еще не веря в удачу, робко попросила она. Сейчас, наверное, дама начнет темнить.

— Да хоть сейчас, дочка, приходи, — дружелюбно ответила хозяйка.

Митрофанова даже завтрак Димке не стала готовить — неслыханное нарушение их семейной традиции — и помчалась на просмотр «дома своей мечты».

Отворила ей дверь бодрая тетка лет под семьдесят. Вида деревенского, с лицом простецким и хитроватым. Ага, сразу забеспокоилась Надя, вот и подвох. Дом принадлежит Академии наук, в хозяевах здесь должны быть, как минимум, доктора наук, а у дамочки и образования-то высшего, сразу видно, не имеется.

Однако женщина сразу расставила все точки над і:

— Я в ихней семье экономка. Но уже столько работаю, что давно свой человек. И все практические вопросы за них решаю. Хозяйка — натура творческая, вечно в высоких сферах витает... С чего начнем? С комнат, с кухни?

— Давайте, если можно, с документов, — попросила Надя.

— Как скажешь, доченька, — легко согласилась экономка. — Меня, кстати, Тамарой зовут. Или Тамарой Кирилловной, если тебе к старшим по отчеству обращаться удобней.

Она усадила Митрофанову в кресло и предъявила полный пакет — от ордера до почти новенького свидетельства о собственности. Сама стояла рядом, комментировала:

— Евгений Сазонович — кому квартиру выделили — это Лизочкин дед, академик. Умер в девяносто шестом, сердце отказало. Тогда и решили приватизировать, наконец, а то мало ли что. В квартире были прописаны трое. Собственником сделали Николая Евгеньевича — это академиком сын и Лизочкин папа. А от жены — она, соответственно, Лизочкина мать — взяли отказ от участия в приватизации. Лизочке тогда было восемь лет, ее в собственники не вписывали... Тогда вообще не принято было. Главное, чтобы прописка была.

«Ага, а на сделке выплывет, что при приватизации права ребенка ущемлены!» — сразу заволновалась Надя.

Но Тамара Кирилловна уже продемонстрировала следующий, тщательно обернутый в пластик документ:

— В две тысячи шестом Николай Евгеньевич заболел и решил оформить на дочку дарственную. Как он сказал, на всякий случай. Они с женой тогда уже плохо жили, вот и боялся: вдруг та после его смерти будет с девочкой за квартиру судиться?

«С душком, похоже, семья», — вновь встревожилась Митрофанова.

Однако и новое опасение домработница развеяла.

— Но Бог — он все сам управил. Николай Евгеньевич свой недуг поборол. Вовремя спохватились, на первой стадии. Да и врачи у них в акаде-

мической поликлинике хорошие. Беда с другой стороны подкралась. На следующий год, как он поправился, поехали они с женой в отпуск, на океан Индийский. В феврале, когда там шторма. И купаться полезли. А их — накрыло волной. Николай-то Евгеньевич выплыл, а супруга его — утонула. Вот трагедия была! Лизочка — она, конечно, сразу туда полетела, еле смогла отца домой привезти. Он все по пляжу бродил, тело жены искал. Да, тяжело им пришлось...

Продолжать череду воспоминаний экономка не стала, предъявила очередную документ:

— Ладно, вы сюда не байки слушать пришли. Вот свидетельство о собственности. На имя Лизочки. В браке она не состоит, и не состояла, детей нет. Никаких обременений или залогов.

Надя взяла бумагу, но рассмотреть ее не успела. Ровно в эту минуту затрещал мобильник. Димка. Возбужденный, веселый:

— Ну, что, Надюшка? Хорошая квартира?

— Да я не знаю пока... — начала Митрофанова, но Полуянов тут же перебил ее:

— Давай там, не придирайся особо.

— Легко тебе быть добреньким! — вздохнула Надя и, перехватив любопытный взгляд Тамары Кирилловны, пробормотала в трубку: — Дима, я тебе попозже перезвоню.

— Муж? — свойским тоном поинтересовалась экономка.

— Будущий, — улыбнулась в ответ Надя.

— Ну, для молодой семьи наша квартира вообще идеальная! — заверила Тамара Кирилловна. — Пойдемте, все вам покажу. Вот здесь — видите! — маленькая гардеробная. От спальни отрезали. Перепланировка, разумеется, законная. А рядом — техническая комната. Тоже очень удобно, пусть тесно, но сушилка и гладильная доска помещаются.

Однако больше всего Надю поразила спальня той самой Лизочки, хозяйки квартиры. Совершенно ничего кричащего и роскошного, зато различных гаджетов напичкано — будто в космическом корабле. Климат-контроль, сенсорные выключатели, увлажнитель воздуха, большой и прекрасно ухоженный аквариум с горбоносими золотыми рыбками. Массажное кресло, в нише у окна — парочка новейших тренажеров.

— Лизочка очень много работает, устает, нервничает, — комментировала Тамара Кирилловна, — поэтому любит, чтобы дома все было устроено, как она любит. Чтоб все отлажено, все под рукой.

Митрофанова искренне позавидовала неведомой девице и спросила, скорее из вежливости, чем из-за любопытства:

— А где она работает?

— У Лизочки свое дело, — поджав губы, ответила Тамара Кирилловна. Подробней распространяться она не стала. По лицу ее — или показалось? — промелькнула тень.

— А почему вы квартиру продаете? — задала новый вопрос Митрофанова.

— Хотим ближе к центру перебраться. Ужасные пробки. Лизочке на работу ездить тяжело.

Вот удивительные люди! Живут — практически в парке. От метро — два шага, до Кремля — полчаса, по прямой ветке. Но разве спустится внучка академика Лизочка, избалованная личной гувернанткой и комнатой с климат-контролем, в подземку, к простому народу?

Ну и пусть, пусть переезжают — хоть в центр, хоть к черту на рога! Вместе со своими тренажерами, аквариумом и увлажнителем. А она обставит спальню по собственному вкусу. Вот сюда — прекрасно встанет двуспальная кровать, в нише — будет ее будуар...

— Когда вы готовы выйти на сделку? — тоном заправского риелтора спросила Надя.

— Альтернатива у нас подобрана, так что в любой день, как вы сами будете готовы, — отозвалась экономка. — Понравилась вам квартира?

— Да, — не стала лукавить Митрофанова.

— Если будете покупать, можем немного сбросить. Тысяч сто. Мы с Лизочкой обсудили.

«Беру, беру!» — чуть не завопила Надя, но усилием воли удержалась и сухо произнесла:

— Пока ничего сказать не могу. Нужно, чтобы сначала муж посмотрел.

Только бы какой-нибудь ушлый риелтор не увел квартиру до вечера — раньше-то Димка подъехать никак не сможет!

Надя целый день только и думала о вожденной квартире номер сто восемь. Предвкушала, как станет демонстрировать Димке свою исключительную находку. По дороге она просвещала Полуянова: капитальный ремонт здесь был четыре года назад, лифты стоят фирмы «OTIS», а консьержке нужно платить по четыреста рублей с квартиры.

Димка слушал вполуха, думал о чем-то своем. Только когда вошли в подъезд, поинтересовался:

— Этаж, надеюсь, не первый?

— Седьмой, твой любимый, — улыбнулась Надя.

Поднялись в зеркальном лифте, вышли на чистенькую площадку. Надя уверенно вдавила кнопку звонка. И — в недоумении отступила.

Потому что дверь им отворила — ослепительной красоты мулатка. Господи, откуда только взялась такая в заурядном районе Медведково?

Будто со страницы глянцевого журнала спрыгнула: копна кудрявых, медового цвета волос перехвачена желтой лентой, цвет лица изумительный — будто какао в аутентичной венской кофейне, ярко-голубые глаза оторочены в бархат безупречно длинных ресниц. Грациозная, гибкая, изящная шея, безупречной формы руки. Ноги, успела грустно подумать Митрофанова, раза в два длиннее, чем у нее.

Полуянов, разумеется, так и застыл столбом. Экзотическая красавица несколько нервно произнесла:

— Вы пришли квартиру смотреть? Можно мне на ваши документы взглянуть?

— Зачем вам? Мы вроде не на сделку пока, — хмыкнула Надя, но па-спорт все же протянула.

Мулатка стрельнула взглядом на фамилию с именем и сразу воспрянула:

— Я просто на всякий случай! Здравствуйте, Надежда! Мне тетя Тамарочка про вас говорила. Проходите, пожалуйста! А меня зовут Изабель. Я — хозяйка этой квартиры.

— Э... Очень приятно, Дмитрий, — поспешил вмешаться в разговор журналист и с нескрываемым удовольствием пожал хрупкие пальчики.

Надя решительно выступила вперед, оттерла Полуянова плечом и строго произнесла:

— А почему Изабель? Тамара Кирилловна говорила, хозяйку Елизаветой зовут.

— Как? — искренне изумилась мулаточка.

— Елизаветой. Ну, или Лизочкой, — пожалала плечами Митрофанова.

— Так это я и есть! — развеселилась девушка. — В детстве так придумали, чтоб дети не дразнились. А то мало, что негритянка, еще и Изабель. Изабель Николаевна. Смешно звучит, правда?

По-русски она говорила совершенно свободно, да и по виду — пусть рафинированная и холеная, но явно наша.

Но только каким образом, лихорадочно соображала Надя, у русских родителей дочка вдруг оказывается мулаткой?! Неужели внебрачный ребенок — в академической, правильной семье?! А что, запросто может быть. Тамара Кирилловна, помнится, упоминала: родители Лизочки жили плохо, ссорились. Из-за внебрачного ребенка, похоже. Кто, интересно, загулял? Жена или муж?!

В обычной жизни тактичная Митрофанова бы никогда не стала задавать неудобных вопросов, но когда речь идет о сделке в несколько миллионов, — не до воспитанности.

— Вы хотите сказать, что являетесь родной дочкой Николая Евгеньевича? — нахмутив брови, уточнила она.

— Как я могу быть родной? — вздохнула красавица. — Я приемная, естественно. Родителей не помню, в детдоме жила. На Кубе. А папа там работал, ну и удочерил меня. В смысле, они с мамой удочерили. Когда мне шесть лет было.

Надя уже приготовилась выяснить у Изабелы, имеются ли у нее сводные братья или сестры, но Полуянов о серьезном поговорить не дал.

— Ну, Изабель, первое впечатление у меня самое благоприятное, — со значением оглядел он то ли прихожую, то ли красотку-хозяйку. — С чего начнем более детальный осмотр?

— Давайте с кухни. Заодно чаю выпьем, тетя Тамара шанетки испекла, велела, чтоб я обязательно вас угостила.

— Что испекла? Шанежки? — переспросила Митрофанова.

— Какая разница: шанетки, шанежки! Короче, какие-то булочки, — отмахнулась девица.

Наде абсолютно не улыбалось распивать чай в столь неприятной компании, однако отказаться неудобно, на кухне уже и стол оказался сервирован — на три персоны. Выставлены конфеты в изящных вазочках, несколько видов чая, на блюде — пресловутые шанежки, заботливо укутанные в пищевую пленку.

— Видите, все готово, только чайник осталось включить, — старательно изображала гостеприимство Изабель.

— Какая вы хозяйственная! — не удержалась от шпильки Надя.

— Что вы, Надя, это все тетя Тамарочка. У меня по дому... как-то не получается ничего. — Изабель открыла холодильник и неуверенно проговорила: — Может, что-нибудь посерьезней? Суп, бутерброды?

— Нет-нет, спасибо, — поспешно отказалась Надя. И предложила Полуянову: — Не хочешь, пока чайник закипает, квартиру посмотреть?

— А зачем? Я уже понял. Мне все здесь нравится, — усмехнулся Дима.

«Только у хозяина — как его там, Николай Евгеньевич, кажется? — запросто могут быть кровные дети, которые с удовольствием оспорят сделку», — пронеслось в голове у Нади.

— Я бы хотела, все-таки, уточнить, Изабель, — решительно проговорила она. — Эта квартира принадлежит вам? Единолично?

— Ну да, — пожала плечами девица.

— Других детей — приемных или родных — у вашего отца не имеется?

— Нет. Разве тетя Тамара не показывала вам документы?

— А ваш отец не будет против, если вы его квартиру продадите?

— А чего ему возражать? И вообще, он сейчас в Африке. Но по поводу квартиры сказал четко: она моя. Могу делать все, что захочу. Тем более,

я не в казино деньги проигрывать собираюсь, а другое жилье покупать, даже лучше! В самом центре.

— Надюшка, ты разве не знаешь? Если у Изабель дарственная, оспорить сделку никто и никогда не сможет. И она ни перед кем отчитываться не обязана, — с укором произнес Полуянов, продолжая откровенно любоваться красоткой.

Надя совсем пала духом. Грустно осознавать, что выглядишь на фоне прекрасной кубинки совершеннейшим серым мышонком. Да и чутье подсказывало, что нужно немедленно разлучить Полуянова с девицей-совершенством. Вежливо улыбнуться, поблагодарить мулатку за чай — и вывести Полуянова отсюда. Навсегда.

Но квартира-то — чудо, как хороша! И документы в порядке, и стоит разумно! Значит, нужно поступать стратегически. От квартиры не отказываться, но Полуянова от Изабель как-то оградить.

А тот тем временем, не сводя глаз с хозяйки, спросил:

— Изабель, скажите, а где я мог вас видеть?

— Ну... у меня год назад был проект на телевидении. Вела уроки фитнеса на кабельном канале. Но вряд ли вы эту программу смотрели...

— А сейчас чем занимаетесь? — не отставал Дима.

— Теперь у меня свой салон красоты. С уникальной концепцией. Основная красоты — здоровье, так что первым делом спорт и правильное питание, и только потом прическа с маникюром. С удовольствием, кстати, выдам вам карточку vip-клиента. Хотите?

— Конечно! — с жаром выпалил Дима.

— У меня, кстати, тоже есть ощущение... — вкрадчиво заговорила Изабель, — что я вас встречала. Где-то в Останкино. Может такое быть?

— Увы, — вздохнул Полуянов, — на отделение телевизионной журналистики меня не взяли, так что приходится работать «в поле». Газета «Молодежные вести», слышали про такую?

— Ну, конечно! — просияла девица. — Все, я теперь поняла! Я вашу фотографию там видела. Вы — Полуянов. Журналист! Тот самый! Мне теперь будет особенно приятно читать ваши статьи. А по поводу квартиры у вас еще какие-нибудь вопросы есть?

— Нет, — поспешно отозвался Полуянов. — Все мило, красиво и замечательно. Наверное, мы ее возьмем. Но я предлагаю на этом не заканчивать. Давайте будем дружить домами!

Тактичный человек постарался бы оставить Димкину фривольность без ответа. А невоспитанная мулатка подняла на него свои огромные глаза и проговорила:

— Да! Я буду очень рада приехать к вам в гости! И вас принять!

«Нет, милая, — сердито подумала Надя. — Нам бы только сделку провести, а домами дружить мы с тобой, уж точно, не станем».

Ей опять снился тот же сон. Ночь в Токио — что навсегда расколола ее жизнь на две половинки. На беззаботное «до» — и мрачное «после».

Японцы, увы, не знают полутонов. Они всегда милы, услужливы, заботливы с гостями, однако совершенно беспощадны к тем, кто посмел посягнуть на их незыблемые устои. К тем, у кого достало наглости обратить разумное, выверенное до миллиметра жизненное устройство в хаос, разрушить гармонию.

Особая страна, особый путь. В путеводителях об этом не пишут, но местные просветили: в Японии до сих пор применяются пытки. Традиционная формула местного права: «Признание является первейшим из всех доказательств». А когда закон преступил чужак, да на глазах свидетелей — пощады ему можно не ждать.

Да еще если бы они были похожи — на местных! Или хотя бы вызывали сожаление — ведь даже бессердечные японцы поведут себя более снисходительно к нищим или убогим.

Однако девушки были юны, успешны, красивы. Одним словом, абсолютно все оказалось против них. И никогда теперь не избавиться от кошмара: бешеная скорость, отчаянный крик, удар, звон осколков. Разнесенная в клочья икебана, поверх нее — японская куколка с переломанной шеей. Полицейские сирены. Гневные крики...

Ее жизнь катится под откос.

А та, кто все это устроил, — беспечна, успешна, здорова и богата.

Глава третья

Из академического дома Митрофанова и Полуянов вышли в молчании.

Надя демонстративно избегала Диминого взгляда. А по ее нарочито прямой спине и поджатым губкам журналист понял: разобижена не на шутку. Хотя, что он такого сделал? Ну, поддержал светскую беседу, сказал красоте-шоколадке пару комплиментов. Любой бы мужик на его месте точно так же себя повел.

— Дима, а тебе не показалось, что Изабель что-то беспокоит? — неожиданно заговорила она.

— А?

— Ну, глаза у нее встревоженные, и вид — знаешь, как у ребенка, когда он знает какой-то секрет, и аж разрывает его, так хочется выболтать.

— Да я как-то ей в глаза не смотрел, — признался Полуянов.

— Действительно, зачем смотреть девушке в лицо, если у нее ноги от ушей и бюст четвертого размера? — съехидничала Митрофанова.

— Брось, Надька! — Дима сделал вид, что сердится. — Не интересуют меня ее ноги. А лучше твоего бюста нет ничего в мире, ты прекрасно об этом знаешь.

— Все-таки нехорошо у меня на душе... Чувствую: какой-то подвох с этой квартирой!

— По-моему, все идеально.

— Нет. Слишком все хорошо.

— Ну, Надька, — покачал головой Полуянов. — На тебя не угодишь!

— Надо бы эту Изабель досконально проверить, по каким-нибудь базам пробить, — задумчиво проговорила Надя и, искоса взглянув на Полуянова, добавила: — Но просить тебя я не буду. Боюсь, что твоя проверка в чужом будуаре закончится.

— Не волнуйся. Она не в моем вкусе, — фыркнул Дима, обнял ее и крепко поцеловал.

На следующий день Полуянов уже не вспоминал красотку Изабель. Работы было выше крыши — планерка, письма, звонки. Большая статья идет в завтрашний номер, а «главнюга» очередной заголовок забраковал, надо срочно придумывать что-то более спокойное, то есть — беззубое. Дима заперся в кабинете, заварил себе кофе, но так и не смог приступить к работе — зазвонил внутренний телефон, сбил с толку.

— Полуянов, — послышался сердитый голос секретарши главного Марины Максовны, — тебя дама требует. Сколько можно?..

— А что делать, когда поклонницы прохода не дают! — снахальничал журналист.

— Мадам сказала, она не поклонница. Якобы ты у нее квартиру покупаешь.

— О, Изабель? — встрепенулся Дима. — Да, конечно! Соединяйте!

— Слушаюсь, — усмехнулась умудренная годами секретарша. — Только передай своей подружке, чтобы в приемную главного редактора больше не звонила.

А Полуянов откашлялся, приготовился подбавить в голос тепла и бархата, настроился впечатлять, очаровывать, веселить. Однако все усилия пропали втуне, так как прекрасная мулатка заполошно затараторила:

— Дима, как хорошо, что я вас нашла! Я еще вчера хотела визитку попросить, да при Наде постеснялась. У меня к вам дело. Очень срочное, важное. Я, мне... мне не к кому больше обратиться! Просто глас божий, что

вы журналистом оказались, к тому же моим любимым. Вы можете прямо сейчас со мной встретиться? Я тут рядом, почти на улице Правды!

— Вы хотите что-то по поводу квартиры со мной обсудить?

— Квартиры? Какой квартиры? — опешила она, а потом, сообразив, раздраженно проговорила: — А чего там обсуждать? Не наше дело — риелторов. Но тут со мной такой ужас происходит! Просто кошмар! Реальный! — Она всхлипнула и жалобно добавила: — Я вас очень прошу. Пожалуйста. Помогите мне! Или просто хотя бы скажите, что я дура, что мне все чудится!

Полуянов покосился на монитор, где немым укором висела «безголовая» статья, и строгим тоном поинтересовался:

— За вами «хвоста» нет?

— Что? — растерялась Изабель.

— Шутка. Через полчаса в кафе напротив редакции. Подойдет?

— Ох, Дима! Спасибо вам огромное! — обрадовано воскликнула она.

...Через полчаса Дима уже сидел в кафе, настроившись ждать Изабель долго. Но ждать не пришлось, буквально через пару минут она появилась на пороге и сразу подбежала к его столику:

— Закажите мне, пожалуйста, кофе. Двойной эспрессо и обязательно холодную воду. Голова кругом идет. В общем, чтобы вы сразу знали: я — дурочка.

— Кто вам сказал такую глупость? — ухмыльнулся Полуянов.

— Ой, да ладно! Я еще в школе поняла: когда Бог мозги раздавал, мне дать пожадничал. Но я умняшку из себя никогда и не строила, прекрасно понимаю, что в нашем бизнесе я так, типа визитной карточки. А Юлька — и мозг, и руки, и все остальное.

— Бр-р... — помотал головой журналист. — Давайте еще раз. Кто есть Юлька?

— Ну, Базанова! Коммерческий директор в моем салоне. Мы с ней, когда дело затевали, сразу договорились: я — даю деньги, и, когда переговоры с мужиками, пыль в глаза пускаю. А на ней — все остальное. Я в дела никогда и не лезла. Оно мне надо? Но только здесь идея — стопроцентно выигрышная. Баба Лера — она ведь абсолютный уникам, столько всего знает и в нашу концепцию вписывается идеально. Короче, бабе Лере — восемьдесят семь лет, а она без проблем садится на поперечный шпагат. Что вы улыбаетесь? Это реально совсем непросто, даже в шестнадцать! Я ее знаю очень давно и, когда мы салон только открыли, сразу ей позвонила. Но баба Лера всегда отвечала, что занята. Она до сих пор и гимнастик художественных консультирует, и физкультуру в университете преподает. Но я тоже упорная! Дожала ее. Баба Лера согласилась у нас в салонах стрейчинг вести. Представляете, как здорово? А то клиентки —

они вечно стонут, когда им инструктора хоть минимальную нагрузку пытаются дать. Мол, легко вам, молодым, задания давать, а мы старенькие, мы не можем! А тут — инструктор бабушка, восемьдесят семь лет, прекрасно выглядит, изумительно гнется! Я уверена, что на ее занятиях был бы полный аншлаг. Но Юлька... — Изабель осеклась. Отколола от сахарного кубика крошечный кусочек, бросила его в чашку с кофе, принялась яростно размешивать. Пробормотала сердито: — Юлька, короче, мою идею не оценила, хотя я с бабой Лерой уже и зарплату обсудила. Представляете, как неудобно? Я с Юлькой и так, и сяк, а она уперлась, как ослица: инструктор должен быть обязательно молодым, и точка! А баба Лера очень нужна нашему салону. Вот я и сказала Юльке: что тоже являюсь совладельцем и имею право на собственное мнение. Баба Лера будет вести у нас стрейчинг, и точка.

— Но чем, прекрасные дамы, в вашем споре могут быть полезен я? — встрял в ее монолог Полуянов.

— Ха, прекрасные! Видели бы вы эту Юльку, она страшней войны! — хихикнула Изабель. Но тут же помрачнела: — Но только без нее я — как без рук. А мы расплевались конкретно. Юлька сказала: или баба Лера, или она вообще уходит. Но как я ее могу отпустить — сама я точно не справлюсь, а деньги уже вложены! В общем, взяла тайм-аут. И бабе Лере пока не звонила. А вчера утром, — судорожно сглотнула она, — я у себя в почтовом ящике вот это нашла.

Изабель полезла в сумочку и протянула Диме небрежно распечатанный конверт. В графе «адресат», машинально отметил он, только имя, отпечатано на принтере: Изабель. А внутри оказалась фотография. Похоже, изображена на ней была та самая баба Лера. Стройная, неплохо сохранившаяся. Но по всем статьям — старуха. Морщинистые руки, пигментные пятна на опрометчиво обнаженной шее. Позирует, сидя в кресле, глаза прикрыты.

— И что? — недоуменно спросил Полуянов.

— Вы ничего не замечаете? — зашипела в ответ Изабель.

Дима перевел взгляд на фотографию, принялся рассуждать вслух:

— Ну... поза немного неестественная. Лицо слишком бледное. Человек пожилой, обычное дело.

— Да она мертвая!

— Что?!

— Неужели непонятно? Да баба Лера в жизни не облокотилась бы на спинку, всегда прямая, стройная, просто загляденье! Сгусток энергии, собрана как пружинка, яркая, подвижная, глаза горят. Я, короче, тут же помчалась к ней. А квартира опечатана. Я к соседям. Те мне и рассказали, что к бабе Лере дочка приехала, неделю назад, вечером, звонит — мать

не отзывается. Открыла тогда дверь своим ключом. Ну и обнаружила ее. Мертвую. — Изабель всхлипнула.

Полуянов с недоверием взглянул на нее, потом снова перевел взгляд на снимок. Волосы старой женщины в идеальном порядке, нога закинута за ногу, рука упирается о подлокотник — все как-то очень постановочно. Вряд ли можно умереть в столь вычурной позе.

— А от чего она умерла? — нетерпеливо спросил он.

— Да не в этом дело! — раздраженно бросила Изабель. — От инфаркта, что ли, или от инсульта, какая разница в ее возрасте? Вы что, не поняли еще? Умерла баба Лера в своей постели, во сне! Дальше — все, как положено. Вызвали похоронного агента, ее увезли в морг. Сделали вскрытие. И похоронили — два дня назад. Я ничего и не знала, мне не сообщили. Я ведь бабе Лере никто, не родственница, не друг, даже поработать вместе не успели. А сегодня я получила эту фотографию... Вот теперь и схожу с ума! Голову ломаю. Могла это Юлька сделать? Ну, просто чтобы поиздеваться надо мной?!

— Изабель, вы серьезно? Зачем партнеру по бизнесу подобным образом издеваться?!

— Не знаю, зачем! Но кому еще нужно было делать весь этот ужас? — Она снова всхлипнула и попросила: — Пожалуйста, уберите! Не могу больше смотреть! Дима, если вы мне не поможете, я просто не знаю, что делать! Вы ведь такой известный журналист! Узнайте, кто это натворил! И у кого только рука поднялась?!

Полуянов молча положил фотографию обратно в конверт. Ему не слишком хотелось ввязываться в эту историю. Искать психов и писать о них — дело неблагодарное. Но разве мог он просто отвернуться от умоляющих глаз красавицы по имени Изабель?

Едва Полуянов вернулся в редакцию, позвонила Надюшка.

— Дима, меня кое-что с этой новой квартирой смущает... — озабоченно проговорила она. — Зачем Изабель этот обмен? Тут — академический, чистенький, благородный дом. А переезжает она в бывшую коммуналку, запущенную, коммуникации древние, Садовое кольцо рядом. В чем смысл?

— Как в чем? Москва, центр. Совсем другая жизнь, — усмехнулся Полуянов.

— Такое ощущение, — упрямо гнула свое Митрофанова, — что Изабель первую попавшуюся квартиру схватила — лишь бы из своей нынешней сбежать.

— Да ладно. Ей, видно, просто нравится ритм большого города.

— В общем, тебя ничего не настораживает, — подвела итог Надя. — Ладно, я поняла. Все, пока, а то у меня народ в библиотеке. — И положила трубку.

Полуянов посмотрел на умолкнувший телефон. Перевел взгляд на фотографию, откуда смотрела пустыми глазами мертвая старуха.

Что это? Неудачная шутка? Месть какой-нибудь ревновавшей подруги? Или дело серьезней? И связано ли странное письмо с тем, что хозяйка вдруг срывается с насиженного места, решает срочно продать родовое гнездо?

Он порылся в ящике стола и выудил из него старую, дедовскую еще лупу. Запер кабинет на ключ, врубил все лампы и стал внимательно изучать снимок мертвой тренерши. Да, омерзительна и зловеща. Но — следовало признать! — имелось в ней определенное мрачное очарование. Фотограф — кем бы он ни был! — похоже, знал, как выставить свет, выбрать удачный ракурс. Почившая старуха — если не приглядываться к прикрытым пустым глазам — выглядела, словно пушкинская графиня, присевшая отдохнуть после шумного бала.

Но тело — явно уже окоченевшее! — совсем непросто разместить в кресле, да еще в почти изящной позе. Получается, автор не впервые снимает подобную мерзость? Успел наработать опыт? Может быть, существует какое-нибудь сообщество фотографов-извращенцев?

Однако если оно и имелось, в Интернете себя не афишировало. Всемирная паутина утверждала: зловещий обычай запечатлеть мертвых, как живых, канул в Лету еще в девятнадцатом веке.

Получается, особенно упорные поклонники жанра здравствуют и поныне? Но как подобную фотосессию провести технически?

Снимали, скорее всего! — в морге. Милое хобби какого-нибудь сумасшедшего санитаря? Ох, вряд ли! Работенка-то золотая, а за подобные забавы мигом вылетишь с волчьим билетом. Впрочем, кто-то служебные инструкции все же нарушил и фотографа к телу допустил.

Узнавать адрес морга? Ехать в юдоль скорби? Ворошить осиное гнездо, предъявлять фотографию? Скандал разгорится ужасный — это однозначно. А удастся ли вычислить злодея? Совсем не факт.

Да и не очень порядочно — поднимать шум. У покойной старухи имеется дочь, если она увидит фотографию — нервный срыв несчастной женщине гарантирован.

Потому Полуянов решил зайти пока с другой стороны. Разобраться — хотя бы в первом приближении! — в биографии красавицы Изабель. Неспроста же той присылают подобные милые фоточки!

Собирать по крохам сплетни и слухи в Интернете Полуянов не стал. Зачем, если за стенкой его кабинета сидят девчонки из светской хроники?

Он не сомневался: ведущая телепрограммы (пусть и на кабельном канале) — должна была «засветиться», хотя бы минимально.

Ему повезло, у хроникерш (близняшек Оли и Поли) сегодня не оказалось ни премьер, ни тусовок, ни самолета на Бали.

— Раз пришел, иди за пирожными, — сразу потребовала Оля.

— А чай неси свой, в буфете помои, — добавила Поля.

Пришлось расставаться с заначкой — настоящим индийским дарджилингом.

— Проси теперь, что угодно! — улыбнулась Оля.

Однако когда Дима произнес пароль: «Истомина», встретил растерянные взгляды: «Кто-кто?»

— Она уроки фитнеса вела на каком-то кабельном канале. А сейчас у нее салон красоты. Молодая такая. Э-э... мулатка.

Сестры переглянулись.

— Прямо мулатка-мулатка? — недоверчиво уточнила Оля.

— Ну... да. Смугленькая такая.

— А-а! — вдруг просияла Поля. — Это он про Изабеллу, наверное!

— Точно! — расхохоталась Оля. — Только какая она мулатка? Какао с молоком, и то сильно разбавленное. У нее отец — испанец, а мать — кубинка, почти белая.

— А почему она тогда Истомина? — Полуянов решил услышать историю с самого начала.

— Ну, там настоящая «Санта-Барбара». Даже ток-шоу про нее было, неужели не видел? — удивленно посмотрела на него Поля.

— Разве Полуянов похож на человека, кто смотрит ток-шоу? — защитила коллегу Оля. — Расскажи ему!

— Ну, вкратце: дело было на Кубе, лет двадцать с гаком назад. Семья беднейшая, родители умерли, детка осталась сироткой. Попала в приют, сбежала. Попрошайничала. Постоянно крутилась на городском пляже. И туда же каждый вечер ходил купаться белый джентльмен Истомин. Он наш, инженер. На Кубе работал. Отель строил. Свободно говорил по-испански. Сиротку жалел, подкармливал. Своих детей у него не было, ну и уговорил жену удочерить девочку. Оба государства чинить препоны не стали, разрешили, когда у Истомина истек контракт, забрать приемную дочь в Россию. Романтическая такая история.

— Сколько же ей было лет?

— Шесть или семь.

— Неужели ты даже не слышал про это ток-шоу? — вмешалась в разговор Оля. — Довольно скандальное получилось. На него детского психиатра пригласили. И он все пытался рассказывать, как приемные отцы

своих малолетних дочек соблазняют. Изабелла очень нервничала. Тут явно что-то не чисто.

— Да брось! Не соблазнял ее отец, гарантирую. Просто камеры она боялась, потому и психовала! — отмахнулась Поля. — Истомин — приличнейший человек, сын академика. Интеллигентная семья.

— Только продажная. За пиар все свое грязное белье наизнанку вывернули! — возразила Оля. — Впрочем, так, наверное, и надо. Красавицу-кубинку после того ток-шоу действительно заметили, пригласили на кабельный канал — фитнес-позы демонстрировать. Она в детстве то ли гимнастикой занималась, то ли фигурным катанием.

— Фигурка у нее суперская, — вздохнула Поля, — и растяжка чудовая, ногу за ухо закладывает, как нечего делать.

— Но чтобы программы свои вести — даже если это всего лишь фитнес! — одной растяжки мало, — саркастически заметила Оля. — «Разминка с Изабеллой» в эфире и полугода не продержалась. Новых предложений тоже не поступало. Но тут нашей принцессе опять повезло — она встретила прекрасного принца. Он персонаж не медийный, но мордаха, фигура — просто нечто! Я их как-то на приеме видела — реально отпала. Бывают же такие мужики! Галантный, накачанный, глаза синие, а на нее как смотрел — будто она ему единственный свет в окошке. Да еще и богатый, зараза. На острова тропические ее возил, бриллианты дарил...

— И чем закончилась сия прекрасная сказка?

— Ну, уж точно — не свадьбой, — злорадно хмыкнула Поля. — Исчез куда-то красавец писанный. Но, похоже, хороших отступных отвалил. Смотри сам. Вместе они перестали появляться в конце лета. А осенью Изабелка салон красоты открыла. Свой собственный. Все, Димка. Больше ничего не знаем.

Дима поблагодарил сестер и отправился в свой кабинет, откуда позвонил в салон красоты, принадлежавший двум дамам — Изабель Истоминой и Юлии Базановой. О том, что прекрасная мулатка обещала ему карточку VIP-клиента, говорить не стал. Просто задушевым тоном сказал, что хочет попасть к лучшему мастеру. Сегодня.

— Но у нас полная запись, — растерянно пробормотала администратор.

— Девушка, милая! — подбавил в голос максимум бархата Дима. — Пожалуйста, придумайте что-нибудь! Ответственное мероприятие грядет, очень нужно!

— Почему вы, мужчины, всегда в последний момент спохватываетесь! — укоризненно прошептала администраторша. Однако пообещала: — Сейчас попробую что-нибудь организовать. Подождите минутку.

Когда девушка, наконец, снова вышла на связь, голос ее звучал торжественно:

— Вас сам Теодор согласился взять! В семь вечера у него малюсенькое окошечко... только, пожалуйста, не опаздывайте. Теодор у нас лауреат международного конкурса и привык, что его время ценят.

Дима никогда еще не стригся у лауреатов. Сколько ни пыталась Надюшка его сподвигнуть хотя бы на салон красоты, продолжал упорно посещать простецкую районную парикмахерскую. Пусть там без изысков, зато мастера ножницами щелкают со скоростью феерической: пятнадцать минут, и готово дело. А лауреат международного конкурса Теодор, наверняка, будет ковыряться над его шевелюрой часа полтора. Ну, да что не сделаешь ради работы.

...Полуянов ожидал, что встретит его шик-блеск-мрамор, однако салон красоты располагался на первом этаже обычного жилого дома в Замоскворечье и выглядел демократичным — даже несколько нарочито. Входная дверь с простеньким замком, в холле вместо кресел — подушки-пуфы, занавесочки на окнах — обычный тюль. Пресловутый лауреат международного конкурса Теодор тоже оказался скромнягой. Он лично вышел к Полуянову, виновато улыбнулся:

— Минут на двадцать вас задержу. Простите?

— Прощу, — заверил Полуянов, — если мне рюмку эспрессо нальют.

И удивился чрезвычайно, что в салоне, где работают лауреаты, даже кофе-машины не оказалось. Впрочем, растворимого в огромную чашку ему насыпали щедро. А молоденькая администраторша радушно предложила:

— Хотите, я вам булочку разогрею? В соседнем супермаркете очень вкусные пекут, мы всегда на долю клиентов покупаем!

— У вас тут прямо как дома! — похвалил журналист.

— Это вы еще нашу изюминку не видели, — усмехнулась девушка. — Пойдемте, я покажу. Называется «комната для медитации».

Она провела Диму в соседнее с холлом помещение, и тот ахнул от восторга: во всю стену там располагался огромный аквариум. Настоящее подводное царство: заросли водорослей, замок, акведук, затонувший корабль — окруженное разноцветьем рыбок. Подобные масштабы он, пожалуй, только в Стамбульском океанариуме видел.

Администраторша заботливо усадила его на мягкий диван, включила очередное медитативное завывание и проворковала:

— Отдыхайте! Я скоро за вами приду.

Минут пять Полуянов не сводил глаз с рыбьей суетни. Пескари и селедки (или как там их правильно?) выглядели холеными, водоросли — зелеными и свеженькими. Никакого сравнения с его собственным аквариумом в детстве — тот вечно зарастал тиной не хуже любого болота. Однако

долго наслаждаться картинками рыбьей жизни Дима не стал — прихватил бадью с кофе и вернулся в холл.

— Что-то не так? — бросилась к нему администраторша.

— Все замечательно, — заверил ее Дима. — Просто хочу узнать, кому спасибо говорить за такую красоту?

— Это все наш директор, — гордо проговорила девушка.

— Но у вас, вроде, два директора? Истомина и Базанова, правильно? — изобразил удивление Дима.

— Истомина только денег дала. Ну и с рыбками помогает. А все остальное — Юлия Аркадьевна делает.

— А сегодня она на месте? — забросил удочку Дима. — Хочу ей лично респект выразить.

— Базанова всегда тут, — улыбнулась девушка. — Только у нее сейчас клиент. — Встретив недоуменный Димин взгляд, объяснила: — Она ведь мастер маникюра, очень хороший. Когда есть время, продолжает работать, чтобы квалификацию не терять.

— Тогда я тоже хочу сделать маникюр!

— К Юлии Аркадьевне очередь — на месяц вперед... но пара минут, у нее, наверное, найдется.

Она нажала кнопку внутреннего телефона, покосившись на журналиста, понизила голос, однако Полуянов все равно услышал:

— Юлия Аркадьевна, вы клиентку уже замочили?

Дима, не удержавшись, фыркнул, и администраторша, положив трубку, виновато стрельнула в него глазами:

— Извините. Профессиональный жаргон.

— А еще мастера маникюра клиента могут «отпилить» и «зарезать», — раздался вдруг за спиной Полуянова веселый женский голос.

Он обернулся и опешил.

Изабель, помнится, говорила, что ее компаньонка по бизнесу — «страшней войны». Однако напротив Димы стояла удивительно эффектная, ухоженная, стильная женщина. Да, мулаточка превосходила свою напарницу — по юности и красоте. Зато в глазах Базановой светился ум, играла хитринка. Полуянов сразу понял — из подобной штучки вытянуть сведения втемную никак не получится.

— Юлия Аркадьевна, я хотел вашему салону — и лично вам — кучу комплиментов наговорить, — обезоруживающе улыбнулся он. — Ну и заодно пару вопросов задать. Я, вообще-то, журналист, Дмитрий Полуянов из газеты «Молодежные вести».

— О, издание серьезное, — подняла бровь Базанова и осторожно поинтересовалась: — А на какую тему вы пишете?

— К индустрии красоты она отношения не имеет. Да я и вообще не уверен: будет ли статья, — честно признался Дима и, понизив голос, добавил: — Я хотел поговорить про вашу компаньонку. Про Изабель Истомину.

Глаз с Базановой не сводил, потому ошибиться не мог: по лицу женщины промелькнула гримаска неудовольствия.

— Хорошо, — кивнула она. — Давайте после вашей стрижки поговорим.

Когда Полуянов — похорошевший, помолодевший, благостный — вышел из кабинета лауреата международного конкурса Теодора, Базанова уже ждала его в холле.

— Пойдемте в мой кабинет, — поманила она Диму за собой.

Войдя и устроившись в уютном кресле для посетителей, Полуянов пробежался глазами по кабинету. На стеллажах — аккуратные рядки папок. Калькулятор, блокнот, телефон — лежат на столе ровнехоньким рядком, на подоконнике вместо цветов — «Финансист» Драйзера.

— Я специально из кабинета все чисто женское убираю. На работе, считаю, цветочкам с рюшками не место, — поймав его взгляд, пояснила Юлия Аркадьевна.

— Ну, вы ведь не заводом управляете, а салоном красоты, — возразил Дима.

— Без разницы, чем управлять. В бизнесе правила одинаково жесткие. Я Изабель иногда даже завидую. Как она может до такой степени в облаках витать? Взять хоть этот ее океанариум. Да, красотища. Десять тысяч литров. Но мы-то по ценам в эконом-классе работаем! Не окупится ее рыбе королевство никогда в жизни. А все эти разговоры, что Изабель ведет: будто клиенту достаточно один раз увидеть наших рыбок, и он будет ходить только к нам, считаю полной чушью. Не в рыбках дело, а в мастерах. — Базанова помолчала немного и философски добавила: — Но музыку-то заказывает тот, кто платит. Вот и приходится идти навстречу. Иногда.

— Вы давно знакомы?

— Изрядно. Лет семь, не меньше. Изабель раньше моей клиенткой была, ко мне на маникюр с педикюром ходила. Сначала в салон, а потом, когда я уволилась и только на себя решила работать, — домой. Дружить — нет, никогда не дружили. Но болтали, конечно, всегда. Она мне на жизнь пожалуется, я ей — тоже. А как-то осенью я обмолвилась, мол, устала ужасно — когда дом и работа в одном месте. Но опять в парикмахерскую идти, на чужого дядю гнуть спину — глупо. Надоело мне ни за что до половины заработка отдавать. И тут вдруг у Изабель глазки загорелись. Губу закусила, подумала пару секунд и говорит: «А давай, мы с тобой собственный салон откроем! Специально под тебя — и под твои таланты!» Я, конечно,

опешила: «С ума сошла?! Ты знаешь, какие это деньги?» А она мне — важно так: «Ну, не больше ведь, чем двести тысяч долларов! А они у меня есть». «Откуда?!» — удивилась я. Знаете, мастер всегда видит, чего его клиент стоит. Даже не обязательно знать, где тот работает. По деталям ясно, по штрихам: какое кольцо, обувь, колготки носит. По реакции в обычном разговоре — что для человека дорого, что дешево. Ну и я место Изабель давно определила: средний класс. То есть, очень средний. Квартира, машина есть, но зарплата, по московским меркам, скромная. Она пыталась на телевидении карьере сделать и очень гордилась, что ей, в конце концов, свою программу доверили вести. Я поздравляла ее, конечно, но была почти уверена, что долго Изабель там не продержится.

— А откуда у нее двести тысяч долларов взялись? — задумчиво спросил Полуянов.

— Сказала, что отец дал. Он за границей работает, в Танзании. Всегда переживал, что дочери мало внимания уделяет. Да и материально до последнего времени ничем особо помочь не мог. А тут вдруг заключил очень выгодный контракт, получил огромный аванс — и отдал его дочери. На развитие собственного дела.

— Добрый человек, — усмехнулся Полуянов. — И рисковый.

— Рисковый — это точно. Счастье, что я рядом оказалась.

— В итоге-то все замечательно сложилось. Значит, не такая и плохая идея.

— Да бросьте! Чистой воды авантюра! Нам просто повезло. Я ведь всю жизнь только ногти пилила. Просто чудо, что мы в первый же месяц не прогорели. Работали — верите? — сутками, реально. Изабель с рыбками своими сначала хотела нанять специально обученных людей, а я на дыбы: «Нет уж, говорю, подруга, я тут плитку в туалете собственными руками кладу, а ты будешь наемным работникам указания раздавать?» И ничего — согласилась со мной, сделала все сама. Выбирала аквариум, закупала грунт, все эти компрессоры, замки, живность. Хоть немножко наша принцесса своими белыми ручками поработала.

— А вы не очень любите свою компаньонку, — заметил Полуянов.

— А крепостной барина никогда не любит, — согласилась Базанова. — Но не восстаю пока, терплю. А что еще остается? — Она вдруг лукаво улыбнулась и добавила: — А вы ею, кстати, интересуетесь как журналист или как мужчина?

— Изабель просто предложила для моей газеты интересную тему. Про некую бабу Леру...

— О, господи! — фыркнула Базанова. — Она уже до самих «Молодежных вестей» добралась с этой своей старухой-реликтом! Очередная без-

умная идея! Ну, да, я все понимаю: заслуги этой бабули, ее бесценный опыт, огромное научное значение разработок и прочая, прочая. Но только одно дело — юных девчушек гонять, спортсменов, и совсем другое — наши возрастные, изнеженные клиентки, которые за занятия немалые деньги платят! Я ведь не просто так говорю. Не поленилась, сходила к этой старухе на тренировку, она в университете физкультуру ведет. Мрак и ужас. Лечь! Встать! Быстрее! Шевелись! Бегом! Девочки с ее занятий все в поту вылезают, бледные, под глазами мешки. Но у них организм молодой, выдержит. А у нас-то возраст — от тридцати и старше! Если вдруг после занятия инсульт или инфаркт? Кто будет отвечать? В общем, тут я стояла насмерть: баба Лера, при всех ее регалиях, в нашем салоне вести стрейчинг не будет. А Изабель все щебечет: «Да ты не понимаешь! У нее уникальная авторская программа! Да у меня — благодаря ей! — на всю жизнь пресс, как камень, хотя я спортом уже много лет не занимаюсь! Да, пусть тяжело — но все реальные успехи ведь только через пот и слезы даются!»

— Изабель, вроде, бывшая спортсменка? А чем она занималась? — неожиданно перебил Юлию Полуянов.

— Э... наверное и не скажу... Подождите. Она упоминала: ОФП, хореографию, соревнования, нагрузки запредельные. А вот чем именно занималась... Не знаю. Однажды я ее прямо в лоб спросила, а она отмахнулась: «Даже говорить не хочу». Ну, не хочешь — и не надо.

Дима внимательно взглянул на Юлию Аркадьевну и задал следующий, ключевой, как он считал, вопрос:

— А Изабель говорила вам, что баба Лера — она же заслуженный мастер спорта и кандидат наук Валерия Константиновна Наконечная — неделю назад умерла?

— Ой! — пискнула Юлия и поспешно перекрестилась. — Пусть земля ей будет пухом! — Она растерянно взглянула на Диму: — Почему вы сразу не сказали? А я про нее гадости говорю! — Помолчала немного и, опустив голову, пробормотала: — Нехорошо, конечно, так... но, может, оно и к лучшему, что наш с Изабеллой спор сам собой разрешился.

— Вы знаете, кто это? — Полуянов протянул ей пресловутую фотографию.

Она недоуменно уставилась на снимок:

— Так это она и есть, баба Лера. Но только выглядит очень странно. — Затем прищурилась, вгляделась и, отшатнувшись, с ужасом посмотрела на Диму: — У нее глаза неживые!

— Ну да. Она мертвая.

— Но кто это сделал? И зачем? — прошептала женщина.

— Вопрос, — развел руками Полуянов.

— Вы меня, что ли, подозреваете? — Базанова истерически расхохоталась. — Послушайте, молодой человек! За кого вы меня принимаете? За истеричку? За сумасшедшую? Я не скрываю, что завидую Изабель. Иногда, когда ссоримся, убить ее готова. Но карточки с трупами присылать? Я что, похожа на сумасшедшую?! Уберите это, пожалуйста. — В глазах ее выступили слезы. — Не могу смотреть. У кого только рука поднялась — так над пожилым человеком поиздеваться?..

Однако Полуянов притворился, что не расслышал просьбы, и спросил:

— У Изабель Истоминой есть враги?

— Господи, я не знаю! Я, оказывается, вообще ничего о ней не знаю!

— Вы, кстати, в курсе, что она свою квартиру продает? — словно бы между делом, поинтересовался журналист.

— Зачем?! — изумилась Базанова.

— Говорит, что тяжело каждый день на работу в пробках ездить.

— Что за чушь! Она появляется здесь, от силы, два раза в неделю! И приходит в двенадцать, это самое раннее.

— Может быть, Изабель работает где-то еще?

— Да нет же! Ей очень нравится быть, как она говорит, рантье. Получать ежемесячный процент от прибыли. Возиться со своими рыбками. Мастеров любит тестировать — кто у нас в салоне на испытательном сроке. — В голосе Базановой прозвучал плохо скрытый сарказм. — По магазинам ходит. — Она виновато взглянула на Полуянова и поспешно добавила: — Вы не думайте, я, на самом деле, к ней нормально отношусь. И очень благодарна, что она профинансировала салон, дала мне возможность заниматься любимым делом. Просто мы никогда не были особенно близки. А сегодня я поняла, что она для меня абсолютная загадка. — Юлия помолчала и вдруг как-то оживилась, глаза загорелись, и она проговорила: — Слушайте, у меня появилась мысль. Не знаю, здравая или нет, но когда мозговой штурм — любые ведь идеи принимаются, верно? — Вытащила из ящика стола планшетник, забормотала: — Сейчас... я, кажется, то письмо не уничтожила. Когда это было? Полгода назад? Больше? Ага, вот оно. Полюбуйтесь! — и передала планшетник Полуянову.

С экрана ему улыбалась Изабель. Явно постановочный снимок: вычурная поза в аляповатом барочном кресле, локоток манерно оперся о подлокотник, ноги изящно скрещены. Очень много макияжа, темный наряд, неестественная улыбка.

— Ничего вам странным не кажется? — спросила Базанова.

— Ну... в жизни она лучше, — честно признал журналист.

— Красное кресло, черное платье. Черный лак на ногтях, ярко-красные губы. Слишком бледное лицо, черные тени под нижними веками. На что-то похоже, не так ли?

— Да, правда... — растерянно пробормотал Дима. — Черное и красное. Цвета смерти.

— Именно! — торжествующе отозвалась Базанова. — Гоголевская Панночка! Хоть сейчас укладывай в гроб. Я когда снимок увидела, сразу ей сказала: этот фотограф над тобой просто издевается! А она обиделась, мол, ничего я не понимаю в настоящем искусстве.

— Так-так! — встрепенулся журналист. — Что за фотограф, фамилию знаете?

— Да какой-то... слушайте, не помню. То ли с телевидения, то ли из глянца.

Полуянов снова извлек снимок мертвой старухи. Да, ему не показалось: Изабель и баба Лера даже в позах сидели похожих. Глубокое кресло, ноги скрещены, правая рука на подлокотнике...

— Вы перешлете мне эту фотографию? — попросил он Базанову.

— Да хоть сейчас, — кивнула она. — А если нужно, могу и распечатать. Цветной принтер есть, на оргтехнике мы решили не экономить.

Глава четвертая

Этой ночью Надя никак не могла уснуть, ворочалась с боку на бок, прислушиваясь к Димкиному дыханию, и только где-то около трех сон все же сморил ее. И тут же, как ей показалось сквозь дрему, зазвонил Димкин мобильник.

— Вот зараза! — пробормотал сквозь сон Полуянов и, не открывая глаз, дотянулся рукой до тумбочки. На ощупь нажал на прием и пораженно воскликнул: — Изабель?! — Затем протер глаза, приподнялся на локте и сердито добавил: — Разумеется, мы спим. Что?.. Так вызывай полицию, зачем ты мне-то звонишь?

Надя взглянула на часы — пять утра. Удивительная, просто феерическая наглость.

— Да, я приеду. — вдруг пробормотал Дима и, виновато взглянув на Надю, добавил: — Минут через двадцать.

— Куда ты собрался?! — взвилась Митрофанова, едва Полуянов нажал на отбой.

А он решительно выпрыгнул из постели и твердо произнес:

— Надюшка, у нее проблемы. Похоже, какой-то криминал. Я должен поехать, надо ей помочь. Изабель просто больше некого попросить.

Митрофанова задохнулась от негодования:

— Ты сошел с ума! Мы ее знаем всего лишь один день, а ты уже решаешь ее проблемы!!!

— Прости, — вздохнул Полуянов.

И начал торопливо одеваться.

Дима понимал, что ведет себя как свинья, и никаких оправданий ему нет, однако все равно гнал по притихшей утренней Москве со скоростью под сто. И плевать, что столица в последние годы вся оцетинилась камерами слежения. Подумаешь, штрафы! Ему казалось, что он мчится на первое в своей жизни свидание! Что за наваждение навалилось...

Он даже голову не ломал, что за такой ужас увидела в салоне красоты Изабель. Куда важнее просто снова оказаться с ней рядом, нырнуть в огромные синие глазищи на смуглом лице и сказать успокаивающие слова: «Не бойся. Я с тобой».

До Замоскворечья, где располагался салон, со своей северо-восточной столичной окраины Полуянов домчал за рекордные пятнадцать минут. Половина шестого утра, даже самые упорные трудоголики еще не проснулись. Двор был напичкан машинами под завязку. Полуянов загородил выезд гламурному «мерседесу», забитому мягкими игрушками и талисманчиками, — вряд ли его хозяйка просыпается раньше десяти утра, вышел из машины и торопливо взбежал по ступенькам салона.

На первый взгляд все выглядело вполне мирно: окна целы, дверь аккуратно прикрыта. Но не заперта. В холле полумрак — рассветная синь только-только начала пробиваться сквозь жалюзи.

— Изабель! — вполголоса позвал журналист.

Девушка не отозвалась.

Он вошел в холл. Дверь за его спиной томно звякнула колокольчиком и закрылась. На стойке администратора царил идеальный порядок, на столике подле клиентских кресел — как и вчера вечером — красовалась икебана, элегантно выложены модные журнальчики. Может, отчаянный звонок — всего лишь повод?

— Изабель, ты где? — повторил он, уже с раздражением.

Ощущение, что в салоне никого нет. И никаких следов беды, взлома.

Разве что... взгляд его упал на пол. Он был мокрый — и следы вели из холла в директорский кабинет.

Больше Дима не колебался ни секунды — рванул туда, распахнул дверь. И первое, что увидел, — недвижимое тело Изабель на пороге.

Так и не дождавшись Димы, Надя решила отправиться на «академическую квартиру» одна. Она никак не могла успокоиться — надо ж быть такой дрянью! Позвонить в пять утра, нагородить такого, что Димка, будто укушенный, тут же из дома умчался. Ее совсем не интересовало, что именно на исходе ночи настолько перепугало Истомина. Она не сомневалась, что повод совершенно надуманный.

Естественно, на ее звонок в дверь никто не ответил. Надя вспомнила, что Изабель отдала ей запасные ключи, полезла в сумочку, достала их и

всунула в замочную скважину. Стыдно было, но что оставалось делать? Она осторожно прошла в квартиру, в гостиной внимательно осмотрелась и направилась к шкафу. Что ж, раз она все равно здесь, можно тщательно прошерстить «логово врага» и найти... что? Какой-нибудь тайник с наркотиками или порнографическими снимками?.. Или же, допустим, сейф. Но как его вскрывать? Она же не преступница!

Бежать отсюда, скорее прочь, домой — и замкнуться в обиде, в гордом молчании. «Зачем только я в это ввязалась!» — в тысячный раз упрекнула себя Митрофанова и злобно пнула огромного плюшевого медведя, тарасившего на нее целлулоидные глаза со специальной низкой подставочки.

Она еще вчера обратила внимание на странное дизайнерское решение — обставить квартиру детскими игрушками. Изабель настолько инфантильная особа, что до сих пор в куколки играет? Или, может, она — коллекционерша? Надя (уже по-хозяйски) распахнула дверцу шкафа, взяла в руки первого попавшегося зверя. Швы кривые, мех тусклый. Пахнет старостью и пылью. Явно давно здесь лежит. Хоть бы в химчистку его сдала, горе-хозяйка!

Надя брезгливо вернула зайца на место, уже собралась захлопнуть дверцу и тут вдруг заметила на заднем плане загороженный игрушками кубок. Плохенький, краска потрескалась, но выгравированная табличка сияет ярко: «Победителю регионального этапа юниорского чемпионата России». Рядом — еще один. Тоже не слишком презентабельный — зато написано на нем не по-русски, кажется, на итальянском. *Al vincitore di competizioni*.

Ага, все-таки нашлось подтверждение спортивным подвигам мулатки. Хотя, будь ее спортивная карьера по-настоящему успешной, она бы не задвигала свои кубки поглубже, пряча их за игрушками. «Видел бы сейчас Димка, как я роюсь в чужой квартире по шкафам!» — виновато подумала Надя. Впрочем, Полуянов сам ей однажды сказал: «Чтоб узнать правду, все средства хороши».

Она закрыла верхнюю дверцу и выдвинула один из нижних ящиков. Ничего себе, бардак! Вперемешку валяются гарантийные талоны, чеки, рекламные проспекты, ручки без стержней, заколки, скрепки, салфетки, гляцевые журналы. Совершенно ничего значимого (кроме уже имевшейся информации, что хозяйка Изабель — никакая).

Однако Надя не собиралась сдаваться и выдвинула следующий ящик, в котором оказалась кучка фотографий. Она оживилась, начала перебирать снимки и поморщилась — на первый взгляд, типичная гламурная скукота. Изабель — в выверенных, но очень банальных позах — в парке, в ресторане, на фоне Эйфелевой башни. Отдельной пачкой фотографии Истоминой, одетой в спортивный костюм: красавица качает пресс, выполняет прогибы, наклоны. Видно, со съемок передачи по фитнесу. «Просто супер,

что твою программу на телевидении прикрыли», — злобно подумала Митрофанова и вернулась к обычным, не постановочным фотографиям.

...А подруг-то у звезды, похоже, негусто. На большинстве — Изабель одна. С вымученной, на камеру, улыбкой. Вот конверт с небрежной надписью «Барселона». Огромное количество любительских, очень заурядных пейзажей: Гауди, фуникулер, море. И только на паре фотографий снята Изабель. В гордом одиночестве, без подруги, без друга.

«Все же странная она! Я бы в такой поездке просто с тоски умерла», — снисходительно подумала Надя.

Однако уже следующий конверт — с пометкой «Сейшелы» — заставил ее сердечко затрепетать от зависти. На экзотические острова Изабель отправилась не одна. Здесь ее повсюду сопровождал мужчина. Да какой! Лет тридцати, породистое лицо, фантастическая фигура, глаза умные, ироничные. Они выглядели идеальной парой. И смотрели не в камеру, а друг другу в глаза. С нежностью и любовью.

На фотографиях дат не имелось. Однако на конверте из фотоателье стоял штампик: заказ получен полгода назад. И где, интересно, неопиcуемый мужчина сейчас?

В квартире никаких следов его присутствия. Разлюбил? А Изабель — чтобы отомстить! — ему срочно замену ищет?

«Нет уж, милая. С моим Димой у тебя таких фотографий не будет», — сквозь зубы пробормотала Надежда, с отвращением запихнула свидетельства чужого счастья обратно в конверт и хотела уже закрыть ящик, но вдруг увидела в разноцветье пестрых красок непривычно черное пятно. Заинтересовалась, выудила снимок. Ох, ничего себе, в каком непривычном Изабель интерьере! На кладбище, возле разверстой могилы. В траурной одежде, с перевернутым, очень бледным лицом. Глаза — печальные, пустые. Явно провожает в последний путь кого-то близкого. Стоит одна, как неприкаянная.

Надя жадно уставилась на фотографию. Да, это реальные похороны. Видна развороченная земля и кусочек гроба — дорогого, лакового.

«Кого, интересно, она хоронит?» — задумалась Митрофанова.

Впрочем, какая разница? Она вдруг почувствовала беспросветную усталость. И безнадегу. Чужая квартира, бессонная ночь. Чужая женщина, на помощь которой умчался Дима. Глупо копаться в чужих вещах. Бессмысленно искать компромат на Изабель. Если Полуянов влюбится по-настоящему, он все равно уйдет к прекрасной мулатке. Даже если та окажется махровой преступницей.

И все же чужая жизнь словно заморозила ее, и Надя выдвинула последний, самый нижний ящик. Здесь аккуратной стопочкой лежали несколько папок из кожзаменителя. В первой были детские рисунки, а из второй прямо в ее руки вылетел отпечатанный на принтере листочек.

«Постановление об отказе в возбуждении уголовного дела», — успела прочесть Митрофанова. И вдруг отчетливо услышала, как в замке поворачивается ключ.

— Изабель! — бросился к девушке Полуянов. И облегченно понял — дышит, значит, жива!

Вдруг Изабель открыла глаза и рывком села. Увидев Полуянова, схватила его ладони и, прижимая их к своему лицу, проговорила сквозь слезы:

— Дима, Дима! Как хорошо, что ты приехал!

— Изабель, что здесь произошло?

Она жалобно взглянула на него — глаза блестели от слез:

— Мой аквариум... Они самое дорогое уничтожили! Пожалуйста! Сходи туда прямо сейчас! Может, мне все просто показалось?

Полуянов торопливо поднялся, прошел по зловеще тихому коридору до комнаты медитаций и распахнул дверь.

Красавца аквариума больше не существовало. Вместо него пол устилали груды осколков, по полу разлетелись камешки, водоросли. Вода пропитала ковер и чавкала под ботинками. Пара несчастных рыбок изогнулась в агонии прямо у его ног.

А на диване, откуда Дима еще вчера любовался рыбьим царством, картина оказалась еще ужаснее — он весь был усеян разноцветными мертвыми рыбками. Однако лежали они не вповалку, а в прихотливом и по-своему даже красивом узоре. Круг, рядом еще один. Потом что-то вроде цветка. А рядом — снежинка, только не белая, а сделанная из сине-красных полосатых рыбешек (Полуянов даже вспомнил, что они называются неонами).

Вот это да!

Каким же нужно быть психом, чтобы такое сотворить?!

Дима торопливо вернулся в директорский кабинет, сел на диванчик рядом с Изабель и твердо произнес:

— Я читал, что рыбы умирают легко, совсем не мучаются. И сейчас им уже все равно.

— Дим... Но ты ведь понял, что она меня специально изводит?! — убитым голосом прошептала Изабель.

— Что значит — «специально»?

— Это типа послания мне, понимаешь? Узоры, все эти картины на диване. Они не просто так. Это фигуры из синхронного плавания.

— Что-что?!

— Там такой цветочек из рыбок — он называется «Витязь». Открытый поворот на 180 градусов, шпагат вниз головой во время вращения... А круг назад, прогнувшись — это «дельфин». Все точно по классификации!

— Ты занималась синхронным плаванием?

— Ну... я, вообще-то, в сборную Москвы входила. В юниорскую, правда.

— А я думал, ты гимнастка.

— Да меня кем только не считают, — слабо улыбнулась девушка. — Гимнасткой, акробаткой, фигуристкой. Я... я просто никогда не ашифи... не афишири... ну, в общем, не хвасталась своим спортивным прошлым. Да и нечем особо хвастаться. Сборная города, да еще второй состав. Ездили, в основном, по России, за границей только пару раз бывала. А потом и вовсе пришлось из сборной уйти.

— Понял. А скажи, бабу Леру свою — Валерию Наконечную — ты отсюда, из спорта, знаешь?

— Ну да. Она у нас ОФП вела.

Полуянов задумался.

Итак, вчера красавице прислали фотографию мертвой тренерши — в вычурной позе. А следующим шагом стал — разбитый аквариум. И снова художественное творчество — с мертвыми телами. На этот раз, правда, не людей — рыбок. Фигуры из синхронного плавания, подумать только.

Изабель подозревает в своих бедах совладелицу салона Юлию Базанову. Но та утверждает, что вообще не знала, каким именно спортом занимается Изабель. Да и не стала бы никогда громить собственный салон.

Мститель — или мстительница — как-то связаны со спортом?

Однако — точно в той же мере — он (или она) могут иметь отношение — к смерти. Некто имел возможность — и явно не боялся! — фотографировать в морге. А здесь, в салоне, хладнокровно наблюдал, как задыхаются рыбехи, а потом — компоновал их тельца в узоры.

Явный псих!

Не удержавшись, Дима повернулся к Изабель и спросил:

— Почему ты оказалась в салоне? В пять утра?

— Ну... так получилось, — потупившись, ответила она.

— Ты не первый раз здесь ночуешь?

— Да нет, с чего ты взял?! Говорю тебе, случайно вышло.

— Все равно расскажи.

— Господи, да пожалуйста! Я на приеме была, в загородном доме. И думала, что ночевать там останусь. А потом выяснилось, что комнат на всех не хватает. Вот в Москву и отправили — именно меня, потому что я только одна не пила и могла машину вести. Но куда было ехать? До салона намного ближе, чем до квартиры, вот я и решила: переночую здесь. Тут у нас и диван, и все удобства.

— А что за прием, у кого?

— Ой, ну, какая разница?! — оцетинилась Изабель. — Один мой знакомый фотограф друзей собирал. Он где-то раз в месяц так делает. Кор-

межка, всякая развлекалка. Ну и какой-нибудь флешмоб обязательно. Прикольный. В этот раз мы фруктами одевались. Я клубничкой была, со сливками. Фотки получились — вообще чума!

— И во сколько это ваше действие закончилось?

— В три ночи. Народ уже весь был никакой. Выпивки-то всегда полно. Я, хоть и не пила, устала жутко. Только и мечтала, как сейчас в постель упаду... А Золотой вдруг ко мне подходит, морда виноватая: «Изабель, народу слишком много, укладывать некуда. А выгонять нельзя — все пьяные. Может, ты, трезвенница выручишь? Домой спать поедешь? Или ко мне в спальню давай, я тебе всегда рад». Ну, я психанула, конечно, и уехала. Сюда. А тут такое...

— А сколько на приеме народу было?

— Я считала, что ли? Человек сорок, не меньше.

— И домой отправили только тебя?

— Так я же говорю, все остальные набухались. Ты ведь журналист, сам должен знать, как на светской тусовке пьют!

— А кто знал, что ты поехала спать именно в салон?

— Многие знали. Они еще насмехались: мол, была у лисы избушка ледяная, у зайца лубяная. Смотри, Изабель, дождешься: тебя из собственной квартиры вообще выживут! Что мне было отвечать? Типа: «Я не боюсь. Буду в офисе жить, у меня там все удобства».

— Хорошо, — сменил тему Полуянов, — когда ты приехала сюда, дверь в салон была заперта?

— Понимаешь, — смутилась Изабель, — когда я повернула ключ, мне, вроде, показалось: замок слишком легко открылся. Но у нас такой... символический, поэтому я не забеспокоилась.

— А сигнализация?

— Ее пока нет, — вздохнула она. — Не успели еще поставить.

— А почему ты именно мне позвонила? В пять утра? — внимательно посмотрел на нее Полуянов.

— Ну, я как подумала, — начала растерянно объяснять Изабель, — рыбок моих явно тот же придурок убил, кто фотографию бабы Леры прислал. А я про нее только тебе рассказывала. Вроде как, получается, ты один и в теме. Слушай, а хочешь, я вообще тебя найму? Будешь моим частным детективом? За деньги?

Прелестно! Просто прелестно!

Однако статья для «Молодежных вестей», и правда, может получиться неплохой. В любом случае, он уже здесь, и глупо упускать эксклюзив, который сам идет ему в руки.

Полуянов извлек из портмоне фотографию Изабель — ту самую, что распечатала ему совладелица салона красоты, и, протянув ее девушке, поинтересовался:

— Ты не у этого фотографа, случайно, сегодня в гостях была?

— Дима! Ты просто гений!

— Я знаю, — не стал скромничать Полуянов и задумчиво добавил: — Значит, его фамилия Золотой... Давай, рассказывай все, что знаешь об этом типе.

Ключ повернулся, входная дверь скрипнула.

Митрофанова ахнула, торопливо вернула бумажку на место, захлопнула ящик, бросилась прочь из гостиной — и на пороге комнаты едва не сбила с ног домработницу Истоминой.

— Здравствуйте, — растеряно пробормотала она.

— Здравствуй, здравствуй. — Тамара Кирилловна наградила девушку неласковым взглядом: — И что ты тут делаешь, интересно? Вижу, в шкаф лазила. Зачем?

— Иг-грушки рассматривала...

— Самое то занятие для шести утра, — хмыкнула женщина. — Кому другому рассказывай: игрушки она смотрела! В ящиках небось рылась. Да ладно, не отпирайся. Мне бы тоже интересно было. Лизка сама виновата, что чужих людей в квартиру пустила. Где она сама-то?

— А вы не знаете?

— Ну, это ведь Лизочка! Вечно у нее суматоха, пожар. Позвонила среди ночи, нагородила с три короба: что какие-то срочные дела, немедленно, мчусь, убегаю. Выручай, тетя Тамарочка! — Она вдруг окинула Надю цепким взглядом и спросила: — А ты чего без мужика-то своего пришла?

— Да беда в том, — вздохнула Надя, — что Изабель ваша в пять утра позвонила нам. Рыдала, мол, помогите, спасите, больше помочь некому.

— И твой что, поехал спасать? — изумленно спросила домработница. — Ну, Лизка! Ну, негодница! — всплеснула она руками, жалостливо посмотрела на Митрофанову и вдруг предложила: — Хочешь, я тебе кофе сварю?

У Нади не было никакого желания оставаться в логове врага хотя бы лишнюю минуту, однако разум подсказывал, что приглашение стоит принять.

— Пойдем, пойдем. — Домработница ласково обняла ее за плечи, потянула за собой в кухню, усадила, хлопотала над джезвой. — Нет, ну, всегда я знала, что Лизочка без царя в голове, но сегодня что-то вообще за гранью. Надя, ты на нее только не обижайся. Она хорошая. Просто привыкла, что мужиками может вертеть. А те — дураки! — нет бы рявкнуть, рот разинут и носят ей тапочки, будто собачки комнатные. Но ты не волнуйся, твоего она соблазнять не станет. Использует — а потом в щечку дружески чмокнет и скажет спасибо. У нее манера такая: любую проблему — даже крошечную — на других перевешивать.

— Но они с Димой едва знакомы! — возмущенно отозвалась Надя.

— Наверное, сегодня ей нужен был именно журналист, — вздохнула Тамара Кирилловна. — И других кандидатов у нее под рукой не оказалось. — Она разлила по чашкам кофе и укоризненно добавила: — Но я и на мужиков удивляюсь! Почему они-то позволяют, чтобы из них веревки вили? Твой Дима что, не мог просто послать ее, что ли?

— Но она ведь в трубку рыдала! Мол, беда у нее, и помочь некому.

— Артистка, ох, артистка! — поджала губы Тамара Кирилловна. — А мне звонила — такая спокойная, веселая почти что.

— Так может, — ахнула Надя, — она просто все придумала? Только чтобы Диму вытащить?!

— Нет, нет, — тут же закудаhtала домработница. — Лизочка не такая! Говорю же тебе: мужчину привлечь, чтоб ее проблемы решал, это да, она может. Но специально интриговать, врать — нет, не будет. Да и мозгов, между нами, у нее на это не хватит. Но ты, конечно, бдительность не теряй. Парня своего больше с ней не отпускай. Сама-то Изабель соблазнять его не будет, но мужик — он ведь по натуре слаб, сам не заметит, как втрескается по уши.

— Но почему у вашей Изабели нет каких-то других мужчин? — возмущенно спросила Надя. — Какое она вообще имеет право на посторонних людей свои проблемы вешать?!

— Ну... девчонки посреди ночи на помощь не побегут, а мужчины у Лизочки сейчас не имеется.

— Да быть не может! — У Нади перед глазами тут же встали фотографии с сейшельскими объятиями.

— И зря не веришь, — убежденно проговорила домработница. — Помякать мужиками Изабель научилась, а пару себе так и не нашла.

— Неужели и не влюблялась никогда? — невинным тоном поинтересовалась Надя.

— Ах, да, — хмыкнула Тамара Кирилловна. — Ты ведь по ящикам рылась, фотки видела. Лизка с Юрием на Сейшелах целую пачку нащелкали... Там у них та-акая любовь была...

— И что? Чем все кончилось?

— Да грустно все кончилось, — вздохнула Тамара Кирилловна. — Два месяца назад умер Юрий.

— Отчего?

— Шок. Как это называется... атипический?

— Анафилактический?

— Во-во. Аллергия у него оказалась.

— На что?

— Тебе-то какое дело? Ты врач, что ли? — нахмурилась домработница.

— Да нет, не врач. Просто мама медсестрой работала, и мне много чего рассказывала. — Надя поднялась, поблагодарила за вкусный кофе и произнесла: — Ну что, я поеду?

Домработница метнула взгляд на часы и молча кивнула в ответ.

Глава пятая

Изабель, много лет назад

Жизнь спортсменок от обычных детских буден отличается разительно. Человеку, далекому от «высших достижений», вообще не понять, как только малышам сил хватает? Четыре тренировки в неделю — до школы, с шести до половины восьмого утра. Ну и после уроков — каждый день, по два часа минимум. Суббота — полностью рабочая, утро в бассейне, после обеда ОФП. И только в воскресенье можно выспаться, почитать, посмотреть телевизор, погулять, подтянуть школьные «хвосты».

Что удивительно, юным спортсменкам даже в голову не приходит роптать. Покорно терпят тренировки на износ, ледяную воду, обидные замечания. Спокойно относятся к тому, что тренер, с бортика бассейна может огреть длинной палкой. Держат диету, а если лишний килограмм все равно прицепился, сгоняют его варварскими методами — слабительное, голодовка, долгие часы в сауне.

И все ради того, чтобы стать первой. Попасть в сборную. Оказаться на пьедестале. Услышать гимн в свою честь...

Для успеха в синхронном плавании требуется масса самых разнообразных качеств. Гибкость, пластика, чувство ритма, полный контроль над телом, умение надолго задерживать дыхание, железное здоровье, наконец. Изабель в течение семи лет героически сносила лишения и продолжала грезить о сборной, медалях, поклонниках, квартире от государства... Но теперь, увы, начала понимать: она неплохая спортсменка. И только.

У нее имелись два серьезных козыря: девочка, благодаря собственной системе закаливания, болела крайне редко. А еще, спасибо постоянным тренировкам, она теперь могла просидеть под водой целых три минуты. До мирового рекорда, конечно, далеко, но в родном бассейне поглазеть на ее подвиги толпы собирались.

Только, увы, хорошее здоровье и умение задержать дыхание — в их деле далеко не самое главное. А во всех остальных компонентах Изабель оставалась твердым середнячком. Приличная растяжка, нормальная координация, неплохое чувство ритма — и ничего больше.

Девушка уверенно боролась за призовые места на районных соревнованиях, но сборная страны, похоже, так и останется для нее несбыточной мечтой.

...На этой почве они, наверное, и сдружились с Иришкой Стекловой. Та тоже в их бассейне — своего рода знаменитость. Всевышний одарил ее совершенно сверхъестественной растяжкой. Играючи складывается пополам, перешпагат (это когда одна нога на полу, а вторая — на высокой лавочке) может сделать вообще без разминки. Оттянутость колен, носочков — идеальная. Да и элементы — тот же «дельфин» или сложнейшая «барракуда» ухватывается куда быстрее, чем Изабель. В художественной гимнастике, наверное, неопределимым кадром стала бы. Но, увы, родители привели в синхронное плавание. Ирина мама, видимо, думала: «Дочка часто болеет, авось, закалится, если каждый день купаться будет». Только ничего не вышло из ее планов. Постоянно у дочки: то отит, то гайморит. Две недели отболела, еще столько же освобождение от физкультуры, группа ушла вперед, девочка лихорадочно бросается нагонять, сидит долгими часами в воде, вся в мурашках, губы синие — и снова «на справку».

Но что мать, что дочка — обе упрямыми оказались. Продолжали мечтать о сияющих спортивных вершинах. Однако выше второго состава сборной Москвы Иришка, как и Изабель, подняться не могла.

И тут вдруг — за неделю до весенних каникул — прибежала тренер Галина Васильевна и говорит:

— Девочки! Вас приглашают с основным составом сборной потренироваться!

Изабель обрадовалась. Даже не из-за перспективы заграничной поездки, а просто здорово сбежать на весенних каникулах из дома. Скуотища там. Отец сутками на работе. Мама тоже давно перестала играть с приемной дочкой в заботливую родительницу и целыми днями где-то пропадает: фитнес, косметолог, магазины, подруги. Так что дома только и остается: целый день, на пару с Тамарой Кирилловной, нянюшкой, сериалы смотреть. Нет, лучше в бассейн.

У Ирки ситуация совсем другая. У нее мама и бабушка, обе не работают, души в своей кровинке не чают, накупили на каникулы билетов в театры, обещали каждый день пироги печь. Низкокалорийные.

Но Стеклова тоже от уникального шанса не отказалась.

Выехали они из Москвы в три часа ночи. Путь держали во Владимирскую область.

Автобус прыгал по кочкам, водитель-узбек врубил что-то свое, заунывное, и спортсменки быстро задремали в продавленных креслах. Изабель тоже клевала носом, только Ирка никак не могла успокоиться, скулила в ухо:

— Не то обидно, что каникулы пропали, а что толку никакого не будет! Мы ведь невезучие с тобой, Изабелька... Ну и смысл, ехать в глушь, тренироваться в каком-то деревенском бассейне? Небось сплошная хлорка, опять чешуей покроемся. Я заболею, естественно, сразу, — продолжала

причитать подруга. — Там вода будет — ты в курсе, сколько? Всего двадцать два градуса, я точно знаю!

— Ну, что ты несешь? — не удержалась Изабель. — Есть нормы, по ним ниже двадцати четырех просто нельзя. Что ты сразу все в черных красках видишь? Мы, наоборот, должны настраиваться на то, что все будет хорошо, прекрасно себя проявим, попадем в основной состав...

— Ты, может, и попадешь, — отмахнулась Ирка, — а меня точно не возьмут.

— Это еще что за новости? — возмутилась Изабель. — Мы ведь с тобой всегда и все вместе делаем!

— Вместе-то вместе, только с моей брюквой разве возьмут в сборную? Команда — визитная карточка страны, в газетах как пишут: «наши красавицы-синхронистки». — В последние месяцы у Иришки появился комплекс: лицо у нее — некрасивое, широкое, и глаза маленькие.

— Фу, опять ты хнычешь! — цыкнула Изабель. — Сто раз тебе все говорили: никому дела нет до твоего лица! Главное, чтобы фигура была отличная, а лицо можно нарисовать. Тем более, с прищепками на носах мы все одинаково смешные. В общем, давай зарок друг другу дадим, что костюми на этих сборах ляжем, только бы в основной состав попасть! Это наш последний шанс, другого не будет!

— Один за всех — все за одного, как в книге? Ладно. Давай попытаемся.

И девочки на сборах превзошли самих себя. На зарядку всегда бежали первыми, тренера по хореографии одолевали дополнительными вопросами, после тренировки в воде, когда остальные спортсменки пулей мчались в горячий душ, оставались в промозглом бассейне и до одури отрабатывали мягкий, без единой брызги, нырок.

Однако тренер сборной ни разу их даже не похвалила.

Да они и сами, сравнивая себя со спортсменками из основного состава, видели, что недотягивают. Ни нужной легкости нет, ни четкости, ни синхронности.

Изабель совсем упала духом и как-то сказала подруге:

— Все. Если не возьмут — вообще из «синхронки» ухожу. Надоело.

Но Ирка — несчастная, с насморком — продолжала надеяться...

...В последний день сборов к ним неожиданно подошла главный тренер и сухо сказала:

— Так и быть, возьмем вас на этап кубка в Японию. Но губу не раскатывайте — едете запасными. Паспорта сдать к понедельнику. Вылет — через две недели. Если вопросы, задавайте, даю тридцать секунд, — и выразительно посмотрела на часы.

— А что нам нужно сделать, чтобы попасть в основной состав? Может быть, похудеть, или дополнительно потренировать комплекс, или... — льстивым голосом спросила Ирка.

— Отравить кого-нибудь из основы, — насмешливо взглянула на нее тренер. — Еще вопросы?

— А где мы в Японии будем жить? — выпалила Изабель.

— Тут, малявки, вам повезло, спонсор в этот раз щедрый. Оплатили нам самый центр, отель «пять звезд». Ваше время истекло. До встречи в Токио!

И ушла, не оглядываясь. А девочки остались гадать: то ли, правда, обрушилось на них невиданное счастье, то ли заслуженный мастер спорта над ними просто посмеялась.

Наши дни

На защелку Надя запирается не стала. Ей и в голову прийти не могло, что Полуянову достанет наглости ворваться в ванную. Она вообще боялась, что Димка теперь в ее доме не скоро появится. Или вовсе никогда не придет.

А тот — смотри-ка! — ввалился. Всего-то в девять утра. И выглядел уставшим, обиженным и голодным.

— Полуянов! Ну-ка, вышел отсюда! — рявкнула Надя.

— Эй, Надька, ты чего? — опешил Дима.

— Давай! К Изольде своей иди! Прислуживай! Ножки ее целуй! Может, чего и обломится!

— Надюха! — ахнул Полуянов. — Ты что несешь, глупая?!

— Я думала, ты настоящий мужик, верила тебе! А ты бросил меня ночью, умчался фотомоделю обхаживать. Никогда тебе этого не прощу!

Димка отступил на шаг и присвистнул:

— Да ты, кажись, ревнуешь!

— Не дожدهшься! Это я тебя раньше ревновала! — взвилась Надя. — Страдала, в подушку плакала. Но сейчас, Дима, все. Надоело. Хватит. Все кончено! Убирайся!

— Я что, на свидание, что ли, поехал? — возмутился, в свою очередь, Полуянов. И ринулся в контратаку: — Ты прекрасно знаешь, что я по профессии не бухгалтер, а журналист, причем не гламурненький. А горячие темы — до девяти утра, пока откроются офисы, не ждут. Я поехал на место преступления, а не в какой-то там ресторан. — Полуянов сделал значительную паузу и продолжил: — Изабель мне тему подкинула — исключительно интересную! А что она сама симпатичная — я виноват, что ли? Ты же меня знаешь, я неземной красотой только на расстоянии люблюсь. Как верный пес — сидя у твоих ног.

— Ладно, Мухтар, сказки мне не рассказывай, — буркнула Надя. — У моих ног он сидит! Просто Изергиль твоя хвостом повертела и «продинамила», вот ты и вернулся. С позором.

— На-адя, ну, хватит меня изводить! Чего ты от меня ждешь? Признания? Да, признаюсь: мне было приятно помочь симпатичной девушке.

— Послушай, Дима...

— Надюх, ну, сама подумай! Мы с тобой сколько мешков соли съели вместе? Штук двадцать, не меньше! Пора бы уже понять, что мне нужна — именно ты. И никогда я тебя не променяю даже на самую писаную красотку! Но глазеть на них все равно буду, так и знай. Даже когда совсем состарюсь — из инвалидной колясочки.

Надя, не выдержав, рассмеялась, и, уже окончательно успокоившись, рассказала Полуянову, как провела в квартире фотомодели небольшой обыск, нашла интересные фотографии, а от домработницы узнала, что прекрасный Лизочкин бойфренд скоростижно скончался от анафилактического шока.

— Кроме того, в ящике нашелся один документ, — добавила она. — Отказ в возбуждении уголовного дела. Прочитать не успела, но пару строчек видела: «Истомина И.Н. и Черкашин Ю.Ю. находились в принадлежащей Истоминой квартире», и еще — «Отказать в возбуждении уголовного дела по факту причинения смерти по неосторожности».

— Надька, — уважительно произнес Полуянов, — да ты у меня прямо мисс Марпл! Значит, не исключено, что этот самый Юрий умер в квартире академического дома номер 108. И анафилактический шок ему устроила именно Изабель — потому на нее и пытались уголовное дело завести. М-да. Портрет красавицы становится все более зловещим. Сейчас я тебе еще расскажу, что я про нее узнал.

И он рассказал про фотографию мертвой тренерши, про разбитый аквариум и «послание» из несчастных мертвых рыбешек.

— Какой ужас! — ахнула Надя. — Слушай, давай, наверное, все-таки откажемся от этой квартиры...

— Из-за чего? Из-за дохлых рыбок? — хмыкнул Дима и уже решительно проговорил: — Даже если мы не купим это жилье, я все равно обещал Изабель, что помогу ей в этом деле разобраться.

— Димуля, а почему так странно получилось? — не отреагировав на его выпад, задумчиво произнесла Надя. — Я совершенно случайно нахожу квартиру. Мы приходим ее посмотреть. И хозяйка — по какому-то чудесному совпадению! — тут же подкидывает тебе горячую тему. Такое разве бывает?

— Ты хочешь сказать, Изабель все специально подстроила, чтобы на меня выйти? Типа, заранее знала, что ты — моя подруга, что ищешь четырехкомнатную квартиру в этом районе, и, в качестве наживки, выставила свое жилье на продажу? Чтобы познакомиться со мной и втянуть меня в это дело?! Да ну, Надюха! Слишком сложная комбинация. Тем более, для нашей, м-м... не самой умненькой девочки. Ей просто повезло, что я случайно подвернулся ей под руку и теперь не могу бросить ее в беде.

— Дим, вот как тебя лучше назвать? Дон Кихот или Робин Гуд? Или просто дурак?

— Ничего, я и для себя лично пользу извлеку. Горячую темку разработаю! Короче, Надюха, спасибо тебе за подсказочку про этого Юрия. Я сегодня же постараюсь выяснить, где он умер, как, почему и с чьей помощью. А для тебя у меня будет особое задание. Есть один участочек работы, который только девушка сможет сделать. Точнее, только ты.

— Что еще за участочек?

— Да один фотограф у меня под подозрением. Фамилия эффектная — Золотой. Лауреат, придворный портретист, а также бог и царь для начинающих моделек. Говорят, сделать у него портфолио — уже половина пути к успеху. Вот и прикинешься моделью.

— Я?!

— А что? Ну, или скажешь, что для сайта знакомств нужны фотки. Попринимаешь соблазнительные позы, а заодно разузнаешь кое-что. Я бы сам этого Золотого потряс, да подхода, боюсь, не найду, — вздохнул Полуянов.

— Он «голубой», что ли?

— Нет, там другой нюанс... Он крайне подозрительный тип. Я выяснил, знакомиться с ним, вроде как случайно, можно даже не пытаться. Нюхом чует и посылает куда подальше, а то и охрану может натравить. С девочками — да, бывает милым, но с нашим братом — ни-ни. К тому же живет в настоящем замке. В Подмоскovie. Бодигарды, видеонаблюдение, собаки. Веришь, даже ров у него есть...

— ...куда он меня и сбросит. Спасибо тебе, дорогой!

— Значит, не поможешь? — горько вздохнул Полуянов.

— Нет! — отрезала Надя.

— Ладно, придется что-то самому придумывать... — уныло кивнул Дима. — Но, может, хоть завтрак сделаешь? Жуть, как твоей фирменной яичницы хочется!

Отрезать бы ему: «Пусть Изабель тебе яичницы жарит», но Надя лишь вздохнула, молча повязала передник и отвернулась к плите.

Конечно, Митрфанова не могла подвести Диму.

В тот же день позвонила фотографу по фамилии Золотой и договорилась о встрече.

Когда приехала в элитный поселок — за десять километров от Москвы, — немного оробела. Домики здесь все оказались защищены, будто война может начаться в любой момент, а жилище фотографа и вовсе выглядело настоящей крепостью. Четырехметровый стальной забор, повсюду видеокamеры и даже ров с водой имелся, не обманул Полуянов.

Зато сам Золотой производил впечатление человека наидобрейшего. Оказался он рыхлым толстячком — с розовыми щечками и голубыми, будто у куклы-пупса, глазами. Встретил ее — в блузе художника и в клетчатых тапочках. А уж когда протянул Митрофановой визитку, обрамленную лимонно-желтыми виньетками, да еще и с фамилией Золотой, девушка не удержалась, хихикнула. Невежливо, конечно, но Полуянов ведь сам велел ей в «кошечку-дурочку» играть.

Впрочем, Золотой не обиделся — усмехнулся в ответ:

— Веселись, оно делу только на пользу. Чем у модели настроение лучше, тем удачнее фотки. Тебе для чего, кстати, нужно? Кастинг, служба знакомств?

— Ну... мне просто так. На память. У меня профессиональных фоток еще никогда не было.

— О, — сразу оживился фотограф, — обожаю, когда никаких рамок! — Голубые глазки масляно блеснули: — Давай, может, «Нюшек» нащелкаем? Ну, в смысле, обнаженку? — Окинул ее взглядом знатока и заверил: — Фигура у тебя что надо. Практически Кустодиев получится.

Надя вспыхнула — и вовсе не потому, что Золотой ей сниматься обнаженной предложил, куда обидней оказалась параллель с полотнами «богатыря русской живописи». У нее, конечно, имеется лишний вес, но не настолько ведь лишний!

А Золотой, заметив ее состояние, покачал головой:

— Комплексуешь. И очень зря. Говорю, как знаток: тощие селедки на брачном рынке давно не котируются. А у тебя даже не полнота — просто приятные формы. Ладно, прочь шуточки, с деньгами у тебя как?

— Ну, так... — замялась Митрофанова. — Я в библиотеке работаю.

Полуянов ее, конечно, наставлял, что нужно соглашаться на любую цену, какую «великий мастер» назовет, но только вольно Димке указания раздавать — деньги-то из их общего семейного бюджета.

А Золотой окончательно пришел в восторг:

— В библиотеке?! Да ты что?! Вот это экземпляр! Вот это песня! Слушай, а у тебя подружки там есть? Это ведь можно целый проект замутить! Календарь! Обнаженные юные нимфы в окружении древних фолиантов! Такие фотки с руками оторвут! Соглашайся, красавица. Сразу известной станешь! Фотки бесплатно получишь! Да еще и денег заплачу!

— Послушайте, — решительно прервала Надя пылкую речь, — я пришла к вам сделать пару обычных снимков! В одежде!

— Вот скукота, — поморщился Золотой. — Не тоскливо тебе жить, когда вся такая правильная? Ладно, пойдем тогда в студию. Посажу тебя на стульчик, руки на коленочках. Примерная Маня, сидит, ждет трамвая. Пока причешишь и лицо нарисуй. Только не злоупотребляй, а то как матрешка получишься.

Надя, признаться, ожидала, что у «фотографа экстра-класса» имеется, как минимум, ассистент, а уж гример и стилист — так наверняка. Однако ничего подобного — помогать ей «создать образ» никто не бросился, пришлось краситься самой. Впрочем, Золотой ей в лицо даже не взглянул. Махнул на неудобный круглый стульчик, пребольно ткнул в спину:

— Не сутулься! — Подправил поворот головы, руки и рявкнул: — Теперь ровно минуту сиди абсолютно смирно! Не шевелись, рот не криви и не моргай!

Не стирая с лица снисходительно-презрительного выражения, он сделал, от силы, десяток кадров, тут же переставил флешку в лэп-топ и позвал:

— Иди, любуйся!

Надя почти не сомневалась, что получилась полная ерунда, и очень удивилась, когда увидела на экране элегантную, яркую, стройную девушку. Себя саму — только улучшенную настолько, что никакому фотошопу не снилось.

— Это...я? Да вы гений просто! — потрясенно прошептала она.

— Ерунды не говори, — поморщился фотограф. — Ни страсти, ни изюминки. Обычный лубок. Давай, хоть легкую эротику снимем?

— Я подумаю над вашим предложением, хорошо? — мягко предложила Надежда, на что Золотой лишь фыркнул:

— Да нужна ты мне тысячу лет, еще уговаривать тебя! Я, слава богу, не девятиклассник! У меня бабы сами в очереди стоят, чтоб не в поденщине участвовать — как ты сегодня! — а в настоящих, серьезных проектах. Ты их видела, кстати?

Что ж, вот разговор сам и вырулил на нужную Полуянову тему.

— Да, конечно, да! — Торопливо отозвалась Надя. — Я на вашем сайте смотрела. Серию «Женщины-цветы». А особенно мне «Леди в черном» понравилась. Они там все такие роковые! Зловещие. — Она внутренне напряглась и выдала заранее подготовленную фразу: — Мне даже показалось, что там несколько мертвых. По-настоящему мертвых.

— Глупости! Просто специальный грим, — небрежно отмахнулся фотограф и неожиданно добавил: — Хотя я и *post-mortem* делаю тоже. Но только на заказ. И в открытый доступ никогда не выставляю.

— Э... а что такое — этот «мортем»? — Надя практически вжилась в роль необразованной глупышки.

— Посмертные фотографии, — объяснил Золотой. — Чрезвычайно интересный жанр. Но я работаю по заказу очень серьезных людей, а не для того, чтобы «память была».

— Но зачем вашим серьезным людям фотографировать смерть? — Митрофанова искренне не понимала.

— Да всего лишь потому, что она — самое совершенное, что только можно себе представить. В сознании обывателя покойник — всегда безоб-

разен, вы шарахаетесь от запаха тлена, даже не пытаетесь заглянуть дальше и лишаете себя великолепного зрелища. Ведь человек являет свое истинное лицо, только когда он мертв.

Надя (по классификации фотохудожника) была той самой типичной обывательницей — кладбищ боялась, мысли о смерти от себя гнала. Но что поделаешь, раз обещала Полуянову помочь, придется теперь говорить о мертвецах. И не забывать, конечно, играть роль глуповатой и тщеславной особы.

— Чего хорошего может быть в покойнике? — сморщила она носик. — Это ведь уже не человек — просто оболочка.

— А люди обычные, — усмехнулся Золотой, — подобные фотографии и не смотрят. Жанр *post mortem* — для знатоков. Для элиты.

— Да ну, на трупаков любому смотреть противно! Хоть крестьянину, хоть элите!

— Кому как, — возразил он. — Самый известный коллекционер в нашем жанре Томас Харрис считает, что *post-mortem* прекрасно успокаивают и заставляют задуматься о бесценном даре жизни. А коллекция Бернса, к твоему сведению, насчитывает более четырех тысяч экземпляров и неоднократно выставлялась в лучших музеях мира.

— Да, много в мире извращенцев! — пробурчала Надя. — А скажите, эти посмертные фотографии вы обычно где делаете? В морге?

— Ну, когда молодой был, — где только не снимал! Сейчас нет, — помотал головой фотограф, — по казенным учреждениям не езжу, не тот статус. Говорю, или сюда, в студию привезти, или, если уж очень просят, сам домой к покойному отправляюсь.

— И сколько стоят такие фотографии?

— Дорого, — скупно улыбнулся Золотой. — Очень дорого.

— А вы только за деньги снимаете или иногда просто для удовольствия?

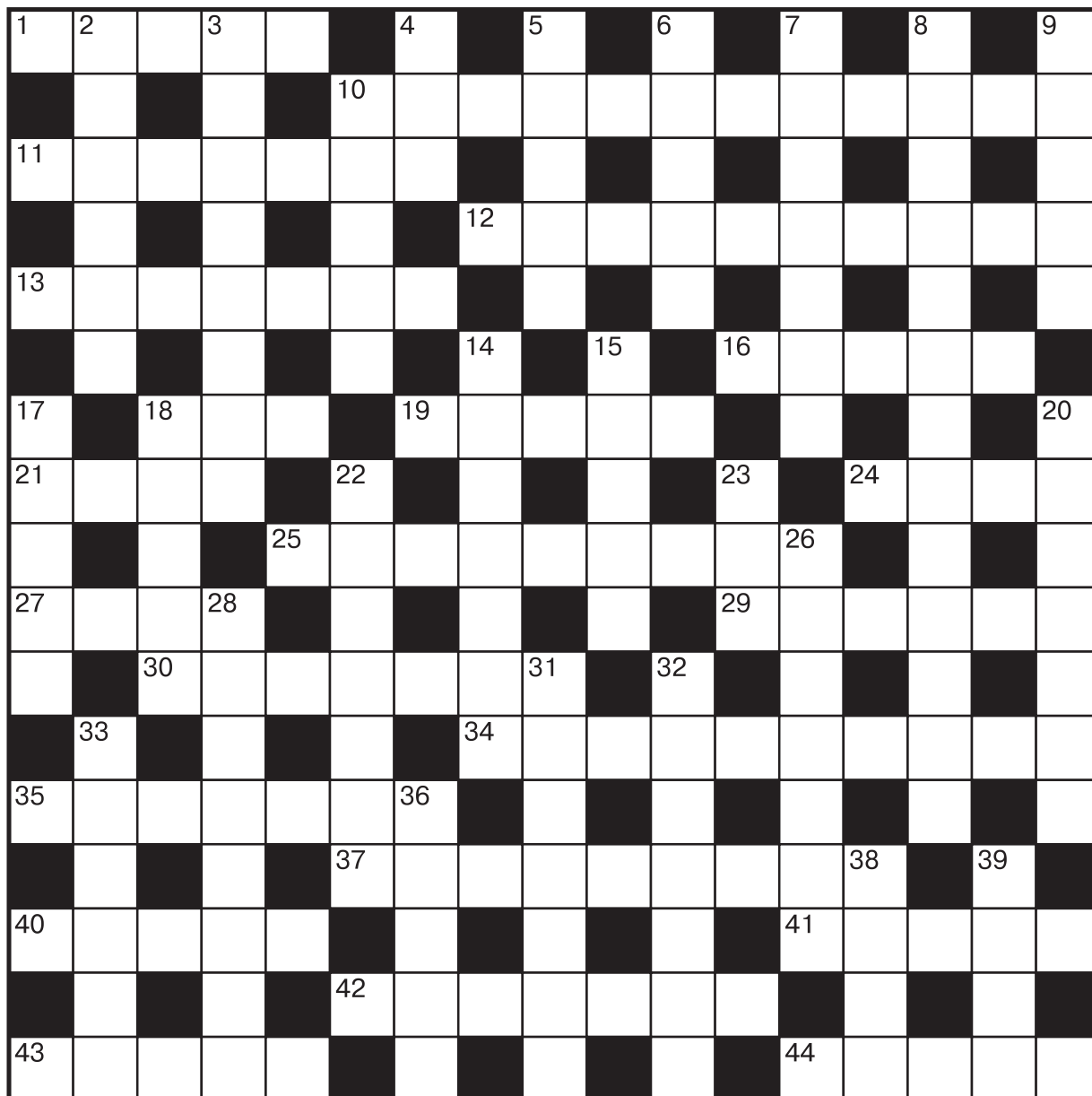
— Слушай, милая девушка. А не слишком ли ты любопытна? — насто- рожился фотограф.

— Ну... вы просто такой человек потрясающий! Потрясающе интересный, — кинулась спасти положение Надя. — Настолько удивительные вещи рассказываете!

— Нет, дорогая моя, теперь стало еще подозрительней. Мы подобное уже проходили, — поджал губы Золотой. — Поет, поет, соловушка, а потом в «желтой» газетенке статейка. Про злого фотографа, который над мертвыми надругался. — Он поднялся и сухо проговорил: — За фотографии с тебя десять тысяч. Держи флешку, деньги клади на бочку, и давай на выход... — И вдруг, ослабившись, добавил: — Пока я тебя в ров не сбросил... □

Окончание следует.

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Слоны могут уплывать на несколько миль в Индийский ... **10.** Профессия Сергея Никоненко из фильма «Зимний вечер в Гаграх». **11.** Мотогонки на гаревых треках. **12.** ... был сравнительно высоким, имел большой горб на спине и толстый хвост. Длина его составляла 18 метров. **13.** В чем меряют нефть

на мировом рынке? **16.** «Верная спутница» поэта. **18.** Входит в современное пятиборье. **19.** «Запасливый ... без ложки не ходит» (русская поговорка). **21.** Захват военных врагов. **24.** Что в законах бывает не только юридическим, но и физическим? **25.** Какой материал с успехом заменил слоновую кость в бильярде-

ных шарах? **27.** Махатма Ганди в возрасте 36 лет дал ... безбрачия. **29.** «Словесные помои». **30.** Кого из литературных героев пиковая дама свела с ума? **34.** В роли Остапа Бендера он предстал на экране после Сергея Юрского, но до Андрея Миронова. **35.** До какого чина дослужился старший сын Александра Пушкина? **37.** Что трупку кормит? **40.** «Интеллигентный человек никогда не станет пить из горлышка, если рядом есть пустая консервная ...» **41.** Кружево на комбинашку. **42.** «Выписывание кренделей» в небесах. **43.** «Свиной пирог», который нельзя скушать. **44.** «Беспорная красавица» в семействе генерала Епанчина из романа «Идиот» Федора Достоевского.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Что помешало Юрию Деточкину угнать машину Димы Семицветова? **3.** Биограф стойкого оловянного солдатика. **4.** Где нет «будильников, понедельников и начальников»? **5.** Мечтательный Марти из популярного мультфильма «Мадагаскар». **6.** «Достойная ...» старшему по-

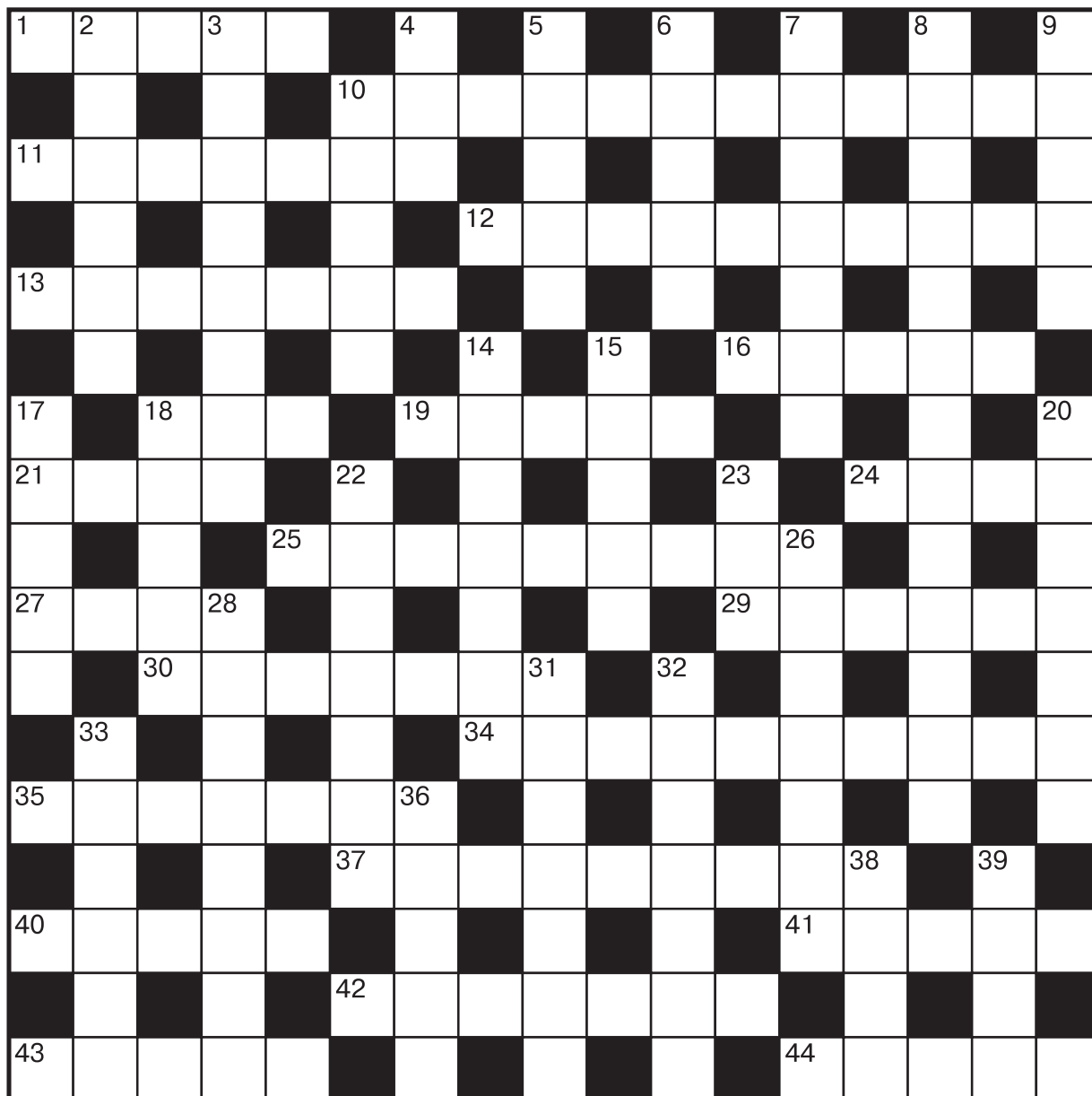
колению. **7.** Кто из сказочных докторов лечит заболевших зверей шоколадом и гоголем-моголем? **8.** Процесс превращения цыпленка в жирного каплуна. **9.** Галерея рядом с миланской Академией художеств. **10.** Подлинная фамилия Стендаля. **14.** Единственное место, где можно пить пиво и думать, что занимаешься спортом. **15.** «Мы меняем ... и цвет волос, наивно думая, что это изменит нашу жизнь». **17.** «За ... не ударят в нос». **18.** Ограничитель морских просторов. **20.** «Бедные люди — красивее, а богатые — сильнее» (русский классик). **22.** Роскошная застежка старинного фолианта. **23.** Богатое застолье. **26.** Ковш, чтобы спагетти промывать. **28.** Какой прибор помогает астроному следить за жизнью космоса? **31.** Жетон в обмен на сданное в гардероб пальто. **32.** Компьютерная реальность. **33.** Ассенизатор «авгиевых конюшен». **36.** В честь кого Симбирск с 1924 года переименовали в Ульяновск? **38.** На какой площадке встречаются боксеры? **39.** Семейство мировых классиков, вдохновившее на книги Андре Моруа.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Спика. **7.** Шляпа. **10.** Обычай. **12.** Банкротство. **13.** Автограф. **14.** Бубенец. **17.** Деликатес. **18.** Цаца. **19.** Бал. **22.** Тираж. **23.** Дровосек. **24.** Вожак. **26.** Государство. **28.** Мотив. **30.** Уран. **31.** Цокот. **32.** Шнур. **34.** Шер. **36.** Массаж. **38.** Генофонд. **39.** Дидериц. **40.** Лорд. **41.** Вахтер. **42.** Фантаст.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Топаз. **2.** Выстрел. **3.** Сангвиник. **5.** Пиаф. **6.** Кактус. **8.** Лыстец. **9.** Пиво. **11.** Родео. **12.** Балаганов. **14.** Бес. **15.** Царственность. **16.** Гайка. **17.** Дадон. **20.** Архаровец. **21.** Хвост. **22.** Талон. **25.** Фурор. **26.** Гир. **27.** Мушмула. **28.** Маэстро. **29.** Придурь. **31.** Цемент. **33.** Сад. **35.** Роман. **37.** Жила. **38.** Гипс.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **1.** Чей принцип не позволяет «плодить сущности без необходимости»? **10.** Самая древняя часть коры больших полушарий головного мозга. **11.** Как называли бы нашего министра обороны, занимая он эту должность в Древних Афинах?

12. Сосуд с ароматным маслом у древних греков. **13.** Упорная практика освоения йоги. **16.** «Разговорчивый меч» из романа «Цвет волшебства» Терри Пратчетта. **18.** Буддийский монастырь у кхмеров. **19.** Набедренная повязка в Индии. **21.** Шершавый

шелк. **24.** Что погубило дом Эшеров в рассказе Эдгара По? **25.** Какого из наших кинорежиссеров Джордж Лукас считал «крестным отцом» своих «Звездных войн»? **27.** Лучшая ищейка дореволюционной России. **29.** «Илья Муромец» от Игоря Сикорского. **30.** Какой мистический предмет часто держат в руках египетские фараоны на своих скульптурных портретах? **34.** Глухая ящерица без ног. **35.** Дракон из мифов восточных славян. **37.** Девичья фамилия последней жены Михаила Булгакова. **40.** Кинжал у солдат Древнего Рима. **41.** Где снимали «Веселых ребят»? **42.** Экипаж из старинной жизни. **43.** «Нострадамус XX века». **44.** Из какого африканского дерева делают лучшие скамейки для сауны?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **2.** Бархатная одежда на грузинках. **3.** Абхазская трещотка. **4.** Боевой кот, ставший героем фантастической повести «Парень из преисподней» братьев Стругацких.

5. Югославская булочка. **6.** Кто придумал первый в мире телеграфный аппарат, печатавший буквы? **7.** Жаровня, где под железным блюдом для мяса тлеют угольки. **8.** Немецкое вино из перезрелого винограда. **9.** В мифах у скандинавов можно встретить Иггдрасиль, который соединяет все девять миров. Что он собой представляет? **10.** «... божий никогда не оставляет идентичных отпечатков». **14.** Знахарь у древних индийцев. **15.** На чем альпинисты тренируются? **17.** Летнее кимоно. **18.** Славянский прорицатель. **20.** Российский город, куда ежегодно съезжаются на Фатьяновский фестиваль. **22.** Огненный демон вселенной Warcraft. **23.** Чье имя носили «врата входа» в загробный мир у древних египтян? **26.** Декоративный фронтон. **28.** Доверенное лицо. **31.** «Пить-есть не просит, а хлеб приносит». **32.** Флейта латышей. **33.** Стеклоподобная имитация драгоценного камня. **36.** Парфюмерный эксперт. **38.** «Невидимый мир» для мусульман. **39.** «Мусорная эстетика».

Ответы на эрудит, опубликованный в №2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Скрэт. **7.** Шакка. **10.** Питчер. **12.** Хореография. **13.** Колаттам. **14.** Херишеф. **17.** «Послемрак». **18.** Руга. **19.** Нин. **22.** Торре. **23.** Серенгат. **24.** Хочун. **26.** Невесомость. **28.** Аутад. **30.** Тамм. **31.** Живри. **32.** Ирын. **34.** Най. **36.** Лялиус. **38.** Овосипед. **39.** Нещечко. **40.** Куза. **41.** Сирвал. **42.** Гартман.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Упаки. **2.** Стилтон. **3.** Бертильон. **5.** Кром. **6.** Элечек. **8.** Амагер. **9.** Кеик. **11.** Огник. **12.** Хаммерхед. **14.** Хаз. **15.** Фунготерапевт. **16.** Баута. **17.** Питос. **20.** Недоброво. **21.** Лефор. **22.** Тулум. **25.** Целий. **26.** Ная. **27.** Италики. **28.** Амилаза. **29.** Анадолю. **31.** Жадеит. **33.** Мун. **35.** Осмий. **37.** Сека. **38.** Окра.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 1-е полугодие 2016 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта основная подписка на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

 PRESSA.RU

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2016 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на 2016 год или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2016 года.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получат денежные премии.**

Первая премия — 3 999 рублей

Вторая премия — 3 000 рублей

Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

